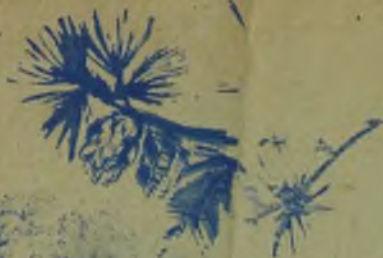

47.1

С 79

Охотники
Крайнего
Севера

Библиотека

Феликса III марка

ПУТЕШЕСТВИЙ И ЭКСПЕДИЦИЙ

А. ВИЛЬЯМУР СТЕФАНСОН

ОХОТНИКИ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
С. Ю. ГИНЗБУРГ-ГЕЛЬЦЕР
ПРЕДИСЛОВИЕ
ПРОФЕССОРА НЕКРАСОВА

*С 17 рисунками, 1 картой
и словарем терминов*

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Государственная
библиотека
Югры

РФ

-0102417-

42.1

В46

1929 г.

*Обложка — гравюра на дереве
худ. Н. П. Дмитровского*

Изд. № 2949

Главлит № А-31020

Печ. л. 13

Тираж 7.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор предлагаемой книги—Вильямур Стефансон—принадлежит к одним из самых крупных и оригинальных современных исследователей северных полярных стран. Он замечателен не только своими географическими открытиями, но и введенной им методикой исследования Арктики и оригинальными взглядами на экономическое значение Севера в ближайшем будущем для человечества. Его идеи заслуживают внимания всех рассматривающих краеведение, изучение края и в частности проблемы Севера, не только с точки зрения академического изучения того, что есть, но и с точки зрения динамической, с точки зрения открывающихся экономических возможностей при растущих успехах техники транспорта и транзита, при мировой перестройке отношений наций друг с другом, словом, при той ясно заметной для нашего поколения быстроте „шагов истории“.

Стефансон родился в Канаде в семье колониста, переселившегося потом в Дакоту, в соседний и тогда почти не заселенный штат Северной Америки. Проучившись в колледжах университетов Дакоты и Айовы, молодой Стефансон становится ассистентом профессора Путнама в Гарвардском университете и специализируется по антропологии.

В 1904 г. и следующем он совершает две научные экскурсии в Исландию, а в 1906 г. получает приглашение присоединиться к англо-американской северной экспедиции для антропологических исследований. Ему не удается соединиться с судном экспедиции,

и он самостоятельно занимается изучением северо-американского побережья Ледовитого океана, знакомится с эскимосами и их жизнью и принимает участие в их охоте.

Предлагаемая книга „Охотники крайнего севера“ и относится именно к этому раннему периоду деятельности Стефансона, рисуя его первые шаги. Годы с 1908 по 1912 он опять проводит с эскимосами на севере, живя с ними как настоящий эскимос. Он научается трудному эскимосскому языку и в совершенстве знакомится с выработанными эскимосами методами жизни на севере, получая таким образом оригинальную северную тренировку. Тогда он задумывает грандиозную экспедицию в полярные страны Северной Америки, где решает применить заимствованные им от эскимосов методы преодоления трудностей жизни на севере. Он получает сперва от различных учреждений Соединенных Штатов (Географическое общество, Нью-Йоркский музей) около 45 тысяч долларов на эту экспедицию, но потом по предложению канадского правительства соглашается возратить эти деньги обратно учреждениям Соединенных Штатов и вести экспедицию исключительно на средства Канады.

Экспедиция длилась с 1913 по 1918 г. (время империалистической войны, о которой Стефансон узнал лишь по возвращении из экспедиции) и ознаменовалась открытием трех новых обширных полярных земель к северу от Канады и большим количеством научных наблюдений всякого рода. Но еще более ценным представляется нам то, что Стефансон, повидимому, удовлетворительно решил задачу методики путешествий по северному полярному океану. В своей книге, описывающей эту экспедицию, „Гостеприимный север“, он посвящает особую главу стадиям развития арктических исследований. Здесь следует особенно подчеркнуть разницу между северными и южными полярными странами (Арктикой

и Антарктикой). Антарктика (южные полярные страны) занята огромным материком с плоскогориями и высокими горами, находящим некоторое подобие себе на Севере лишь в Гренландии, между тем как центр полярных стран Севера занят океаном с движущимися пловучими льдами, представляющими главное препятствие для путешествий даже для таких могучих ледоколов, как „Красин“ и „Малыгин“. Стефансон делит северные полярные исследования на четыре стадии. В первой стадии исследователи, боясь полярной зимы, когда солнце долго не показывается из-за горизонта, ограничивались лишь летними экскурсиями на судах. К зиме они старались возвратиться.

Вторая стадия характеризуется тем, что хотя экскурсии также совершались летом, но исследователи не спешили возвращаться обратно, устраивая себе где-либо в месте, защищенном от холода, зимнюю стоянку. Это позволяло с наступлением следующего лета двигаться далее, но требовало огромных запасов пищи и топлива. Кроме того, летом пловучие льды постоянно воздвигали преграды, и суда неоднократно терпели аварию. Поэтому большим шагом вперед, по мнению Стефансона, была третья стадия полярных исследований, ведущая начало от знаменитого американского исследователя — Пири. Он устраивал летнюю стоянку, предпочитая зимние экспедиции по льдам и суше, чтобы по возможности не подвергаться опасности от движущихся льдов. Сам Стефансон открыл четвертую стадию. Работа его экспедиции и передвижения ее производились и летом и зимой, за исключением небольшого перерыва в самое темное время года. Читатель из книги Стефансона увидит, что в полярных странах и зимой, хотя солнце скрыто все время за горизонтом, оно долго находится так близко от линии горизонта, что его отблеск освещает землю еще значительную часть дня. Мне самому приходилось быть за полярным

кругом! в декабре месяце в Александровске на Мурмане, и по крайней мере в течение четырех полуденных часов было так светло, что можно было видеть с лодки морских животных — морских звезд и т. п. — на глубине до двух сажен. Солнце же в это время вовсе не показывалось из-за горизонта.

В чем же заключались методы и достижения Стефансона?

Прежде всего он „облегчил“ полярных путешественников, доказав на своем примере, что можно странствовать, не беря с собой огромных запасов топлива и пищи.

В защите от холода он пользовался методами, заимствованными от эскимосов: 1) он научился строить снежные хижины с особой вентиляцией в них, позволяющей регулировать температуру. Читатель познакомится из книги с устройством таких эскимосских хижин. В этих хижинах он проводил время наибольшей зимней темноты; 2) он пользовался удобной и теплой одеждой из оленьих шкур, тоже заимствованной им у эскимосов; 3) он употреблял на топливо траву *cassiope tetragona*, которой умели пользоваться лишь некоторые племена эскимосов, и тюлений жир.

В питании он также следовал эскимосам, отказавшись, чтобы не обременять себя грузом, от соли и хлеба и питаясь исключительно мясом, сырым и вареным.

В добывании пищи он следовал методам охоты, заимствованным у эскимосов, при чем самой обычной пищей был тюлень. В предлагаемой книге читатель найдет описание этих методов охоты.

Из сказанного видно, что Стефансон первый догадался применить во всей полноте выработанные веками методы северной жизни эскимосов, изучив их в то время, когда он жил сам как эскимос с ними. Но оригинальность Стефансона сказалась в том, что он не поверил эскимосам именно там, где на них, на их мнения полагались прежние путешественники. Среди эскимосов было распространено

убеждение, что тюлени и другие животные живут лишь у берегов материка и что их нет в полярном океане и на далеких от материка островах. Стефансон, считая это мнение не обоснованным, смело двинулся в океанские льды и доказал изобилие животной жизни всюду в полярном океане. Таким образом оказалось, что для полярного путешественника арктическое море может доставить при надлежащей подготовке путешественника достаточно пищи и топлива. На трех человек экспедиции Стефансона и на шесть его собак хватало двух тюленей на неделю.

Чрезвычайно важным моментом в организации экспедиции был способ передвижения Стефансона, тоже до известной степени заимствованный им у эскимосов. Он пользовался попеременно брезентовой лодкой и санями с собаками. Естественно, что, не беря с собой груза топлива и пищи, Стефансон мог легко передвигаться и летом. Здесь препятствием является обычно большое количество плавающих льдов, которые могут затереть судно и увлечь его в открытый океан, как это случилось в самый первый год большой экспедиции Стефансона с его судном „Карлюк“; судно это было унесено к западу от Аляски, где его затерло, и погибло недалеко от острова Врангеля, куда перебрался экипаж и ученый персонал экспедиции. Большая часть этих лиц была снята через год случайно зашедшим на остров Врангеля американским судном, часть умерла на этом острове, а четверо ученых пропали без вести, решившись по льдам переправиться на сибирский берег. Сам Стефансон с четырьмя спутниками, когда „Карлюк“ был затерт льдами, перешел на берег Аляски, но уже не мог попасть обратно на судно. Дальнейшую экспедицию проделал со спутниками своими по льду и земле на собаках, везших сани. Когда путешественники подходили к полынье или проливу, то вынимали из саней брезент, делали из него легкую лодку, которая однако подымала их собак, сани

и груз, и переправлялись на лодке. Далее они опять высаживались на лед, складывали брезент на сани и двигались дальше.

Стефансон не ограничился изданием книг, посвященных его путешествиям и странствованиям. Он выпустил также чрезвычайно интересную книгу под заглавием „Тяга на Север“, где в оригинальной и популярной форме рассматривал проблему Севера вообще. Он здесь подчеркивал не столько те богатства (минеральные, рыбы, пушного зверя и тому подобное), которые можно извлечь из Севера, сколько задавался вопросами о неизбежной колонизации Севера, о его будущем экономическом значении.

Не надо, конечно, забывать связи экспедиций Стефансона с канадским правительством, в свою очередь тесно связанным со старинной Компанией Гудзонова залива, которой принадлежат огромные земельные пространства и акциями которой владеет в значительной части государство. Можно отнести в большой степени на счет определенных „заданий“ Канады, заинтересованной в колонизации края, то, что Стефансон описывает с некоторым преувеличением прелести Севера и доказывает главным образом в книге „Гостеприимный Север“, полную возможность приятной и здоровой жизни в его тундрах. Но в основной его концепции много справедливого. Проблема Севера по его мнению сводится к тому, имеет ли культурное человечество в своем многовековом движении к Северу шансы дойти до предела — до берегов Нового Средиземного моря, каким будет являться тогда Северный Ледовитый океан, и, создав себе животноводством (оленоводством или разведением овцебыков) постоянный источник пищи для местного населения, заселить обширные тундры подобно тому, как оно заселяло среднюю Европу, русскую равнину, Соединенные Штаты Америки и среднюю Канаду. Автор решает вопрос в положительном смысле и остроумно использует для своей цели „уроки“ истории, показывая,

как невежество ставило всегда воображаемые препятствия перед человечеством в его „заоевании земли“ вообще и в его движении на Север в частности и как ужасы, пугавшие его вначале, постепенно отходили в область преданий.

Он вспоминает, как древние латинские авторы смотрели на теперешнюю Англию и Германию как на суровый край, где жизнь для римлянина немыслима. Он отмечает, как в истории человечества центры культурной жизни, „столицы“ государств переносились все дальше на север. Он приводит интересные исторические факты полного непонимания даже государственными людьми будущего экономического значения „диких, суровых“ стран. Так, английское правительство после успешной для него так называемой „индийской“ войны с французами в Канаде отказывалось было брать себе Канаду, требуя себе вместо этой суровой страны с колоссальными ресурсами небольшой островок в центральной Америке—Гваделупу с его плантациями сахарного тростника. Так и все американские партии в свое время единодушно считали покупку Грантом „бесплодной“ Аляски у русского правительства безумной тратой денег, хотя один ежегодный улов рыбы — нерки — у его берегов во много раз покрывает теперь эту трату.

То, что степи Соединенных Штатов и южной Канады постепенно переходят от скотоводства к земледелию, заставляет Стефансона прозорливо считать тундры Севера, где невозможно земледелие, будущим, может быть, единственным поставщиком на всемирный рынок мяса. Стефансон отмечает при этом необыкновенные успехи в Аляске введенного там оленеводства. Если эти идеи Стефансона справедливы, то не менее замечательны и его мысли о значении нового северного транзита, главным образом воздушного, но также и подводного и подледного, в будущем сообщении народов друг с другом. Еще до удачного перелета Амундсена из Ленинграда

В. А. Измайлов

в 1926 г. через Шпицберген и через северный полюс на дирижабле в Аляску, Стефансон в указанной книге утверждал, что недалеко то время, когда Северный Ледовитый океан будет Средиземным морем между Северной Европой, Северной Азией и Северной Америкой. Успехи техники воздушных путешествий должны перестроить все взаимные отношения стран. И тогда Ленинград через Ледовитый океан окажется более близким к северной Канаде и Аляске, чем это думали когда-нибудь, и из Нью-Йорка в Токио будут летать через Ледовитый океан и северо-восточную Сибирь.

Эти предсказания Стефансона чрезвычайно скоро начали оправдываться на деле. Необыкновенное внимание, с которым пресса всех стран следила за северными перелетами — как полет на дирижабле Амундсена и Нобиле в 1926 г., как плачевная попытка Нобиле 1928 года, кончившаяся катастрофой и вместе доставившая столько славы „Красину“ и его экипажу и советской авиации — показало, что здесь затронуты не одни только спортивные и научные интересы...

Настоящая книга посвящена жизни Стефансона с эскимосами, когда из него начал вырабатываться полярный путешественник.

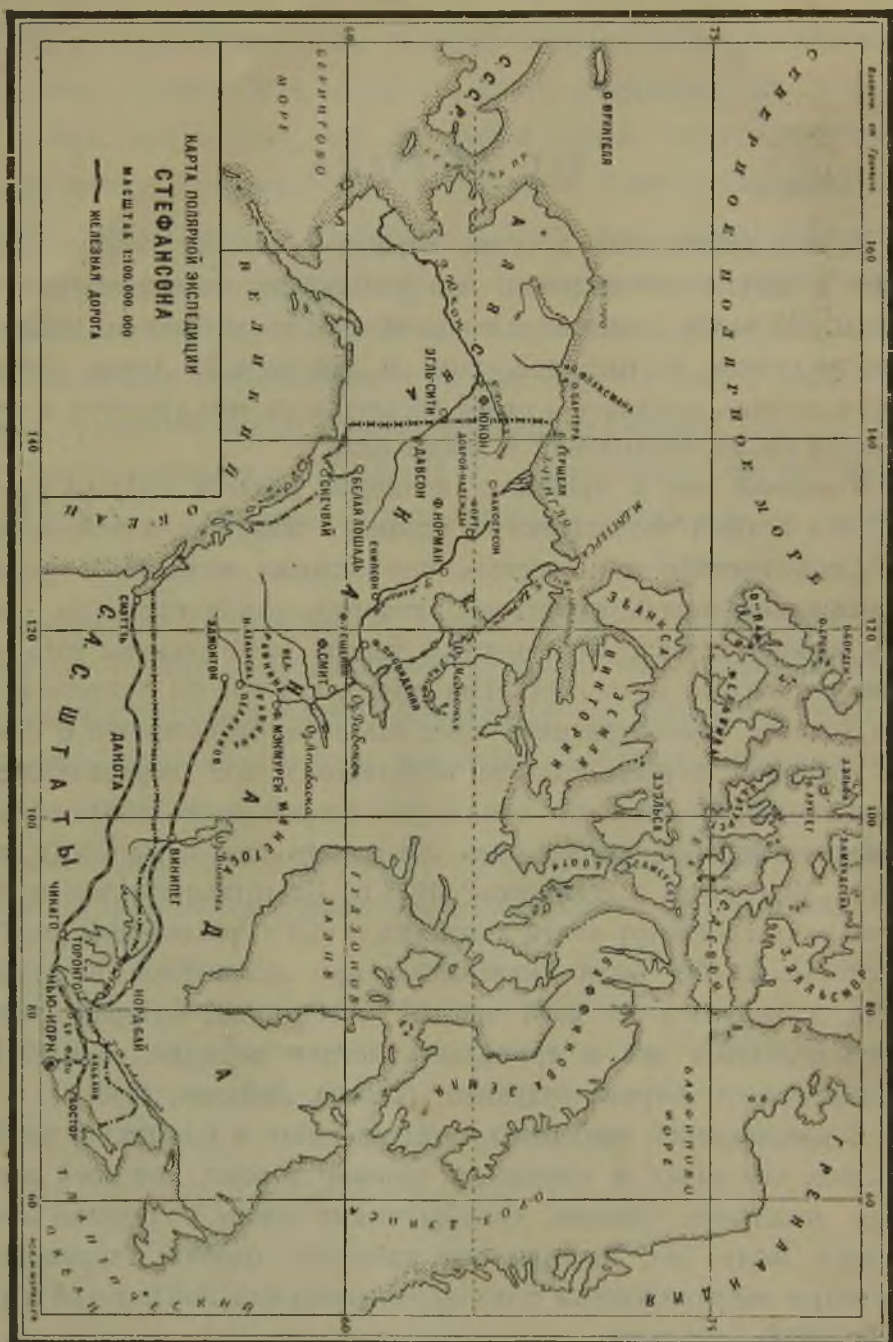
А. Некрасов

ОТ АВТОРА

Первое путешествие в чужие страны оставляет обычно более яркие и живые впечатления, чем следующие посещения той же страны. Но книга, написанная под свежим впечатлением, пожалуй, будет не совсем достоверной, хотя и интересной. Автор, с точки зрения истины, пожалеет о своей поспешности, ибо убедится в ошибочности своих наблюдений и заключений.

В первый раз я пробыл в полярной области полтора года и вернулся полный восхищения от страны и живущих в ней эскимосов. Свой восторг я, к счастью, не воплотил в книге, а занялся организацией новой экспедиции, которая отправилась на север семь месяцев спустя. Перечитывая теперь свой дневник того времени, я невольно содрогаюсь при мысли, что мог бы усилить и без того ходячее невежественное представление большинства о северном полярном поясе, если бы опубликовал мои первоначальные о нем сведения. Лишь по окончании второй экспедиции, когда я прожил на дальнем севере семь лет и пять зим, я выпустил свою книгу: „Моя жизнь у эскимосов“ (1913 г.) Благодаря критике и внимательному просмотру книги я заметил в ней с полдюжины ошибок. Некоторые из них были уничтожены при дальнейшем печатании. Когда я вернулся из моей третьей экспедиции, которая длилась десять полярных зим и тринадцать летних периодов, я в 1921 г. написал книгу: „Страна будущего“ (2 тома, Лейпциг, 1923 г.)

В предлагаемой вниманию читателя книге я попытался изобразить все, что видел и слышал в течение первых лет моей жизни среди эскимосов. Знания, приобретенные мною в течение последующих десяти лет, помогли мне избежать ошибок, вкравшихся благодаря неправильности моих первоначальных наблюдений и умозаключений.

1. ПОДГОТОВКА К ЖИЗНИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Моя семья принадлежала к первым колонистам Северной Америки. До возникновения больших железных дорог, пересекавших позднее по всем направлениям северо-восточные прерии, эти пионеры бродили от западного края Верхнего озера до Красной реки на севере и далее на юг до озера Виннипег. Еще ранее туда проникли трапперы, охотники и миссионеры. Моя семья была из числа первых колонистов-фермеров, которые поселились там в 1876 году и занялись превращением непроходимого дикого первобытного места в земледельческую колонию, каковой она остается и по сей день.

Жизнь пионеров была полна серьезных испытаний. Хотя индейцы были вообще настроены дружелюбно и до некоторой степени даже готовы прийти на помощь, поселенцы их не понимали и поэтому не доверяли им.

После двух лет тяжелого, неусыпного труда моя семья обзавелась уютным деревянным домом и могла уже приступить к очистке леса под пашню. Но в это время случилось наводнение и весь запас нашего сена и наших соседей был унесен в копнах. Много голов скота также погибло в воде. Из-за этой разрухи к весне вспыхнул голод. Недоедание свело в могилу моих брата и сестру; также и несколько наших соседей погибло от голода. К этому еще присоединились ужасы оспенной эпидемии;

голод и поварьные болезни обычно идут рука об руку. Отчасти благодаря этим затруднениям и несчастьям, отчасти влекомая пионерским духом, моя семья перебралась из лесов Манитобы в прерии Дакоты. Я родился в 1879 г., незадолго до наводнения, и мне не было полных двух лет, когда мы перешли границу Канады и перебрались в Соединенные Штаты.

В течение десяти лет я рос на дакотской ферме и ходил зимою за три или пять километров в маленькую сельскую школу, которая функционировала в продолжение незначительной части года. В разных направлениях от нашей фермы существовало еще несколько школ, и я мог после закрытия одной из них посещать несколько недель другую, если в ней время занятий не совпадало с первой.

После смерти отца мы продали нашу ферму, и я в течение четырех лет был ковбоем в «дикий стране», как мы называли тогда еще не заселенные прерии. Ближайшие соседи жили в двадцати километрах от нас, в различных местах на северо-восток и юго-восток. Как далеко на запад жили от нас наши ближайшие соседи—я не знаю; но вероятно не меньше 150, а может быть, и 300 километров.

В отрочестве я проглатывал десятками рассказы о ковбоях и пограничной жизни, и безбрежные прерии были окутаны для меня романтической дымкой. Бизоны исчезали понемногу, но их побелевшие кости лежали повсюду, а глубоко вдавленные следы их ног, подобно бесконечным змеям, кружили по горам и долам.

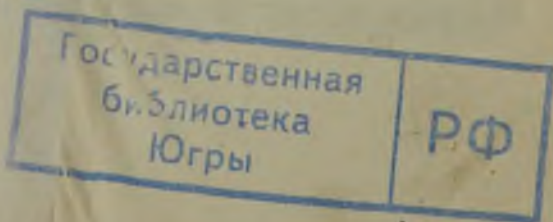
Моим героем скоро сделался Робинзон Крузо. Этот идеал уже никогда меня не оставлял. Двадцать лет спустя, открывая новые страны и острова, где никогда не ступала человеческая нога, я действительно испытал то волнение, которое рисовала моя юношеская фантазия. В мечтах

я желал очутиться затерянным и всеми забытым среди океана или посетить Робинзона на его острове.

Тогда еще нельзя было предвидеть, что дальнейший путь моей жизни направится в сторону полярных исследований. Но бессознательно я получил наилучшую подготовку к такой деятельности. Живя на пограничной ферме, я охотился зимой на кроликов и тетеревов; весной же и осенью — на уток, гусей, лебедей и журавлей. Будучи ковбоем, я на лошади гонялся за белохвостой антилопой. Насколько мне помнится, я почти всегда был с двустволкой на охоте, и уже в возрасте десяти лет я был отличным стрелком.

Борьба с климатом Дакоты подготовила меня более, чем что-либо другое, к жизни охотника в полярной области. Летом в Дакоте так же безумно жарко, как и в некоторых местах арктических прерий. Конечно, зима там не так продолжительна, как в Арктике. Но иногда так же бывает холодно, и зимние бури в Дакоте бывают часто так же сильны, как и на далеком севере.

Когда мне исполнилось восемнадцать лет, положение снова изменилось. Четыре парня, все приблизительно одного возраста, основали на свои собственные средства ферму. Мы выбрали себе довольно большой пригорок, который издали смахивал на двугорбого верблюда. На одном бугре стоял наш дом, а в десяти метрах от него, на другом бугре, находился хлев для скота. В конце ноября, накануне праздника урожая, разыгралась буря, которую и поныне пионеры называют именем этого праздника. Вначале погода была теплая, небо заволокло тучами и в продолжение шести часов снежные хлопья бесшумно падали на землю, становясь все многочисленнее по мере того как крепчал ветер.

На следующее утро уже свирепствовала сильная вьюга. У нас нехватило благоразумия протянуть от выхода дома к двери хлева тонкую проволоку или веревку, чтобы по ней легко было в бурю найти путь к хлеву для кормления скота. После долгих обсуждений о том, что более безопасно, я вызвался найти дорогу, так как мы знали точное направление ветра, а хлев был длинный и стоял широкой стороной к дому. Я смело пошел навстречу вьюге, закрывая лицо руками в перчатках, — иначе у меня захватило бы дыхание от ветра. Мои глаза, защищенные руками от снега, разглядели дорогу, и я добрался до хлева. Но дверь его находилась с подветренной стороны, и перед ней намело большой сугроб снега. Хотя я знал местоположение двери, но не нашел ни малейшего следа ее. При помощи лопаты я мог бы добраться до нее, но падающий снег скорее засыпал бы яму, чем я успел бы ее разгрести. Кроме того, я не мог найти лопаты, так как она была похоронена под снегом. Я еще раздумывал, не пробраться ли мне в хлев через крышу, но убедился в том, что если бы мне удалось сделать необходимое отверстие, то я не был бы в состоянии перенести туда сено из стога. Пришлось отказаться и от этого плана и вернуться домой.

Тогда мы не долго останавливались на этом приключении, но теперь я это считаю одним из самых безумных предприятий моей жизни, которая впоследствии была богата подобными же выходками. Когда мы через несколько месяцев вернулись в поселок, то узнали о тридцати смертных случаях, происшедших благодаря этой буре. Некоторые фермеры ушли из дому, чтобы проведать свой скот, но не могли найти хлева и замерзли. Другие, которым посчастливилось найти свои хлева, должны были

оставаться в них, не осмеливаясь возвратиться в свои дома до прекращения бури. Иные, найдя свои хлева, сумели покормить скот, но погибли на обратном пути к дому. Ходили слухи, что некоторые легко построенные хижины фермеров были сорваны ветром, при чем жители, очутившись во власти бури, погибли под обломками разрушенных зданий.

В ту пору я присоединился к мнению наших соседей (мы называли друг друга соседями, хотя жили на расстоянии 25 километров один от другого), что вышеописанная буря чрезвычайно опасна для жизни. Тогда мы не знали, как бороться с таким бедствием. И только у эскимосов я научился, как надо противостоять снежной буре, и мне было бы стыдно в борьбе с нею получить большее повреждение, чем маленькую опухоль от мороза.

Когда я был ковбоем, наши соседи были людьми обычной американской складки. Но фермеры, среди которых я жил до этого времени, переселились из европейских стран, где литературная деятельность ценилась больше, чем погоня за деньгами. Тогда стремились сделаться адвокатом, писателем или государственным деятелем. Я решил сделаться писателем и, как предварительное условие для этого, считал необходимым пройти высшую школу. И когда моя первая попытка устроить на свой риск и страх ферму не удалась, я вернулся к своим первоначальным планам. Когда я отправился в университетский город, я впервые в жизни поехал по железной дороге, хотя видел поезд много раз и до этого.

Мой капитал состоял из 53 долларов, мой костюм стоил 7 долларов, и тем не менее я не сомневался в том, что пробью себе дорогу. Я посещал университет северной

Дакоты, сдал докторский экзамен в университете Айовы и после того учился еще три года в Говардском университете.

За время университетской жизни мои планы менялись несколько раз. Стремление стать писателем жило во мне довольно долго, так что я успел прочесть почти всех английских поэтов, а также и поэтов на двух—трех других языках. Я и сам писал стихи, которые печатались в университетских журналах. Может казаться, что писание стихов не совсем подходящая подготовка для дальнейшего поприща охотника за белыми медведями и исследователя полярных стран. Но я в этом не совсем уверен. Исследователь является творцом своего дела, и поскольку он великий исследователь, постольку же он и великий поэт. Духом он должен быть силен и ясен, как поэт, а телом настолько крепок, чтобы противостоять снежным бурям.

В студенческие годы я пришел к выводу, что существует не только поэзия слов, но и поэзия действий. Кругосветное путешествие Магеллана было таким же великим творением, как и любая драма Шекспира, а закон природы — это вечная поэзия.

Эти мысли заставили меня направить свой путь в сторону науки, а не литературы. Я стал заниматься естественными науками, изучающими жизнь на земле. Дарвин и Спенсер вытеснили поэтов. Я мечтал о том, чтобы открыть биологический закон, подобный учению о происхождении видов. Наконец я исключительно отдался занятиям по антропологии, которая изучает природу человека и его деятельность в общем, и в частности те племена, которые мы так легкомысленно называем «дикими».

Полею моей деятельности я избрал тропическую Африку. В течение двух лет я посвящал все немногие часы своего досуга чтению книг об Африке, и мои стремления зашли так далеко, что я уже готов был сопровождать английскую торговую экспедицию, отправлявшуюся в восточную часть средней Африки.

В Говардском университете было в обычае обедать дружеской, тесной группой за отдельным столом общей столовой. Здесь велись разговоры на всевозможные темы. Однажды кто-то спросил моего мнения о вновь организуемой полярной экспедиции, о которой сообщалось в газетах. Организаторами экспедиции были: американец Леффингвель и датчанин Микельсен. Почему-то думали, что меня это должно интересовать, так как я написал статью об открытии Гренландии норвежцами около 900 лет тому назад и о том, что это были первые европейцы, увидевшие эскимосов. Я отвечал, что я мало заинтересован лично в этой полярной экспедиции, так как мои мысли уже в течение двух лет направлены в сторону Африки.

Несколько дней спустя сидели мы снова за столом, как вдруг посыльный подал мне телеграмму. Она была подписана Эрнстом де Ковен Леффингвелем, который предлагал мне приехать на его счет в Чикаго, чтобы поговорить с ним о моем участии в организуемой экспедиции, которая давала мне возможность заняться на острове Виктории изучением эскимосов, не видавших еще никогда белых.

Взволнованные, мы стали обсуждать это известие, и помню наше предположение о том, что Леффингвель или один из его единомышленников прочли мою статью о Гренландии и вследствие этого предложили мне поездку на север. Так оно и было в действительности.

Я быстро принял решение и уехал с первым поездом, шедшим на запад. Во время моих переговоров с Лефтингвелем было решено, что я присоединяюсь к экспедиции лишь у устья реки Мэкензи, а не в Британской Колумбии. Судно же снаряжалось в Виктории. Предполагалось, что оно отправится через Тихий океан и Берингов пролив к северу, а потом будет следовать вдоль северного берега Аляски на восток до стоянки китоловов на острове Гершеля в устье Мэкензи. Остров Гершеля я выбрал местом встречи с экспедицией по различным причинам.

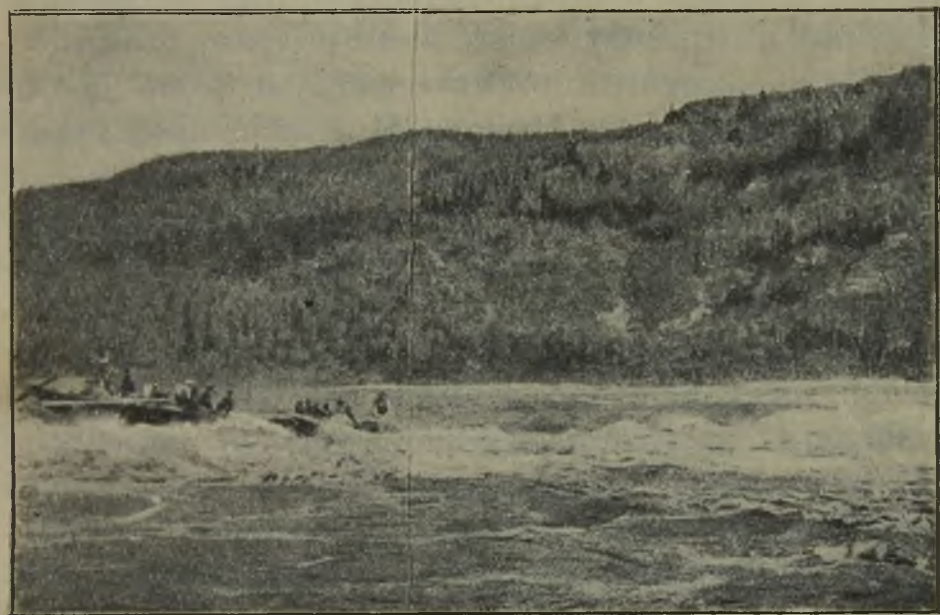
Я уже четыре раза пересекал Атлантический океан и знал, что один океан похож на другой. Вообще я не знаю ничего скучнее, чем морское путешествие. Если бы я нуждался в отдыхе, то я предпринял бы такую поездку. Но в то время я совершенно не имел желания отдыхать. Поэтому я и предложил поучительное и интересное путешествие к устью Мэкензи, и Лефтингвель согласился со мной. Путь должен был идти через страну, которая, несмотря на семнадцатилетнее культурное развитие, остается дикой страной. Индейцы, населявшие ее, были еще неизвестны науке, несмотря на свои давнишние сношения с торговцами мехов Гудзонской Компании.

2. ТРИ ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ ПО СТРАНЕ ИНДЕЙЦЕВ

Я покинул Нью-Йорк в апреле 1906 г. и направился через Виннипег в Эдмонтон¹. Заведующий канадским отделением Гудзонской Компании в Виннипеге оказывал мне всяческое содействие и распорядился, чтобы сотрудники этой старой организации помогали мне повсюду

¹ Города в Канаде.

по пути, чем только смогут. Здесь же в Виннипеге я познакомился с выдающимся ученым путешественником Родэриком Макферланом. Он рассказал мне о своем посещении в 1867 г. арктического побережья. По его словам, жившие там индейцы пребывали в вечном страхе перед более сильными и воинственными эскимосами. Эскимосы,

Суда на порогах реки Атабаски.

не смущаясь расстоянием в 600 километров, совершали разбойничьи набеги по всему краю. Индейцы даже не помышляли о сопротивлении и шли на всяческие уступки при первой же вести о приближении эскимосов. К счастью для индейцев, эскимосы боятся зимовать в лесу. Прохладная тень дерева эскимосам приятна, но они не подозревают, какую естественную защиту представляют деревья против бури. Иначе они давно уже отняли бы у индейцев их лучшие земли.

Макферлан сообщил мне также, что воинственные набеги эскимосов имеют своей целью раздобыть пужные им камни в каменоломне у форта Доброй Надежды. Из этих камней изготавливаются ножи и острия стрел, нужные эскимосам для охоты на карибу, канадских северных оленей; из них делают также гарпуны для охоты на тюленей и китов. В перегруженных лодках, с громкими песнями и веселым шумом эскимосы переезжали расстояние в 600 километров от их страны до форта Доброй Надежды у устья реки Мэкензи. Налеты их происходили систематически, через определенные промежутки времени, и индейцы, учитывая это, во-время обращались в бегство. Обычно в мае они оставляли свои деревушки, расположенные по течению реки, и прятались в лесах, откуда возвращались лишь осенью, предварительно разузнав, убралась ли эскимосы во-свояси. А так как деревни индейцев состояли из одних шалашей, которые легко можно было забирать с собой, то эскимосам нечего было и грабить. И только несчастная случайность в виде непосредственного столкновения индейца с эскимосом порождала кровопролитие. Если силы обеих сторон были равны или индейцев было меньше, то индейцы обычно спасались бегством. Но если значительному количеству индейцев случалось напасть на двух—трех эскимосов, то они убивали их. Развитие обмена и торговли с эскимосами постепенно делало для них набеги на индейцев ненужными. В магазинах Гудзонской Компании эскимосы могли покупать сколько угодно железных изделий; это избавляло их от необходимости употреблять каменные орудия и посещать каменоломни возле форта Доброй Надежды. Мирные отношения между ними налаживались еще до Макферлана, но мир этот был весьма непрочен; так, сам Мак-

Ферлан был ограблен однажды самым воинственным из эскимосских племен Купатмиутами. Это так называемое «племя большой реки» жило значительную часть года на одном из рукавов дельты Мэкензи и более или менее многочисленными группами бродило далеко по окрестностям. Как впоследствии выяснилось, я как-раз провел ближайшую зиму среди одной из этих групп.

В 1906 г. Эдмонтон насчитывал около 8.000 жителей. Так как дальше к северу железная дорога в то время еще не была проложена, то остальные 150 километров до пристани Атабаски (на реке Атабаске) пришлось уже ехать лошадьми по песчаной дороге. С этого места начиналось сообщение уже водным путем.

Город Атабаска имел 600 жителей, из них половина была индейского происхождения. В Эдмонтоне значительная часть населения занималась меховой торговлей. В Атабаске эта торговля являлась единственным средством к жизни.

Ниже Атабаски существовали два способа путешествовать: одни пользовались пароходом «Полуночное Солнце», другие — плоскими лодками и плотами, из которых каждый подымал до восьми тонн груза. Команда на них состояла из индейцев.

Первое путешествие мне пришлось совершить на пароходе «Полуночное Солнце».

Вся долина реки Мэкензи, к которой принадлежит и Атабаска, богата нефтью. У «Быстрого Пеликана» нашим глазам представилось великолепное зрелище горящего газового фонтана. Последний был убедительным и ярким доказательством тех сил и богатств, которые таятся здесь в недрах земли. Просверлив газовый колодезь, кто-то зажег газ, и пламя его подымалось до пяти метров

высоты. Ночью газ освещал своим пламенем широкую Атабаску и находившийся на другом берегу лес.

После 13 дней езды на пароходе мы достигли острова Большой Скорости, лежащего в 265 километрах от города Атабаски. Ниже этого острова мы воспользовались паромами, на которых много быстрее и приятнее нежели на пароходе совершили последнюю часть нашего путешествия до форта Мак Муррей.

Москиты с каждым днем становились злее. Мы не спасались от них и на середине реки, а на берегу они нападали на нас целыми роями. Очень тягостно при общей тяжелой одежде носить в жару еще сетку от москитов на голове, которая не пропускает струи свежего воздуха, так необходимого в жаркий день.

К счастью, я не курю, и мне забавно было видеть все ухищрения курильщиков. Они раскуривали трубки с длинным чубуком, который втыкали в маленькое круглое отверстие, специально для этого сделанное в сетке. Но часто москиты садились на чубук и, ползя по нем, как по дорожке, проникали под сетку. Наши страдания от москитов усиливались по мере приближения к полярному кругу.

По пути мое внимание привлекли собаки индейцев. Индейцы любят, когда их собаки в упряжке имеют красивый откормленный вид, с лоснящейся шерстью и гордой осанкой.

У собаки, как и у человека, внутренний облик часто отражается на внешности. Некоторые собаки имеют очень раболепный вид, а это индейцу совсем не по душе, так как он требует от них гордой осанки. Чтобы достигнуть этого, он пускает в ход всю свою изобретательность и тратит много денег на украшение своих животных. Для этого

служат ленты и всякие побрякушки, а также колокольчики всевозможных размеров и оттенков, которые звенят при малейшем движении. Последние прикрепляются к ошейнику и другим частям упряжи, а также к привязанным к ошейнику палкам, раскачивающимся во время езды из стороны в сторону.

Индеец обращает много внимания на то, чтобы отправиться в путь в надлежащем виде, но еще больше значения придаст он тому, чтобы с шиком в'ехать в какую-нибудь деревню. На низовьях реки Мэкензи индейцы, посещающие те пункты, в которых идет меховая торговля, обычно делают остановку на ночь за 15 километров от пункта, чтобы дать собакам основательно отдохнуть. На утро они их запрягают и, подхлестывая собак, стрелой пускают их шумную кавалькаду; кавалькада мчится с стремительной быстротой на пункт. Обычно индейцы достигали его до полудня, когда дневной свет достаточно ярок и когда заведующий и другие обитатели пункта гуляют после завтрака и могут встретить и приветствовать прибывших, и подивиться неслыханной скорости их езды.

Так живут собаки зимой. Хозяин хорошо кормит их, либо нуждается в их рабочей силе и хочет, чтобы они имели хороший вид. Индейцы знают однако, что достаточно нескольких недель обильной кормежки, чтобы собаки опять пришли в хорошее состояние. А так как летом собаки не несут никаких тяжелых обязанностей, то уже с весны индейцы совсем перестают их кормить, и бедные животные все лето предоставлены самим себе. Вследствие этого они к июню успевают так отощать, что смахивают на скелеты.

В Мак Муррее нас ожидал пароход «Грагам». На нем мы спустились вниз по Атабаске, через озеро Атабаску,

до начала целого ряда порогов, тянувшихся на протяжении 26 километров и известных под именем Смис Портедж.

У начала «Быстрого Смиса» имеется пункт меховой торговли, называвшийся тогда пристанью Смиса.

В форте Смиса, пониже порогов, мы пересели на пароход «Риглей» и быстро продолжали путешествие без особенных приключений. При переезде через Невольничье озеро мы на целые часы теряли берег из виду.

Дорогой мы узнали, что какой-то небольшой пароход сел на мель. Мы отправились на помощь по реке, богатой песчаными отмелями, зорко высматривая судно, потерпевшее крушение. Заметив его издали, мы сразу же взяли на него курс, но внезапно увидели, что за пароход, был нами принят лежавший на мели ствол дерева.

Это было моим первым знакомством с атмосферическим явлением, хотя и несвойственным северу, но часто там встречающимся. Воздух здесь так прозрачен и так полон какого-то особого блеска, что становится трудно определять расстояние между предметами. Если высматривать вдали судно, а вблизи лежит небольшой кусок дерева, то это дерево легко можно принять за корабль. Мне случилось здесь однажды принять суслика за серого медведя, а от других путешественников я слышал, что они спутали песка, который немного больше кошки, с белым медведем. Норденскиольд рассказывает, что он однажды увидел темные горы с ледяными глетчерами и направил к ним свою лодку. К счастью, горы эти исчезли под водой в тот момент, когда лодка чуть не столкнулась с ними, «горы» — оказались самым обыкновенным моржом, а два «глетчера» — его клыками.

Благодаря мнимому пароходу мы чуть не сели на мель. Обычно такие плоскодонные суда, как «Риглей»,

погружены в воду передней частью меньше, чем задней. У нас же было 90 кило груза на носу судна, поэтому оно уткнулось носом в песок и в тину. Тогда мы перенесли груз на другое место, куда перешла также команда и часть пассажиров; нос поднялся на полметра, и мы двинулись с места.

В той местности, где река Гэй впадает в Невольничье озеро, мы проезжали мимо одной фермы, окруженной красивым садом и большим картофельным полем. Люди обыкновенно удивляются, услышав о произрастании овощей на далеком севере; но побывав в этой стране, видишь, что тут нечему удивляться. Когда попотеешь при 32 градусах в тени, невольно перестанешь удивляться быстрому произрастанию картофеля и густым тучам moskitov в этой стране. Картофель выращивают в форте Доброй Надежды и даже еще севернее.

Торговые пункты расположены по Мэкензи на расстоянии 300 километров один от другого. В каждом из них есть ряд зданий, принадлежащих Гудзонской Компании.

Наконец мы добрались до дельты реки Мэкензи, лежащей в 150 километрах от моря. Мы направились к форту Макферсон, к тогдашней северной границе владений Гудзонской Компании.

Этот пункт находился многие годы под управлением Джона Фирса. Несколько лет тому назад Фирс достиг возраста, когда сумел перейти на пенсию и уехал в Виннипег. Но он нашел этот город недостаточно северным и после неприятно прожитого там года попросил компанию предоставить ему прежнюю работу и вернулся в Макферсон. Теперь, когда я пишу эти строки (1922 г.), Фирс снова удалился на покой, но живет в маленьком доме около

пункта, которым он управлял почти полстолетия. Он хочет провести остаток своей жизни там, где прожил лучшие свои годы.

3. МОИ ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ЭСКИМОСОВ

Моя голова была полна книжной премудростью о севере. Многие из этих сведений оказались неверными, и я переживал одну неожиданность за другой, в особенности когда вплотную столкнулся с эскимосами. Несколько десятков их я уже видел на берегу реки «Красная», при отплытии парохода «Риглей» в форт Макферсон. Белые, стоявшие среди них, были почти одного с ними роста. Я думал, что эскимосы—низкорослые, и потому удивился, когда увидел, что торговцы Гудзонской Компании и представители конной полиции выглядят здесь все низкорослыми. Но когда я сошел на берег и поздоровался с ними, то убедился, что многие из них выше меня, а мой рост равен 1,8 метра. Следовательно, некоторые эскимосы бывают даже высокого роста. Впоследствии я убедился, что эскимосские женщины действительно ростом ниже белых женщин, но мужчины, живущие на Аляске и вдоль реки Мэкензи, не отличаются ростом от среднего европейца. Возможно, что эскимоски только показались мне низкорослыми, ибо они не ходят на пальцах и не носят ботинок с высокими каблуками, как белые женщины.

С первого дня моего приезда к эскимосам я был поражен их плавной походкой и непринужденной осанкой, с какой они держались, разговаривая с индейцами реки Атабаски. Это напоминало мне рассказы, слышанные в Виннипеге о пренебрежительном обращении эскимосов

с индейцами: они держатся по отношению к ним с явным видом превосходства. Фирс подтвердил мне это и рассказывал много историй о первых днях после перемирия между эскимосами и индейцами. Оба народа были достаточно уверены в себе, чтобы встречаться каждое лето в форте Макферсон, но ни один из них не доверял вполне другому и потому они все еще жили в отдельных лагерях.

Фирс был отчасти более расположен к индейцам, чем к эскимосам. Его жена была наполовину индейского происхождения, он бегло говорил по-индейски и почти не знал эскимосского языка. Поэтому он хорошо знал индейцев, был достаточно знаком с их особенностями, чтобы не всегда доверять им, но считаться с ними там, где это нужно было. Эскимосы были более предприимчивыми и надежными людьми. Но так как Фирс их мало знал, то не доверял им, хотя некоторых из них очень хвалил.

Особенно много рассказывал мне Фирс про одного эскимосского начальника по имени Овайюак, который своей предприимчивостью и живостью своего характера превосходил всех знакомых ему индейцев и даже белых. Он очень хвалил еще одного эскимоса, средних лет, известного под именем Рокси. В 1889 г., когда этот эскимос был еще юношей и работал на корабле, китоловы на острове Гершеля дали ему это прозвище. Фирс советовал мне проехать 400 километров от Макферсона до острова Гершеля на китоловном судне Рокси. Я последовал его совету и 30 июля 1906 года отправился в путь на судне Рокси.

Теперь я знаю, что эскимосы не имеют фамилий. Если человека зовут Иоанном, а жену его Марией, то они так и называются. Тогда я этого не знал и потому записал в своем дневнике, что наше общество состояло из капитана Рокси, госпожи Рокси и их дочери Навалук, десяти

лет. Рокси был высокий мужчина с орлиным носом, цветом кожи не темнее итальянца, гладкими черными волосами, как у всех эскимосов, и небольшой бородкой. Очень немногие эскимосы носят бороду, но у Рокси я видел

Современный молодой эскимос.

работника, сильного коренастого мужчину, по имени Облуток, который имел большую, лохматую, черную бороду.

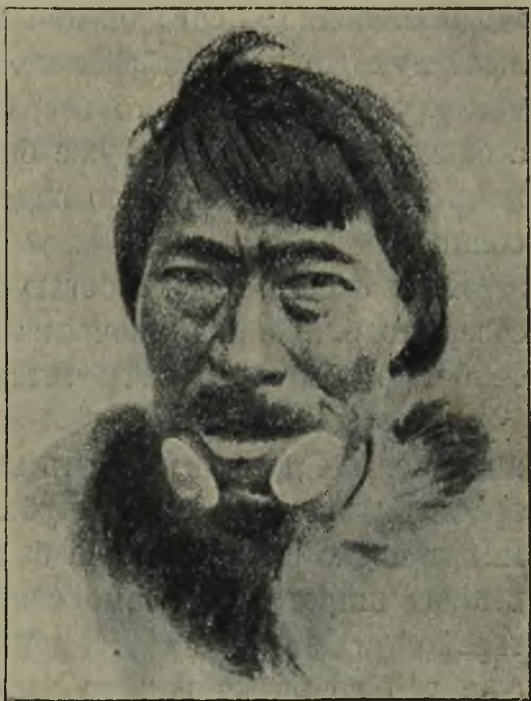
Кроме меня, на судне было еще пять пассажиров, среди них два рудокопа по имени Суливан и Вауг. Один из них был высокий, сильный, с черной бородой и дерзким взглядом, другой был более робок и поменьше ростом.

По одному из рукавов Мэкензи мы удачно проехали расстояние в 250 километров. На протяжении 150 кило-

метров нам попадались высокие деревья, потом они сразу стали заметно уменьшаться, а несколькими километрами ниже не было уже никаких деревьев. Острова, среди которых змеилась бесчисленными извивами река Мэкензи, поросли лишь травой и низкорослыми ивовыми кустарниками. В том месте, где пройденный нами рукав дельты впадает в море, мы должны были остановиться, так как погода испортилась и на море поднялось сильное волнение.

Даже при наилучшей погоде переезд этих ста километров от реки до острова Гершеля сопряжен с опасностью, особенно если китоловное судно идет исключительно на парусах и тащит за собой тяжело нагруженную лодку. В плохую же погоду это предприятие совершенно невымыслимо. Вот почему мы сделали здесь остановку на несколько дней.

Рокси взялся доставить нас троих на остров Гершеля. Я сторал от нетерпения ехать дальше, так как обещал Лефингвелю попасть на остров Гершеля около 10 августа. Рудокопы надеялись найти там судно, которое бы их доставило в Номе и дальше в Сан-Франциско.

Эскимос старого закала с пуговицами на губе.

Не имея больше на буксире нагруженной лодки, мы сначала подвигались вперед довольно быстро, но скоро разыгралась сильная буря, которая нас так задержала, что потребовалось пять суток для проезда этих 100 километров, и лишь на рассвете 9 августа мы прибыли в гавань на острове Гершеля.

Новичок встречает в Арктике на каждом шагу так много нового, что все впечатления его перепутываются

вначале. Некоторые перемены чередуются так медленно, что он сперва не замечает их; другие сразу обрушиваются на него в таком количестве, что он не может с ясностью в них разобраться.

Одна из перемен, трудно поддающихся наблюдению, это постепенное исчезновение ночи. Когда мы покинули железную дорогу в Эдмонтоне, день продолжался 14--15 часов. У Невольничьего озера он достиг 17—18 часов, а еще немного севернее уже было место, где даже в полночь на небе можно было видеть слабо мерцающий свет солнца.

Если бы мы со скоростью поезда поехали прямо на север, то ближайшая ночь на реке была бы достаточно светла, чтобы среди ночи читать книгу.

Лишь у дельты Мэкензи обратил я внимание на это явление. Мы думали увидеть ночью солнце на небе и собрались для этого все на палубе. Дневной свет спустя пять минут после заката солнца был так ярок, как в обыкновенных широтах, но само солнце оставалось за линией горизонта. Мы так долго оставались в форте Макферсон, что во время нашего дальнейшего путешествия на остров Гернеля солнце совсем не показывалось над горизонтом. Но в течение целого ряда недель было так светло, что можно было путешествовать с таким же удобством, как если бы всю ночь светило солнце.

Помимо солнца, мы с большим ожиданием высматривали впереди полярный лед. К любопытству присоединялось некоторое чувство страха, вынесенное из прочитанных книг. Во время сильной бури, свирепствовавшей на нашем пути от устья реки к острову Гершеля, Рокси сообщил:

— Впереди виден лед.

Это известие меня сильно испугало, потому что я видел много картин, изображавших затертые в льдах лодки и корабли. Мне казалось это не менее страшным, чем очутиться на корабле среди скал. С удивлением я заметил, что эскимосы радостно говорили о льде. Не понимая причины этого, я обратился к Рокси, и он быстро рассеял мое недоумение.

Он провел 20 лет среди белых на китоловных судах и потому понял мой страх. Только белые боятся льда, — говорил он, — эскимосы же так долго живут среди льдов, что полюбили их и тоскуют по ним, если долго их не видят. Во время плаванья лед представляет и некоторые удобства. Если нуждаешься в питьевой воде, то стоит только взойти на льдину, чтобы на ее поверхности зачерпнуть пресной воды. Это гораздо удобнее, чем идти за ней далеко на берег, к тому же эта вода свежее и вкуснее.

Сперва я был удивлен, но долгий опыт научил меня верить подлинности этого факта. Если льдина так велика, что нанесенная бурей вода не достигает до середины ее, то там можно найти прудик с великолепной пресной водой. В ледовитом океане вода, конечно, такая же соленая, как и во всяком другом океане, и молодой лед вскоре после замерзания бывает очень солон. В первую зиму соль из него понемногу улетучивается, а к лету он плавает в виде отдельных лепешек, в которых уже не осталось и следа соли.

В настоящий момент Рокси радовался льдам. Свиристествовавшая буря стала очень сильной, и дочь Рокси слегла от морской болезни.

Мы рассчитывали, что, попав в полосу льда, мы избавимся от качки. Так оно и было. Огромные льдины плавали разрозненными группами. Некоторые из них были

величиной с городской дом, а между ними были свободные пространства воды шириной в 300 метров, по которым мы могли свободно проехать, хотя сильный ветер еще упорно держался.

Это было мое первое знакомство с морским льдом. С течением времени я все больше с ним свыкался, пока не полюбил его так же, как и эскимосы. Возвращаясь к нему после долгого отсутствия, я испытываю такое же чувство радости, как житель лесов после путешествия по прериям, при виде первого дерева.

Китоловный промысел был мне совершенно чужд, и прошло много времени, пока я с ним основательно ознакомился.

Первое китоловное судно пришло на остров Гершеля в 1889 году. До этого времени здешние эскимосы не видели белых. Год спустя уже целая флотилия китоловных судов стояла у берега этого острова; они привезли с Аляски большое количество эскимосов, живших по несколько лет к ряду на судах. Мэкензийским эскимосам было легче заимствовать новое у родственных племен, чем у белых, и через короткое время они в некоторых отношениях значительно изменились.

Когда прибыли первые корабли, здешние эскимосы не были знакомы с пищей белых; они покупали для себя в Макферсоне табак, оружие, ножи и другие стальные изделия, кухонную посуду, палатки, одежду и т. д. Китоловы привезли разные предметы питания цивилизованных людей и всевозможные товары; они ощущали недостаток лишь в свежем мясе. В то время эскимосы питались исключительно рыбой и мясом, поэтому китоловам вначале было очень трудно раздобыть у них эти продукты по какой бы то ни было цене. Тогда они задались целью

ознакомить эскимосов со вкусом сахара, хлеба, овощей, ветчины и других продуктов, которые можно было дешево купить в Сан-Франциско и с легкостью доставить на север.

Шестнадцать лет спустя эскимосы настолько привыкли к употреблению американских съестных продуктов, что эти последние вытеснили четвертую часть потребляемого ими количества свежей рыбы и мяса. В 1906 г. они продавали 20 килограмм (50 фунтов) свежего оленьего мяса за 81 килограмм (200 фунтов) муки или каких-либо других продуктов.

4. ВСТРЕЧА С МОРСКИМ ВОЛКОМ

Хотя я уже стал исследователем полярных стран, но мои теоретические и практические познания были не очень основательны. Я не знал даже имен самых выдающихся исследователей северного полярного пояса, и поэтому нет ничего удивительного, что я не слыхал об Амундсене. Последнего я застал на его судне «Гая» в гавани острова Гершеля.

Северо-западный пролив был открыт в 1847 г. сэром Джоном Франклином, а в 1850 году Мак Клюр открыл его вторично. Хотя местами корабли уже прошли по этой дороге, но целиком весь этот путь в одном направлении еще не был никем исследован. Корабли Франклина пришли со стороны Атлантического океана, достигли известного пункта на полярном побережье Северной Америки и там погибли. Через два года корабль Коллинсона пришел со стороны Тихого океана и пробрался значительно дальше конечного пункта, достигнутого Франклином. Коллинсон мог бы без особой трудности проехать

и дальше на восток и добраться даже до Англии, если бы его стремления не заставили его вернуться на запад.

Амундсен хотел быть первым, проложившим этот путь в одном направлении. Он проехал по дороге Франклина до места, где она встречается с дорогой Коллинсона, и по этой последней летом 1905 г. достиг Королевского мыса, в 56 километрах к востоку от острова Гершеля. Скверный лед и рано замерзшее море задержали его здесь на зиму.

От острова Гершеля он мог бы двинуться дальше, если бы весной 1906 г. состояние льда не было таким же скверным, как и минувшей осенью.

Капитан Роальд Амундсен пригласил меня на борт своего корабля. От него и его товарищей, особенно от старшего офицера, лейтенанта Готфрида Гансена, я много узнал об эскимосах острова Вильгельма, которыми я очень интересовался. Скоро моя заинтересованность увеличилась благодаря событиям, похожим на эпизоды из романов с приключениями для юношества.

Одного из капитанов китоловных судов звали Джеймс Мак Кенна; он был раньше очень богат. Одни говорили, что он много заработал на китоловном промысле, другие утверждали, что он разбогател от продажи водки туземцам восточной Сибири и западной Аляски. Во всяком случае ему везло, и он стал владельцем пятнадцати кораблей. Должно быть, американские таможенные катера сильно затрудняли торговлю водкой в водах Аляски, и состояние Мак Кенна понемногу растаяло, так что в 1905 г. весь его флот сократился до двух шкун: «Карл Гансон» и «Ольга». Последняя была под командой офицера, которому Мак Кенна не доверял, поэтому он заменил его датчанином Клинкаенбергом. Хотя Клинкаенберг

приехал в эту страну в качестве повара, но прославился как предприимчивый, энергичный и бесстрашный человек, а по существу своему близко стоял к старым «морским волкам», так называемым флибустьерам.

Мак Кенна отнесся к Клинкаенбергу не с большим доверием, чем к его предшественнику, и потому надумал убрать с «Ольги» все запасы, оставив провизии лишь на две недели. Он был уверен, что без достаточного количества продуктов Клинкаенберг не решится удрать, но скоро убедился в том, как мало его знал.

Однажды все заволокло одним из тех непроницаемых туманов, которые часто бывают на Северном море. «Ольга» должна была находиться возле «Карла Гансона». Но когда туман рассеялся, оказалось, что она бесследно исчезла и вернулась лишь через год, к тому времени, когда я был на острове Гершеля. Китоловы терялись в догадках о том, что с нею могло случиться. Одни говорили, что Клинкаенберг оказался, вероятно, лучшим поваром, нежели шкипером, попал в туман и погиб вместе с кораблем и командой. Другие думали, что он легко надул капитана Мак Кенна: пробрался в Тихий океан, продал судно в Китае или Южном море и исчез с деньгами. Друзья Клинкаенберга знали, что он годами лелеял мечту о поездке на северо-восток к цепи островов, чтобы посетить те из них, которые лежали вне обычного пути китоловов. Он мечтал разбогатеть, надеялся найти золото или встретить эскимосов, не знающих настоящей цены лисьим шкуркам, и сделать с ними выгодное дельце.

Едва я успел ознакомиться со всеми этими предположениями, как в один прекрасный день у берегов острова появилось судно, которое привело всех в сильное возбуждение. Зоркие глаза моряков узнали в нем «Ольгу».

Я находился как-раз в полицейском бараке, когда она бросила якорь. Затем капитан Клинкаенберг с частью своего экипажа сошел на берег и передал полиции длинную историю, которую должны были засвидетельствовать его спутники.

Клинкаенберг сознался, что он в прошлом году удрал на «Ольге». Он знал о существовании безнадзорного амбара на берегу Лангтонского залива в 500 километров от острова Гершеля; одно китоловное общество хранило в этом амбаре значительный запас провизии. Приехав туда, он взломал склад и забрал содержимое к себе на корабль. Полиции он объяснил, что намеревался за все это заплатить. Затем он поплыл к острову Викторин. Осенью он отправился на продолжительную охоту за северными оленями, но возвратясь он нашел, что часть его команды занялась приготовлением алкоголя из муки и сахара. Зачинщиком этой истории оказался машинист корабля. Клинкаенберг не мог этого допустить по двум причинам: во-первых, он был против пьянства, а во-вторых, надо было экономить муку и сахар. Когда машинисту заявили о том, что он должен прекратить приготовление водки, он воспротивился распоряжению капитана и схватился за оружие. Тогда капитан, не говоря худого слова, застрелил его. Дальше Клинкаенберг рассказал, что один старик из экипажа заболел и умер зимой, а двое матросов погибли, когда пустились переходить по тонкому льду. Такова была первая версия о скорбных событиях, сокративших команду «Ольги» с девяти человек до пяти. Показания капитана подтверждали эти факты во всех подробностях.

Некоторые китоловы потребовали немедленного ареста Клинкаенберга за кражу «Ольги». Полиция отказалась

Капитан Клинкаберг со своей семьей.

его арестовать, считая это недопустимым, но хотела его задержать, чтобы не дать ему уйти с «Ольгой» до возвращения капитана Мак Кенна, приезда которого ожидали со дня на день. Однако Клинкаенберг был совсем другого мнения на этот счет. Он посадил в китоловную лодку свою жену-эскимоску и многочисленных детей и уехал на запад.

Едва Клинкаенберг скрылся из виду, как появилась на свет другая версия событий, происшедших на «Ольге». Команда рассказала о совершенных Клинкаенбергом убийствах.

Машиниста он убил без всякого повода, а старика, умершего будто бы от болезни, заковал в цепи, и тот погиб от холода и голода. Два матроса, якобы погибшие на льду, были единственными свидетелями того, как он убил машиниста, и он предусмотрительно постарался избавиться от них. Когда на горизонте показался остров Гершеля, капитан созвал всю команду на палубу и обратился к ней с краткой речью: «Вы знаете, что убийство пяти человек влечет за собой одинаковое наказание, как убийство четырех человек. Вам известно, что случилось с теми четырьмя, которых больше нет среди нас. Та же участь постигнет каждого из вас, кто скажет хоть слово против меня». Затем он объяснил им, какое наказание он даст, и советовал им дать аналогичное. Они последовали его совету и не смели слова сказать, пока он находился на острове.

Это новое показание вызвало сильное возбуждение. Хотели послать за Клинкаенбергом погоню, но он вероятно уже успел проехать пограничную полосу в 65 километров западнее острова Гершеля и перебраться во владения Соединенных Штатов.

Кто не знаком с жизнью пограничных стран, может думать, что преступнику легко скрыться в такой стране, как полярная область. Но этот взгляд совершенно ошибочный. Люди, живущие в 500 километров один от другого, считаются здесь близкими соседями. Новости, хотя и не быстро, все же распространяются среди них. Если в январе какой-нибудь купец Гудзонской Компании ушиб себе палец на ноге, то купец, живущий вверх по реке, узнает об этом не раньше марта, но все же узнает и будет годами об этом помнить. Каждый живущий на торговом пункте знает, что у какого-то человека, ему совершенно не знакомого и находящегося на 1.000 километров от него, на носу вскочила бородавка. Жители городов относятся доверчиво к фильму или к уголовному роману, которые рассказывают о преступниках, спасающихся бегством на дикий север, чтобы скрыться от преследования. Но кто действительно знаком с севером, понимает, что это — единственное место, где абсолютно невозможно спрятаться. Клинкаенберг сделался бы неуловимым, если бы ему удалось затеряться в непроходимом, как джунгли, лабиринте большого города. И действительно, спустя некоторое время он был арестован американским таможенным катером и предстал в Сан-Франциско перед судом, но был оправдан. В настоящий момент он живет в Арктике, и последний раз я о нем слышал в заливе Коронации. Истории, рассказываемые о нем, выросли буквально в легендарную эпопею. Одна из них, хотя и правдоподобная, носит исключительно романтический характер.

История эта такова. По прибытии на остров Виктории «Ольга» нашла там туземцев, которые своими манерами и одеждой походили на эскимосов, но отличались от них по внешности. Со слов одних, они похожи на

европейцев, другие находили в них сходство с евреями, третьи говорили, что большинство их не отличается от эскимосов, и только немногие имели голубые глаза и светлые волосы.

Капитаны китоловных судов мало были заинтересованы этим народом. Я, как антрополог, всячески старался собрать сведения об этом исключительно интересовавшем меня народе, но капитаны посоветовали мне расспросить эскимосов, бывших на судне Клинкаенберга. Последние целиком подтвердили рассказы белых матросов.

Язык эскимосов с острова Виктории мало отличается от языка их братьев на реке Мэкензи, потому им легко было общаться между собой. Этот странный народ употребляет ножи и другую утварь из чистой меди, что уже отличает их от западных эскимосов. Они проявляют необыкновенную ловкость на зимней тюленьей охоте, чем заслужили глубокое уважение своих западных единоплеменников. Но самым замечательным надо считать то, что многие жители с острова Виктории походили на белых в эскимосской одежде.

Я поехал на север, как участник одной полярной экспедиции по причине написанной мной когда-то статьи об истории Гренландии. Из этих моих занятий по истории я знал, что во времена Колумба или несколько раньше три—четыре тысячи норвежцев пропали после посещения Гренландии. Никто не знал, куда они делись. Одни говорили, что они погибли, другие думали, что они смешались с гренландскими эскимосами и таким образом исчезли. Некоторые полагали, что они перебрались на острова, лежащие западнее Гренландии. Возможно, что часть их достигла острова Виктории. Не исключена также возможность, что немногие участники последней

экспедиции Франклина 60 лет тому назад избегли случайно голодной смерти и нашли приют у эскимосов.

Во всяком случае «Ольга», видимо, открыла группу исчезнувших европейцев.

Этот вопрос был чертовски интригующим. Им стоило заняться!

Я с нетерпением ожидал прибытия нашей шкуны «Герцогиня», которая должна была отвезти меня на восток, туда, где Клинкаенберг видел этот странный народ.

При встрече с этими белокурыми эскимосами, имеющими медные ножи, Клинкаенберг, конечно, отметил несвойственную им белокурость. Но его больше интересовала медь, и он стремился узнать, откуда они ее добывали. Рассказывали, что на острове Виктории есть гора из чистой меди. Эта легенда имела некоторое основание, так как позже удалось установить, что на острове имеется одна огромная медная глыба.

Медная гора и другие рассказы Клинкаенберга не лишили меня покоя. Но проблема этого белокурого народа крепко засела в моей голове, пока я через несколько лет не получил возможности посетить остров Виктории и самому познакомиться с ним.

5. КИТОЛОВНАЯ ФЛОТИЛИЯ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Через неделю после моего приезда на остров Гершеля уехал капитан Амундсен. Китоловы последовали за ним. Они не доверяли льду и делали плохие предсказания насчет моей шкуны «Герцогиня».

Капитан Мак Кенна, прибывший вскоре после отъезда Клинкаенберга, последним покинул гавань 26 августа.

После отплытия кораблей население острова сильно уменьшилось. Гавань здесь была отличная и для зимовки очень удобная. Но этой зимой она опустела, поэтому вполне достаточно было двух полицейских под начальством сержанта Фицджеральда для охраны барачков.

Кроме полиции и меня, на острове осталось еще только двое белых. Один из них, по имени Крис Стейн или, вернее, Стэн, норвежец, был незаурядным человеком, опытным моряком, пережившим много приключений. На борту корабля он прошел через все ступени, от повара до помощника капитана. Он женился на эскимоске, два брата которой, Кунак и Какоток, считались богатейшими среди своего народа.

Несколько лет тому назад эти братья вместе с эскимосами Тулугаком и Илавинирком (которого китоловы зовут Андерсеном) купили шкуну «Пенелопа», которая принадлежала к числу самых красивых увеселительных яхт на побережье Тихого океана. Она была построена для быстрой езды, имела на своем киле 10 тонн свинца и при хорошем ветре шла быстрее любого китоловного судна, плывущего под парами и парусами. Благодаря влиянию на своих зятьев и двух других совладельцев «Пенелопы» Стэн являлся фактическим хозяином судна.

Из всех китоловных судов лишь одно, называвшееся «Александр», не пришло в гавань. Оно наскочило на скалы при очень странных обстоятельствах у мыса Парри, в 500 километров от острова Гершеля, и застряло там очень прочно. Стэн рассказывал мне, что каюта капитана битком набита шкурами чернобурой лисицы и другими дорогими товарами. Все корабельное снаряжение, включая хронометры, находилось еще на судне, даже золотые

часы офицеров остались в каютах. Условия страховки китоловных судов таковы, что не побуждают владельцев спасать судно во что бы то ни было. Меха, китовый ус и прочее входят в сумму страхования, так что надо лишь спасти судовые документы для того, чтобы страховое общество в Сан-Франциско выплатило полную стоимость даже за каждую пропавшую лисью шкурку или кусочек китового уса.

Стэн предложил мне поехать с ним на «Пенелопе» на восток, чтобы ограбить обломки «Александра». Ограбление разбитого корабля на далеком мысе северной Канады было бы, конечно, настоящим приключением, но я был сейчас сильно заинтересован неизвестными эскимосами на острове Виктории, особенно с тех пор как узнал, что они похожи на европейцев. К тому же я ожидал прибытия судна «Герцогиня» и потому отклонил предложение Стэна. Если же замерзающее море сделает невозможным прибытие моего корабля, то я хотел бы предпринять с ним путешествие на санях. Но он полагал, что тогда будет слишком поздно, потому что один американский охотник, Фриц Вольки, живущий в 150 километрах от мыса Парри, вероятно, попадет на разбитое судно раньше, чем мы успеем собраться в это путешествие на санях. Стэн хотел попытаться набрать команду для «Пенелопы» из эскимосов. Дальше мы увидим, как удалось ему это путешествие.

Вторым белым на острове Гершеля был Альфред Гаррисон, автор книги: «В поисках арктического континента». Он действительно всерьез искал этот континент, но в том, что он не нашел еще этого континента, его вины не было. Его взгляды казались эскимосам и китоловам острова Гершеля совсем безрассудными. Эскимосы

из Канады и Аляски сильно боятся полярных льдов. Зимой они живут на льду вблизи материка и не осмеливаются удаляться от берега дальше, чем на 10 километров. Китоловам вообще мало знакома история полярных исследований, а последние двадцать лет они жили на Аляске, где они относятся весьма неодобрительно к путешествиям по движущимся льдам. Поэтому они были убеждены в опасности и невозможности таких путешествий.

Без личного опыта, не изучив морского льда, только лишь начиненный книжной премудростью, приехал Гаррисон в Мэкензийскую область, предполагая отправиться к мысу Батгёрста и дальше, на санях, к острову Банка. Пятнадцать лет спустя это путешествие стало уже таким обычным, что один мой знакомый эскимос без всякого труда совершил его со своей больной женой. Но Гаррисон опередил свое время, и когда он хотел купить снаряжение для путешествия и нанять несколько эскимосов в качестве проводников, то китоловы и эскимосы сочли его сумасшедшим.

Гаррисон в конце концов договорился с семьей Какотока, который был зятем Стэна и совладельцем «Пенелопы». Сперва он думал использовать это судно для поездки, но потом остановился на китоловной лодке, спасенной с «Александра», чтобы на ней двинуться в область эскимосских озер. Я собрался с ним в дорогу, но проехал не далее мыса Шингля. Полиции острова Гершеля я оставил записку для «Герцогини», чтобы она у мыса Шингля забрала меня с собой в том случае, если она прибудет и еще в этом году вздумает пойти дальше на восток.

До мыса Шингля было всего 80 километров, и я проехал их в санях с Гаррисоном без всяких приключений.

На несколько дней он расположился здесь лагерем на песчаной косе, отчасти для рыбной ловли, отчасти из дружбы ко мне, выжидая, не изменю ли я свой план. Он считал, что для прибытия моего корабля время уже слишком позднее и потому я поступил бы благоразумнее, поехав с ним на восток. Он предлагал разделить со мной имевшиеся у него несколько мешков муки и других припасов. Такое предложение, с точки зрения белого, было, конечно, очень великодушным. Кто не жил с эскимосами в их домашней обстановке и не питался их пищей, ожидает мало приятного от такого сожительства. Несмотря на этот предвзятый взгляд, я хотел жить как эскимос среди эскимосов и, общаясь с ними возможно теснее, изучить их язык и обычаи. Нельзя близко узнать людей другой расы, нельзя основательно изучить их быт, если даже и часто их посещаешь, но живешь совершенно обособленно от них.

3 сентября Гаррисон уехал на восток в своей китовой лодке вместе с пятью эскимосскими лодками, а я стал учиться среди эскимосов жить как эскимос.

6. Я-УЧУСЬ ЖИТЬ КАК ЭСКИМОС

Наша деревня у мыса Шингля состояла из одних шатров. Иногда их было лишь три—четыре, иногда число их доходило до четырнадцати, так как люди приходили и уходили. Большинство эскимосов собиралось провести зиму на побережьи восточнее острова Гершеля или на одном из рукавов дельты реки Мэкензи. Избравшие побережье должны были заняться исключительно рыбной ловлей, потому что тюлени не водятся в такой близости от пресных вод реки Мэкензи.

Река Мэкензи почти так же широка, как Миссисипи, и вливает в море так много пресной воды, что если с корабля, уже потерявшего берега из виду, опустить ведро за борт, то можно зачерпнуть хорошую питьевую воду. Мыс Шингля находится в 30 километрах к западу от реки Мэкензи, и морская вода у нашего лагеря такая пресная, как в горном ручье. Даже у острова Гершеля, в 100 километрах от дельты реки, вода еще почти пресная, в особенности когда ветер дует с востока или при наступлении продолжительного затишья.

Эскимосы рассчитывали просуществовать на реке Мэкензи отчасти рыбной ловлей, отчасти охотой на лосей, кроликов и белых куропаток. Некоторые, оставив свои лодки на берегу, отправились на собаках в глубь страны, по направлению к горам, надеясь прокормиться там охотой на северных оленей, горных баранов и белых куропаток, которых там особенно много.

Повсюду можно было ловить в капканы пушных зверей; попадались бобры, куницы, норки и лисицы разных видов: чернобурые, красные, белые и голубые песцы и крестоватики.

Самой дорогой считается шкура чернобурой лисицы, оцениваемая даже эскимосами в 500 долларов, а торговцами и того больше. Крестоватики и красные лисицы встречаются чаще и потому ценятся дешевле. В одном помсте могут случиться несколько видов, как, например, крестоватики, красные и чернобурые лисицы, но песцы белые и голубые находятся с ними лишь в отдаленном родстве и бывают вдвое меньше ростом. На арктическом побережьи голубых песцов встречается раз в сто меньше, нежели белых, а чернобурых лисиц раз в двадцать меньше, чем красных.

После отъезда Гаррисона мы занялись рыбной ловлей, а через некоторое время стали ловить и лисиц. За несколько лет до этого можно было встретить здесь и северных оленей, но эскимосы рассказали мне, что животные эти были напуганы охотниками и не показывались ближе чем на 50 километров в горах, лежащих к северу.

У мыса Шингля нам предстояло питаться всю зиму исключительно рыбой. Обычно китоловы продавали эскимосам всякого рода провизию в обмен на свежее мясо и рыбу, а нынче вследствие раннего замерзания моря они должны были провести зиму во льдах, и так как сами нуждались в продуктах, то не могли ничего продавать.

Оставалась еще надежда на прибытие одного—двух кораблей с запада, на которых можно будет кое-что купить. Эскимосам посчастливилось раздобыть у капитана Мак Кенна немного чая и муки. Он продал их потому, что пара мешков из его запаса была попорчена вытекшим газOLIном. Эскимосы пекли из этой муки на ворвани¹ олады. Я всегда питал сильное отвращение к ворвани. Запах газOLIна был мне еще более неприятен. А рыба, составлявшая здесь главный предмет питания, была мне противнее всех других видов пищи.

Я вырос с предубеждением к двум видам пищи. Моя мать рассказывала соседкам, что я не могу есть ни рыбы, ни шоколада. Я не помню, чем она объясняла мое отвращение к шоколаду, но причиной моего отвращения к рыбе она считала голод, царивший в нашей пограничной стороне в первый год моей жизни. Коровы все падали, молока больше нельзя было достать, и меня пришлось вскармливать вареной рыбой, приготовленной в виде каши. Моя

¹ Ворвань — тюлений жир.

мать и все ее соседки считали решенным, что отвращение к рыбе останется у меня на всю жизнь. Повсюду, где мне приходилось есть, я не притрагивался к рыбе. То же самое я испытывал к шоколаду, пока мне не минуло двадцать лет. Ради эксперимента я однажды попробовал шоколад и к своему удивлению нашел его довольно вкусным. Понемногу я к нему привык, но рыбу продолжал избегать. Один или два раза в год я шутки ради пробовал поесть рыбы, но в связи с рассказами о моем к ней отвращении я для усиления впечатления корчил при этом гримасы.

А теперь мне предстояло прожить зиму без чая, питаясь исключительно рыбой, притом рыбой без соли и всяких других приправ! Отсутствие соли явилось следствием недосмотра. Если бы я Гаррисона об этом попросил, он дал бы мне, конечно, немного соли. Я вообразил, что можно добыть соль кипячением морской воды. Обычно у мыса Шингля этого нельзя сделать, так как море там не соленое; но случайно буря, налетевшая с запада, нагнала соленой воды. Я воспользовался этим, принес несколько горшков соленой воды и кипятил ее до тех пор, пока на дне горшка образовался толстый слой накипи. Но вкусом эта накипь далеко не была похожа на соль. Вкус ее был скорее горький, потому что морская вода содержит не только поваренную соль, но, как это известно из химии, и целую массу других минеральных, острых на вкус веществ.

Целые страницы моего дневника посвящены вопросу о том, как трудно удовлетвориться одной рыбной пищей. Мне казалось, что при наличии соли, она была бы мне менее противна. Обыкновенно я рано вставал и уходил в глубь страны на охоту. У меня, конечно, было мало шансов встретить северного оленя, но моей главной целью

было нагулять себе аппетит. Я уходил между 5 и 9 часами утра, без завтрака и возвращался около 6 часов пополудни. Как только эскимосы бывало увидят меня спускающимся с горы по направлению к лагерю, десятилетняя дочь Рокси, Навалук, сейчас же доставала свежепойманную форель около полутора фунтов весом и, очистив ее, втыкала на вертел над лагерным огнем, так что до моего прихода рыба успевала прекрасно зажариться. Если бы я нормально относился к рыбе, то эта форель чрезвычайно понравилась бы мне, но я только обгладывал куски, зажаренные сильнее, не дотрагиваясь однако до остального.

Постепенно я все больше привыкал к рыбе и через десять дней уже с'едал ее в изрядном количестве. Скоро я перешел от жареной рыбы к вареной в том виде, как ее употребляют эскимосы. Они находили, что голова—самая вкусная часть рыбы. Сперва я не хотел этому верить, но потом решился попробовать и убедился, что они правы. Позднее я узнал, что голова северного оленя тоже очень вкусна, и вообще я пришел к выводу, что у всех животных голова самый лакомый кусок; во всяком случае так думают люди, питающиеся исключительно мясом.

Приемы рыбной ловли у мыса Шингля очень своеобразны. Наиболее часто встречается здесь рыба, называемая китоловами «белорыбцей», но она не имеет ничего общего с той рыбой, которая так называется в продаже.

Вода здесь прозрачная и рыба в ней прекрасно видна. Днем ее можно ловить сетью, так как сильный морской прибой мутит воду тиной, мешающей рыбе видеть сеть.

Улов бывал очень различен; иногда сеть кишела рыбой. По возможности быстро мы выбрасывали рыбу

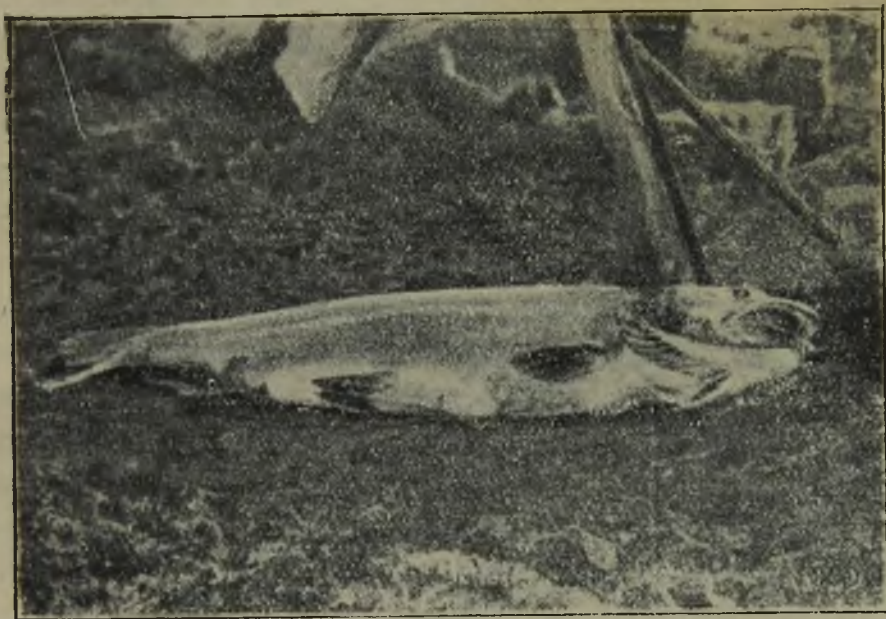
в кучу, закидывали сеть обратно в море и шли по кругу к следующим сетям. Когда мы возвращались к первой сети, она уже успевала снова наполниться, как и в первый раз. Втроем или четвером мы за ночь могли поймать до двух тысяч рыб, составлявших около 1.400 кило пропитания.

На следующий день после ловли начинается для женщин тяжелая работа. Острыми, как бритва, стальными ножами в виде полумесяца, они надрезают рыбу, потрошат ее и вынимают срединную кость, затем уже вешают для просушки. Если улов бывает очень обильный, то женщины, для экономии времени, не вынимают срединной кости, а только чистят и бросают ее в деревянный шалаш, выстроенный из сплавного леса. Как только куча рыбы достигнет больше метра в высоту, над шалашом взводится крыша для защиты от собак, лисиц и всяких других животных, исключая белого медведя. От последнего рыба бывает в безопасности, только пока она свежая, ибо он не любит свежей рыбы и не ловит ее. Но случается, что белый медведь неожиданно наносит свой дружеский визит в склады с тухлой рыбой; это вероятно потому, что гниющая рыба и гниющее мясо одинаково действуют на его обоняние.

В книгах я читал, что эскимосы употребляют пищу в сыром виде; но я редко видел этому подтверждение. Во всяком случае свежую рыбу они едят не совсем в сыром виде, а приведя ее в замороженное состояние.

Так как у мыса Шингля солнечный свет сильно затрудняет рыбную ловлю, то летом там рыбачат чаще после заката солнца. Туземцы поэтому с нетерпением ждут наступления темных почей. Пойманная летом рыба кладется в хранилище и защищается от солнца кучами

дров. В то время как на 50 километров дальше в глубь страны бывает основательно жарко и температура достигает 32 градусов в тени, здесь на омываемой океаном песчаной косе, какой является мыс Шингля, она редко подымается выше 20 градусов и колеблется большей частью

Рыба пресных вод.

от 5 до 10 градусов. Поэтому рыба здесь не скоро подвергается гниению, она только слегка начинает портиться. Рыбу с душком редко варят, а летом почти не едят. Когда же наступает зима и рыба замерзает, ее употребляют по мере надобности. Обычно приносят в дом полную охапку рыбы, бросают ее на пол и оставляют лежать, пока она наполовину оттает и становится похожей на мороженое, так что ее можно легко резать ножом или кусать зубами. С нее сдирают кожу, и в таком виде эскимосы наслаждаются ею.

Вначале меня охватывала дрожь при виде людей, которые едят сильно пахнущую сырую рыбу. Но, собственно говоря, японцы и норвежцы тоже едят рыбу в сыром виде, и мы этому не очень удивляемся. Впрочем, ведь и устриц едят сырыми. Наконец по истечении нескольких недель я решился однажды отведать мороженой рыбы, и она на самом деле показалась мне уж не такой противной. Чем чаще я ее пробовал, тем больше она мне нравилась и под конец я ел ее так же охотно, как и вареную.

Я еще не успел свыкнуться как следует с обычаями эскимосов, как в один прекрасный день на западе показалась какая-то шкуна. Я было принял ее за «Герцогиню», но эскимосы сейчас же узнали в ней «Пенелопу». Она бросила якорь на расстоянии километра от нашего лагеря, и Стэн с'ехал в лодке на берег вместе с другими совладельцами «Пенелопы», эскимосами Кунаком и Тулугаком. Стэн заявил, что они направляются к мысу Парри, чтобы заняться ограблением обломков «Александра» и тем составить себе богатство.

Мы по обыкновению радостно встретили приезжих и угостили их торжественным обедом. Для меня это было особенным праздником, ибо Стэн привез муки без запаха газolina и немного патоки. После нашего пиршества, когда Стэн поднялся, чтобы вернуться на борт корабля, выяснилось, что план его не может быть приведен в исполнение. Эскимосы, бывшие с ним, были убеждены, что Фриц Вольки, живший в 300 километров дальше к востоку уже успел побывать на «Александре», и теперь уж не было никакого смысла туда ехать. Стэн был другого мнения. Эскимосы очень дружелюбно возражали, говоря, что он может при желании сам туда поехать, они же предпочитают остаться здесь. Стэн пришел в большое

роление и начал ругаться, но эскимосы спокойно настаивали на своем и не изменили своего намерения.

Стэн имел спокойный характер и хорошо знал эскимосов. Увидев, что его план безнадежно рушится, он сделал им другое предложение. Двое из них должны были на «Пенелопе» вернуться с ним на 24 километра назад к Королевскому мысу, где он в прошлом году на шкуне «Бонанца» потерпел крушение. Там на берегу лежало еще много ценных вещей, которые он хотел перевезти на «Пенелопе» к мысу Шингля, где собирался прожить зиму. Эта поездка требовала всего четырех дней.

Несколько человек предложило ему свои услуги. По просьбе Стэна я тоже сопровождал его гуда. Мы забрали все более или менее ценное, даже построенную им хижину, оставили только стоявший рядом дом Амундсена.

Вскоре Стэн выстроил себе на мысе Шингля хороший дом и предложил мне поселиться у него на зиму. Но я отклонил это предложение, так как считал своей главной задачей изучение эскимосов и для этого хотел жить с ними, изредка навещая Стэна, а не наоборот.

Когда мы жили на мысе Шингля, то почти ежедневно нас посещали гости. Одни приезжали утром и уезжали вечером, другие оставались на несколько дней. При этом я имел случай познакомиться с замечательной способностью эскимосских детей бодрствовать долгое время под ряд.

Летом при продолжительном ярком освещении сон у всех становится ненормальным. В Макферсоне и вообще внутри страны большую часть ложатся спать утром и встают вечером. Днем там бывает очень жарко, и приятнее работать на воздухе прохладной ночью. Но на побережья дни уже не такие жаркие; поэтому нам незачем

было ложиться утром, и мы спали тогда, когда нам это было удобнее.

С юга я привез с собой непреклонное убеждение в преимуществе правильного пунктуального распределения времени и пытался спать ежедневно ровно восемь часов. Но скоро я оставил эту затею и поступал как туземцы, т. е. спал сколько хотелось: иногда час, иногда пять, а иногда и десять часов. Нередко я, проспав пять часов, просыпался при известии, что готово вкусное блюдо, и садился вместе с другими за стол, а насытившись, я ложился снова спать. У эскимосов это, так сказать, «принято» и считается «вполне приличным».

Если взрослые спят нерегулярно, то о детях и говорить не приходится. Прежде всего это вызывается постоянными приездами и отъездами посетителей. Эскимосы знают всех своих соседей на сотни километров вокруг, и когда прибывала лодка, то в ней всегда были и дети, которые были известны по именам детям нашего лагеря. Их приезд вызывал обычно сильное возбуждение и бурную радость. Случалось, что еще раньше, чем они успевали успокоиться, опять приезжала или уезжала другая семья, и спокойствие снова нарушалось. Одна эскимоска рассказала мне, что ее восьмилетняя дочь может в течение пяти дней и ночей непрерывно играть и веселиться. Заинтересовавшись этим, я стал расспрашивать окружающих, между прочим и Стэна; все подтвердили, что многие дети бодрствуют от трех до пяти суток под ряд. Позже мне самому случалось встречать молодых и старых эскимосов, спокойно остававшихся двое — трое суток без сна.

Однажды присхала лодка, привезшая с запада важные известия: на остров Гершеля прибыло китоловное

судно «Нарвал» с вестями от «Герцогини». Но эскимосы перепутали известия, неправильно поняв их, а потому я сам поторопился поехать на остров Гершеля, чтобы узнать всю правду.

Стэн дал мне для поездки свою китоловную лодку. Я должен был привезти ему с острова Гершеля груз, состоящий из с'естных припасов. Рокси с женой и Облуток провожали меня. Без приключений мы достигли цели нашего путешествия.

7. ПОЕЗДКА ЭСКИМОСА В БУРЮ

На острове Гершеля мы нашли судно «Нарвал». Капитан его, Ливит, встретил нас очень сердечно. Он рассказал нам, что вместе с другими кораблями, в том числе и с «Геей» Амундсена, он достиг мыса Барроу без особых затруднений. Там ему удалось снабдить свое судно достаточным количеством запасов на зиму, и он решил вернуться на остров Гершеля, тогда как другие направились дальше на запад, к Тихому океану. Теперь он избавился от соперничества 12—15 кораблей и оставался в единственном числе во всей западной части северного полярного пояса. Это преимущество стоило того, чтобы примириться с неудобствами зимовки и скудостью запасов. Он надеялся подрядить эскимосов-охотников, чтобы те привозили ему с гор оленьего мяса.

«Герцогиня» достигла мыса Барроу в хорошем состоянии и ушла на восток до прибытия «Нарвала». Она скрылась в тумане. Ливит думал, что она не сможет притти на остров Гершеля, потому что в такое позднее время (23 сентября) ни одно судно не рискнет быть затертым льдами и постарается укрыться в спокойной гавани.

метрах к востоку, и ехать на веслах туда нам показалось острове Флаксмана, в 300 километров от острова Гершеля.

Ливит был того мнения, что я должен был, выжидая вестей, прожить зиму там, где мне более по душе. Когда море замерзнет, эскимосы начнут ездить на санях по берегу и через месяц или два они, говорил он, безусловно привезут известие о корабле, плывущем к острову Гершеля.

На острове я хотел закупить по возможности больше съестных припасов для себя и Стэна. Я находился как-раз возле полицейских барачков, когда наши покупки нагружались в китоловную лодку. На корабле я заметил, что нехватает бочки патоки. Но помощник капитана «Нарвал» мне сказал, что у них много патоки и что можно обойтись без этой бочки, поэтому она и была оставлена в лодке.

Я слишком неопытный моряк и потому не имел представления о том, что мы набрали слишком много груза. Я полагался на Рокси, который в этом отношении пользуется у эскимосов и китоловов большим уважением. Мы поехали с «Нарвала» к некоторым друзьям Рокси, которые поджидали нас с тремя бочками «черной кожи»; так называются полосы китовой кожи вместе с салом. Не только эскимосы, но и многие белые охотно едят это кушанье. Я не знал, сколько весит такая бочка, но по всей вероятности патока и эти бочки перегрузили лодку на полтонны. Мы везли около 1.400 кило груза, тогда как лодка шла хорошо по морю с грузом не больше 1.000.

26 сентября мы отправились в путь. Легкий попутный ветер подгонял нас на протяжении двух километров, потом наступило затишье. Мыс Кэй находился в 24 километрах к востоку, и ехать на веслах туда нам показалось

слишком далеко, поэтому мы причалили к мысу Фландера, у береговой стороны острова Гершеля.

Рокси со своей женой.

На другое утро Рокси разбудил меня известием, что поднялся хороший ветер, который грозит днем стать хуже. Я находил погоду и теперь уже достаточно плохой. Затянуло

сменялось яростными порывами ветра и метелью. На восточном берегу было много гаваней, но мы с Рокси решили в такую погоду не ехать дальше мыса Кэя.

Если бы мы двинулись в путь рано утром, то все могло бы сойти хорошо. Эскимосы позавтракали сушеной рыбой и китовым салом. Будь я тоже истинным эскимосом, мы бы, бесспорно, через несколько минут были уже в дороге. Но так как я рассчитывал ехать не дальше мыса Кэя, то потратил драгоценный час на то, чтобы зажарить и съесть кусок свинины. Когда мы наконец отчалили, порывы ветра были так сильны, что нам гораздо благоразумнее было бы остаться.

Ближайшие два километра мы проехали без труда. На полдороге к мысу Кэя жена Рокси посоветовала нам искать защиты у мыса Стока, но ее муж считал это излишним. Нам казалось очевидным, что у мыса Кэя мы найдем достаточную защиту.

Но прежде чем мы достигли мыса Кэя, разыгралась настоящая буря. Несмотря на свой большой опыт, Рокси никогда не бывал в такую сильную бурю в этой части моря. Хотя он и знал, что залив мелок, но настоящей глубины его он не знал. Раньше он там никогда не видал бурунов, теперь же там тянулся длинный ряд бурунов в северо-западном направлении от конца мыса. Мы заметили их так поздно, что не могли уже их избежать и должны были их проехать. Мы полагали, что лодка не коснется дна, так как, по уверениям Рокси, глубина там не менее трех метров. Но главная-то опасность и была в том, что лодка могла наполниться водой и утонуть.

Здесь Рокси проявил себя великолепным моряком, каким он и слыл. Он сидел на руле, а жена его, знавшая море лучше меня, стояла у мачты и высматривала дорогу.

Буруны простирались на 50 метров в ширину. Мы проскочили их буквально в мгновение ока. Но мгновение это было очень жутким и волнующим...

Был один момент, когда нам предстояло повернуть лодку под прямым углом. Рокси обратил наше внимание на то, чтобы мы были готовы к тому моменту, когда парус перегнется через борт. Но этого не случилось, потому что ветер изменил направление как-раз в тот момент, когда мы обогнули мыс.

На протяжении 56 километров тянулся перед нами берег без единой гавани—и так до самого мыса Шингля.

Мы надеялись на юго-западный ветер, а он неожиданно подул с северо-запада. У нас теперь оставалась лишь одна надежда. За Королевским мысом лежали обломки шкуны «Бонанца», которые могли послужить нам защитой. Это ободрило нас, так как в борьбе за жизнь легче было преодолеть 29 километров, чем 56.

К Королевскому мысу мы приехали во-время. Ясно видны были издали мачты «Бонанцы», но корпус корабля показывался лишь временами и потом снова исчезал в волнах. Сперва мы думали, что обломки корабля отошли от берега и качаются на волнах из стороны в сторону, но, под'ехав ближе, мы увидели, что это далеко не так. «Бонанца» лежала, плотно зарывшись в песок, и волны перекатывались через нее, так что большую часть времени она была скрыта под водой. Уже на расстоянии километра мы убедились, что эти обломки могли нас защитить ровно в такой же степени, как водоворот под водопадом.

Когда началась буря, Облуток занялся вычерпыванием заливавшей нас воды. Но после мыса Кэй страх и холод так измучили его, что он уже ни на что больше

не годился. Жена Рокси была более опытна на море, чем я, и помогала всюду, где нужна была помощь; а я занялся вычерпыванием воды. Мы ждали гибели с минуты на минуту, но Рокси находил, что нельзя поддаваться плохому настроению в такое время. Веселое настроение всегда лучше хандры, и самое благоразумное в таком положении — это затянуть песню. Начал он с уличных песен. Я был слишком занят и вообще не был расположен петь. Не встретив поддержки с моей стороны, он перешел к эскимосским песням, бывшим ближе его душе.

Теперь только я получил настоящее представление о мысе Шингля, ибо наша жизнь зависела от его положения и очертаний. Тысячелетия тому назад на месте теперешней песчаной косы подымался, вероятно, высокий мыс. Защищенные мысом от ветра течения понемногу наносили песок и образовали косу, выступающую все дальше на восток, в то время как берег шел в юго-восточном направлении. Коса все удлинялась, пока не дошла до трех километров. За нею образовалась хорошая бухта. На береговом конце этой косы была расположена деревня, состоявшая из нескольких палаток, дома Стэна и нескольких старых домов эскимосов. Уже на расстоянии нескольких километров, взлетая на гребень волны, мы видели издалека крышу дома Стэна. Спускаясь с волны как бы в пропасть, мы теряли из виду не только дом, но и самую землю, хотя она подымалась почти на сто метров над уровнем моря.

Подъехав несколько ближе к деревне, мы увидели всех ее жителей на улице; Стэн делал нам какие-то знаки. Издали мы не могли понять его советов, но Стэн, очевидно, хотел, чтобы мы пристали к берегу именно в том месте, где он стоял. Тогда жители деревни могли бы помочь нам

пробраться через буруны. Я поговорил с Рокси относительно этого, и мы пришли к убеждению, что если мы причалим как-раз в этом месте, то лодка с грузом утонет и мы погибнем наверняка. Рокси полагал, что если мы благополучно проехали 50 километров, то можем рискнуть продвинуться и еще два километра, остававшиеся до конца песчаной косы. Опасность была как-раз в том, что, огибая конец косы, мы должны были повернуться широкой стороной лодки к морю: именно в этот момент мы и могли утонуть. Но все же в этом случае с обеих сторон была бы у нас земля и даже в случае крушения мы надеялись добраться до нее вплавь и даже спасти груз.

На наше счастье ни одна волна не ударила в лодку, в то время когда мы огибали конец косы. Но зато, лишь только мы убрали парус и сделали пару сильных взмахов веслами, как наша лодка начала—медленно, но верно—тонуть. Но вода была здесь мелка, и мы просто выпрыгнули из лодки, облегчив этим ее и приостановив ее дельнейшее погружение в воду. При содействии двух эскимосов, поспешивших к нам на помощь, мы вытащили ее на берег.

Коренастый Стэн прибежал пыхтя и стал ругаться, что мы не причалили около деревни, чтобы спасти свою жизнь за счет лодки и груза. Но позднее он согласился, что там было не менее, если не более, опасно чем здесь. Рокси остроумно заметил, что, спасши лодку, мы избежали зато опасности слышать всю зиму сетования Стэна о том, что лодка его была очень ценная, и о том, какую жертву принес нам Стэн.

Я пережил настоящее приключение, и на первое время с меня этого было вполне достаточно. Я тем более был доволен теперь, что замерзшее через несколько дней море перекинуло прочный ледяной мост через обманчивые воды.

Когда 2 октября море неожиданно замерзло, «Пенелона» осталась среди льдов в 800 метров от берега. Меня это беспокоило, но Стэн и Рокси рассказали мне о случаях, когда корабли выдерживали целую зиму в подобных же условиях и притом абсолютно без всякого вреда. Я был лично заинтересован в судьбе владельцев «Пенелопы» и их судна, которое ближайшим летом должно было увезти меня навстречу приключениям, если «Герцогиня» не подойдет к тому времени. Поэтому я надеялся, что «Пенелона» также спокойно пролежит до весны в своей ледяной колыбели.

8. ОСЕННЯЯ ПОЕЗДКА ЧЕРЕЗ АРКТИЧЕСКИЕ ГОРЫ

Когда наступили морозы, Рокси привел для нас в исправность один из старых эскимосских домов. Дом этот был построен из земли и дерна на подмостках из плетучего леса. Внутри пол был на треть метра ниже уровня земли снаружи. В апреле здесь жила семья эскимосов, которая покинула дом, лишь только солнце стало настолько пригревать, что снежная крыша начала таять. Растаявшая вода теперь замерзла на полу; мы покрыли ее бревнами из сплавного леса, чтобы сделать пол более удобным. Наступившие холода заморозили грязь, оставленную прежними жильцами, и уничтожили ее скверный запах.

Вскоре после наступления морозов приехали эскимосы, чтобы забрать свои сани и другое имущество, оставленные ими здесь еще весной, когда они перекочевали внутрь страны. Тогда они вынуждены были тащить все на собственных спинах и на спинах своих собак. Теперь

они забрали также свои капканы, для которых уже как-раз пришло время. На северном побережье обычно ставят капканы от середины ноября до начала апреля. Некоторые из наших гостей жили в 60 километрах от берега. Они уже убили порядочно северных оленей и ожидали еще большей добычи.

Рокси и Стэн очень интересовались охотой на карибу (диких северных оленей), а я же прямо-таки мечтал о ней. У капитана Ливита я купил запас провизии; рыбы и этой провизии должно было хватить мне на всю зиму. Но Рокси и Стэн объяснили мне, что в эскимосском доме совершенно невозможно хранить какие бы то ни было запасы.

Эскимосы — коммунисты по натуре, коммунисты в смысле общности в процессе потребления жизненных благ. Они считают необходимым заботиться лишь о сегоднешнем дне. Они не понимают особого пристрастия белых к частной собственности, но ничего не имеют против если белые в своих домах наслаждаются благами, недоступными для них, эскимосов. Но то, что находится в доме какого-нибудь эскимоса, обычно съедается всеми. Чтобы не остаться без продуктов, я решил хранить их в доме Стэна. Рокси мне еще сказал, что я никогда не приобрету друзей среди эскимосов, если, живя среди них, буду употреблять отдельную, а не общую со всеми пищу. Одно из двух: или мне надо было перейти на жительство в Стэну и там питаться из своих запасов, или вместе с эскимосами довольствоваться одной рыбой.

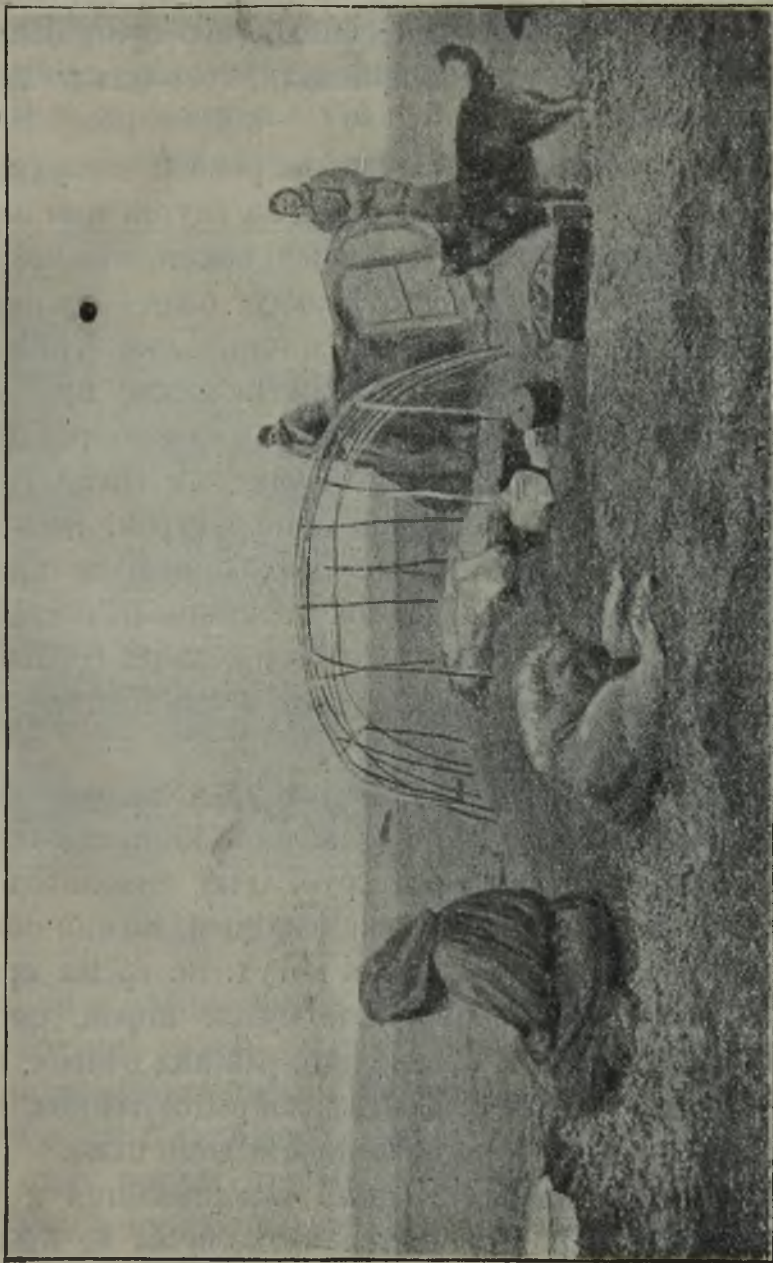
Меня тянуло в глубь страны, чтобы на месте изучить жизнь эскимосов, занимающихся оленьей охотой. Это соответствовало планам некоторых здешних эскимосов, которые собирались тоже на охоту, и мы отправились

в путь 18 октября; у нас с Рокси была одна упряжка собак, у остальных охотников вместе — четыре упряжки. Рокси сопровождал один восемнадцатилетний парень, по имени Ситсак. Из любезности мы взяли поклажу других охотников на свою упряжку, чем облегчили все остальные сани. За это мы рассчитывали получить от эскимосов часть оленьего мяса.

Путешествие было медлительным по многим причинам. Нам незачем было торопиться, и мы много болтали. Мы наслаждались лагерной жизнью, засиживались до полуночи, рассказывая друг другу разные истории, и спали до полудня. К тому же дни стояли короткие; когда небо было обложено тучами, мы имели всего пять светлых часов для езды. Снежный пласт был тонок и полозья наших саней то-и-дело задевали о каменистую почву, что вынуждало нас к частым обходам. Мы шли некоторое время по дну ущелья, но старались подняться наискось по скату и через гребень перевалить в другую долину. Потребовалось пять дней, чтобы добраться до гребня, находившегося на расстоянии 50 километров от нас.

По дороге через речную долину нам попался ивовый кустарник в два метра высоты. Выше в горах попадалось меньше кустарника, но мои спутники знали, где найти корни и тонкие стволы для разведения огня. Поднявшись на южный склон гор, где солнце пригревает сильнее, мы наткнулись на кусты ивы выше человеческого роста, а скоро мы прибыли к своим друзьям, занимающимся охотой на карибу.

В настоящее время мэкензийские эскимосы покупают себе у китоловов и торговцев обыкновенные палатки. Раньше их было два сорта. Эскимосы, живущие на реке Мэкензи, предпочитают конусообразные шалашы, похожие

Постройка эскимосской летней хижины.

на индейские вигвамы, как мы их видим на картинках. Эскимосы же на Аляске упогребляют, наоборот, полуконические. Деревня, куда мы приехали, состояла из полуконических шалашей.

Шалашаи эти сооружаются так: на ровной поверхности эскимосы прежде всего ставят остов из гнутой ивы около трех метров в диаметре. Он настолько высок, что человек может стоять выпрямившись. Между более крепкими ивовыми сучьями вилегаются более тонкие, так что получается настоящая корзина. Промежутки между прутьями заполняются мхом и сверху тоже все обкладывается слоем мха. Все это довершается пластом мягкого снега. Получается теплый дом с приятной температурой, несмотря на хорошую вентиляцию через выходящую в крышу трубу, проведенную из маленькой железной печки, в которой постоянно поддерживается огонь. Меня беспокоил только дым при изготовлении пищи, эскимосам же дым этот совершенно не мешал.

В деревне было всего три настоящих дома, остальные две семьи жили в шалашах. Эти шалашаи не имели печей, а только открытые очаги без труб. Очаг находится посредине пола и сделан из больших камней. Камни сохраняют тепло после того, как огонь потух. Во время приготовления пищи очаг наполняют сухой корой, смолистыми ветвями и т. п. В крыше, как-раз над очагом, проделано четырехугольное отверстие, покрытое тонкой, прозрачной кожей. Это — единственное в доме окно.

Перед разведением огня кожа отдергивается в сторону и пламя сразу подымается чуть ли не до крыши, а образовавшаяся сильная тяга, препятствует образованию дыма. Я убедился в том, что большие камни очага накапливают так много тепла, что приятно согревают дом

в течение шести часов даже в очень холодные дни. А так как эскимосы готовят три раза в день, то в доме бывает достаточно тепло еще в полночь, когда они ложатся спать.

Мы намеревались с Рокси провести одну—две недели в лагере охотников на северных оленей. Но погода была

Зимнее путешествие по северным горам.

слишком неблагоприятна, и дичь едва показывалась. Стояла середина зимы — время, когда охота затрудняется и мясо в лагере становится поэтому дорогим. К тому же мы имели с собой пятнадцать собак. На берегу мы могли кормить их рыбой, почти не уменьшая наших запасов. А здесь, в горном лагере, запас оленьего мяса таял заметно с каждым днем.

Трудно сказать, сколько эскимосу требуется собак для охоты на карибу. Их должно быть достаточно, чтобы

следовать за стадом и отвозить мясо домой, но не слишком много, иначе они все сожрут. Мы не хотели, чтобы наши сообаки лишили наших друзей необходимого им мяса, и погому отправились в обратный путь.

Рокси шел впереди с первыми санями. Он нес с собой шест в два с половиной метра длины, для исследования перед собою льда. Регулярно каждые три—четыре шага он втыкал его в лед, чтобы узнать, может ли он выдержать нас.

Сначала мне показалось это смешным, так как уже больше месяца стояли морозы около 34 градусов. Но когда я убедился в грозящей опасности, то поведение Рокси стало мне понятным. Оно многому меня научило.

В начале осени, когда река еще не замерзла, снег тает в текущей воде и исчезает. Потом в течение нескольких дней стоят сильные морозы без снега, и на реке образуется лед от 5 до 30 сантиметров толщины. Если затем пойдет сильный снег, он покрывает лед мягким пластом в 30 сантиметров толщины. Этот снежный пласт предохраняет реку от мороза. Теперь холод воздуха не имеет значения, пока температура текущей подо льдом воды остается немного выше точки замерзания. Тогда вода понемногу «с'едает» лед, пока остается только тонкая кора, выдерживающая лишь лежащий на ней снег. Иногда исчезает и эта тонкая кора, тогда снег проваливается в воду и образуется отверстие, которое можно заметить издали и обойти. Очень опасны те места, где сохранился еще тонкий слой снега, скрывающий отверстие во льду.

В последний день нашего обратного пути мы так торопились, что даже не разбили на ночь лагеря. Мы непременно хотели ночевать у мыса Шингля. Поэтому мы пренебрегли опасностью, которою грозила нам езда по

тонкому льду реки. Рокси провалился первый. Я видел, как он выпрыгнул из воды, вскочил в снежный сугроб и начал вытирать снегом мокрые ноги. При сильном морозе снег является лучшим средством для осушения. Если заранее знаешь, что все равно промокнешь, то лучше всего намочить ноги и окунуть их в снежный сугроб. Тогда снаружи на чулках образуется непроницаемая ледяная корка, которая, как галоша, мешает дальнейшему проникновению воды.

Эскимосы изготавливают из тюленьей кожи великолепные непромокаемые сапоги. Их носят обычно летом. Зимой в них слишком холодно, а потому их одевают лишь в тех случаях, когда надо ходить по воде. В тот день я не надел непромокаемых сапог и раздеваясь уже дома заметил, что у меня слегка отморожена пятка. Это был единственный раз, что мои ноги пострадали от холода, хотя я прожил много зим в северном полярном поясе. К тому же мы тогда еще носили осеннюю одежду и были менее защищены от холода, чем при путешествии, последовавшем через месяц.

9. ЗИМА БЕЗ СОЛНЦА

Человек, впервые приехавший на север, больше всего обращает внимание на солнце, как оно день ото дня заходит все раньше, пока совсем не скроется за горизонтом. Тогда начинается «долгая зимняя ночь». У нас солнце исчезло за горами на юге около половины ноября.

К Рождеству я уже не испытывал больше удовольствия от своего пребывания на мысе Шингля, потому что окружающие меня эскимосы были слишком заражены цивилизацией. Рокси, например, бегло говорил

по-английски, хотя и на том ломаном языке, который употребляют китоловы и торговцы при обращении с индейцами и эскимосами. Если бы белые при сношениях с эскимосами употребляли хороший английский язык, то и те имели бы возможность изучить его. Но хороший язык они слышат только в правительственных школах на Аляске и в миссионерских школах в Канаде.

С наступлением зимы в лагере остался только бородатый Облуток с женой, дочерью и зятем Ситсаком. Все они говорили на испорченном английском языке, который все больше распространяется среди эскимосов.

Эскимосский язык принадлежит к числу самых трудных для изучения языков в мире. Чтобы свободно говорить, надо ежедневно употреблять запас в 12 тысяч слов; это вчетверо больше, чем на любом европейском языке. Кроме того, словообразование на нем такое путаное, что греческий и немецкий языки по сравнению с ним детские игрушки. Белые, входящие в соприкосновение с эскимосами, пытаются сперва изучить их язык, но скоро отказываются от этого безнадежно-трудного предприятия и переходят к общеупотребительному жаргону.

Этот жаргон возник благодаря трудности изучения их настоящего языка. На реке Мэкензи жаргон состоит из 300—400 слов, к которым некоторые прибавляют отдельные слова собственного изобретения. В противоположность чистому эскимосскому языку слова на этом жаргоне не склоняются.

Удивительно, что белые принимали жаргон за настоящий эскимосский язык; даже те из них, которые долго жили среди эскимосов, как, например, все полицейские на острове Гершеля и в его окрестностях. Эти люди приехали в эту страну за два года до меня и нашли здесь жаргон,

употребляемый эскимосами при ежедневных сношениях с белыми (например, капитан Клинкаенберг), которые женились на эскимосках и успели обзавестись большими семьями. Однажды я слышал, как Клинкаенберг говорил со своей женой на неизвестном мне языке, и записал в своем дневнике, что он говорил по-эскимосски.

Один туземец дал мне словарь из трехсот слов, которые, по его мнению, были чисто эскимосскими. Позднее я узнал, что десять из этих слов имели своей родиной Южное море. Вероятно китоловы употребляли эти выражения в обращении с гавайцами, а потом применили их и к эскимосам. Употреблялись также английские и испанские слова; последние были южно-калифорнийского происхождения, откуда происходили многие китоловы. Некоторые китоловы раньше рыбачили в гренландских водах и оттуда привезли датские слова, как, например, «Kunie» — женщина, происходящее от датского слова «Kona».

Я скоро догадался, что жаргон не может быть настоящим языком эскимосов. У меня была великолепная грамматика языка гренландских эскимосов, составленная одним немецким ученым, прожившим почти всю свою жизнь в Гренландии. Я просил Рокси и других эскимосов говорить со мной на их родном языке, что они долгое время и делали. Но они скоро вернулись к жаргону, который выработался после 1889 г. До прихода белых между эскимосами и индейцами также был в ходу жаргон, схожий с этим.

Из разговора с Рокси я выяснил, что люди, жившие дальше к востоку по макензийской дельте, были менее затронуты цивилизацией. Двоюродный брат Рокси, Овайюак, рекомендованный мне Фирсом, как наилучший

из эскимосов, гордился, как я слышал, своим родом и языком. Рокси советовал мне поехать к Овайюаку, где я мог изучить эскимосов такими, какими они были до знакомства с белыми. Эта мысль пришлась мне по душе. При всем остальном это давало мне преимущество быть вблизи лагеря Г'аррисона, и я подумывал о том, чтобы отпраздновать у него Рождество.

Рокси предложил отвезти меня в Туктуякток к Овайюаку. Это был путь в 240 километров по извилистым каналам мэкензийской дельты. В виде вознаграждения я должен был привезти ему одеяло и ящик чая, купив их у Гудзонской Компании. Он настаивал именно на этих предметах, что лишний раз убедило меня в некотором сходстве эскимосов с нами.

До появления китоловов на острове Гершеля эскимосы покупали у Гудзонской Компании четыре или пять главных предметов: табак, чай, оружие с аммуницией, капканы и материи разных сортов. Они платили за это баснословно дорого, потому что расходы компании по перевозке до форга Макферсона были очень велики и торговля была мало развита. Отсутствие конкуренции также сильно влияло на рост цен. Фактически Гудзонская Компания была монополистом по этим предметам по всему громадному району.

В 1889 г. китоловы добрались до острова Гершеля. Они жадно стремились раздобыть у эскимосов свежего мяса и рыбы, которые до сих пор ими не продавались. Чтобы достигнуть этого, китоловы осыпали их товарами, которые Гудзонская Компания продавала по дорогой цене. Была, конечно, разница между их товарами и товарами компании. Старания китоловов обменять свои товары на предметы, не имевшие до сих пор никакой рыночной цены,

навели эскимосов на мысль, что товары китоловов худшего качества. С некоторыми товарами так и было, но с другими было наоборот, как, например, с охотничьими ружьями.

Гудзонская Компания ввозила к ним простые ружья, заряжаемые с дула, по десяти долларов за штуку, а китоловы привозили им дорогие ружья, заряжаемые с казны, по 100 долларов за штуку. Офицеры китоловных судов привозили двустволки лучшего калибра и дарили их эскимосам за малейшую любезность или просто в знак дружбы.

Но Гудзонская Компания не расточала зря своих дешевых ружей. Поэтому эскимосы думали, что они лучше дорогих ружей китоловов. Я пытался объяснить им разницу, но это было так же тщетно, как убедить женщину в том, что шерсть ценнее шелка и кружев, потому что более прочна и дает больше тепла. Эскимосы возражали мне, что простые ружья также стреляют хорошо и при этом удобнее и дешевле.

По той же причине Рокси настаивал на чае Гудзонской Компании. Этот чай стоил в Виннипеге 18 центов 400 грамм, а Гудзонская Компания продавала его эскимосам у мыса Шингля не меньше 2-х долларов за 400 грамм. Был здесь и чай по 40 центов за 400 грамм, но этот чай привозился китоловами; эскимосы привыкли получать его по дешевке и потому не ценили его.

Я пообещал Рокси одеяло и чай, так как надеялся купить и то и другое у Овайюака, агента Гудзонской Компании. Вдобавок Рокси потребовал еще, чтобы я купил у Стэна двух хороших собак и одолжил их ему для поездки на восток. По приезде к Овайюаку я должен был их там сохранить.

10. КАК МЫ БЛУЖДАЛИ ПО ДЕЛЬТЕ РЕКИ МЭКЕНЗИ

Первого декабря мы отправились в путь. Это было мое первое зимнее путешествие, и оно многому меня научило; прежде всего тому, как надо одеваться.

Идеальный костюм для зимы состоит исключительно из оленьей кожи. Мы называем ее «дубленой», потому что не имеем более подходящего слова. Но в сущности она подвергается не дублению, а соскабливанию.

Индейцы с Большого Медвежьего озера, называемые «Собачьими ребрами» и «Желтыми ножами», с которыми я познакомился в 1910—1911 гг., знают хорошо продуманный способ дубления кожи. Прежде всего они основательно высушивают кожу и натирают всю ее поверхность мазью, составленной из гнилой печенки и мозга оленя. Затем кожи свертывают в трубку и оставляют лежать один или два дня. Но это лишь одна из многих процедур, которым подвергается кожа при обработке. В конце концов она становится мягкой, приобретает со стороны мяса желтый цвет и имеет острый запах. Вся обработка продолжается свыше недели.

На Мэкензи эскимосские женщины достигают лучших результатов, затрачивая при обработке кожи в пять раз меньше энергии и в десять раз меньше времени, нежели индейские женщины. Тупым скоблильным ножом они очищают кожу дочи́ста. Затем они ее мочат, сушат и снова скребут. Благодаря этому кожа делается мягче, чем у индейцев, становится с мясистой стороны чисто белой и не имеет уже никакого запаха. Кроме того, при индейском способе обработки, поры в коже наполняются веществом, твердеющим при замерзании, что делает кожу

гораздо более жесткой, чем при эскимосском способе. Эскимосская обработка делает кожу такой легковесной, что полный зимний костюм из кожи менее тяжел, чем костюм, купленный в Нью-Йорке. Мой лучший костюм, покрывавший меня целиком с головы до пят, весил всего только четыре с половиной кило.

Нижняя одежда шьется шерстью внутрь, а верхняя — шерстью наружу. Нижняя рубашка и верхнее платье имеют капюшон для защиты ушей, но щеки и лоб остаются непокрытыми.

Регулирование тепла достигается ношением пояса. Рубашка и верхнее платье висят свободно над штанами и не доходят до колен. При 20 или 30 градусах мороза эскимосы носят только рубашку свободно, как плащ. Если им недостаточно тепло, то одевается пояс, который несколько задерживает теплоту тела. Если эскимос начинает потеть, то он опять снимает пояс. И в моменты, когда ему еще слишком тепло, он расстегивает немного ворот рубашки, что дает возможность холодному ветру обвеять горячее тело.

Когда рубашка с поясом все-таки обогревают тело недостаточно, то одевают верхнее платье, лежащее под рукою на санях. В лютый мороз застегивают пояс на верхнем платье, так что обе части костюма плотно прилегают одна к другой.

Со штанами поступают таким же образом. Но я не надевал двух пар меховых штанов, заменяя вторую пару кальсонами из тонкой материи, которых я имел с собой три—четыре пары. Они лучше регулируют теплоту, чем вторая пара меховых штанов.

Кожа северного оленя очень к теплу чувствительна. От сырости она сильно сѣживается и твердеет, но снова

становится мягкой после соскабливания. Существует несколько способов приведения в порядок одежды из оленьей кожи, когда она намокнет или попадет в другую переделку.

Прежде всего надо стараться, чтобы одежда не промокала. До своего отъезда я прочел много книг о северных странах и узнал из них, как сильно страдали исследователи от мокрой одежды. Нельзя совсем избежать образования инея на одежде, потому что даже, при отсутствии поща, тело бывает окружено невидимым слоем пара. Лишь при температуре в 35—40 градусов ниже нуля этот пар оседает подобно туману. Этот невидимый обыкновенно пар осаждается на одежде северных исследователей и пропитывает их насквозь влагой.

Исследователи в своих отчетах пишут, что когда они вечером возвращались в лагерь, то швы и другие части их одежды бывали слегка покрыты инеем. В тепле на стоянке их платье становилось мокрым и не высыхало за ночь.

На другой день повторялась та же история. Некоторые исследователи рассказывают, что первые две недели путешествия их платье бывало насквозь мокро. В своих спальнях мешках они спали одетые и таким образом лежали всю ночь как в холодной ванне. На утро рукава оказывались замерзшими и твердыми, как доска. Рубцы платья натирали раны, следы которых видны были долгие годы.

С головой, переполненной этой книжной премудростью, я оказался в большом затруднении при первой же поездке с Рокси. Но он объяснил мне, каким образом можно легко избежать всех этих затруднений. У нас была с собой печка, в которой каждую ночь зажигали

сильный огонь и высушивали мокрое платье. Главное было в том, чтобы снять заиндеветую одежду до прихода в лагерь. Если носишь одно платье, то от теплоты тела иней осаждается снаружи на гладкой поверхности мехового одеяния, откуда его можно соскрести ножом. При двух платьях иней образуется между ними. Тогда надо снять верхнее платье, перевернуть его и соскоблить иней до прихода в лагерь. Часто вешают платье на открытом воздухе, так что иней не оттаивает. На другое утро иней больше не мешает, так как превращается в тонкий порошок.

Иней становится неприятным при оттаивании платья в доме или когда оно оттаивает на теле при наступлении более теплой погоды. Изменение температуры наступает иногда очень быстро, и этого следует остерегаться. Случается, что при отправлении в путь температура равна 40 градусам ниже нуля, и иней выступает на внутренней поверхности верхнего платья. После обеда небо покрывается тучами и температура подымается. Тогда необходимо сейчас же снять верхнее платье и положить его в сани или перевернуть его и счистить иней.

Я много слышал и читал о снежных хижинах эскимосов и сгорал от нетерпения увидеть их. Во время поездки Рокси не строил снежных хижин. Он довольствовался возведением круглого снежного вала в два метра высоты, который он покрывал захваченным с собой куском полотна, имевшим отверстие для печной трубы. Повсюду было много пловучего леса, и каждый вечер перед сном в нашей железной печи трепал веселый огонь. По ночам бывало очень холодно. Когда под открытым небом было 40 градусов мороза, то у нас в лагере было только 30 градусов. Этого неудобства как я после узнал, легко было

избегнуть. Но я эти трудности предвидел и почти радовался тому, что мне приходится их переносить.

В юнoшeствe я прочел много романов Фенимора Купера и других авторов о жизни индейцев и эскимосов. Чтение этих книг оставило во мне впечатление, что индеец никогда не может заблудиться. Торговцы на реке Мэкензи подтвердили мне действительно, что индеец почти безошибочно находит правильную дорогу. Другие торговцы, наоборот, говорили, что индеец так же легко может заблудиться, как и всякий другой. Это действительно так. Большинство торговцев мехами занимаются только своим делом и проводят все время в своих хижинах. Лишь немногие из них ищут приключений, путешествуют и охотятся вместе с индейцами.

Как трудно освободиться от понятий, которыми руководишься в течение всей жизни!

На третий день пути по дельте реки Мэкензи Рокси со своим спутником Ситсаком стали часто останавливаться, подыматься на небольшие холмы и высматривать дорогу. Я еще не догадывался, в чем дело. Наконец я спросил Рокси, и тот ответил, что мы, очевидно, заблудились. Так оно в действительности и было. В течение двух дней мы бесцельно бродили по рукавам дельты, то подымаясь по одному, то спускаясь по другому, не будучи в состоянии ориентироваться. На утро третьего дня мы наткнулись на след от саней и скоро нашли покинутое место чьей-то стоянки. Оказалось, что это был след наших же саней и место нашей же стоянки, оставленной нами два дня тому назад. Рокси и Ситсак были того мнения, что, разбивая этот лагерь, мы были еще на правильном пути и сбились с дороги уже позднее. Теперь мы были осторожнее и, пройдя 8 километров, пришли к месту, где

наш след уходил в сторону, противоположную той, куда ему надлежало направиться.

В речной дельте вообще очень легко заблудиться. Дельта реки Мэкензи дальше к югу сильно поросла елями; но там, где мы находились, острова были густо покрыты ивами. В еловом лесу сани с трудом проезжают, но ивовый лес совсем непроходим. Растительность так густа, что ни разу за лето нельзя через нее пробраться. Кустарник бывает от 1¼ до 2½ метров высоты; зимою между его ветвями накапливаются огромные массы мягкого снега. Поэтому приходится пользоваться речными каналами, и нет никакого стыда в том, что заблудишься, особенно при плохом освещении.

В это время года солнце не показывается совсем. Писатели, изображающие далекий север в стиле романтическом, называют это время «долгой ночью». Но это абсолютно неверное определение вводит только в заблуждение читателя. Мы находились в 150 километрах от полярного круга, и там в течение семи часов в день было достаточно светло, чтобы под открытым небом читать крупную печать. Правда солнце не показывается над горизонтом, но его отблеск виднеется на юге, где оно стоит под горизонтом не ниже, чем оно стоит на тропиках. Мэкензийские эскимосы предпочитают путешествовать именно в это время года. Вставая обычно в два часа утра, они три — четыре часа заняты варкой кушанья и завтраком, сопровождаемым усердной болтовней. Между 5 и 7 часами они запрягают своих собак и отправляются в путь еще до наступления полного рассвета. В полдень они останавливаются, чтобы при хорошем освещении разбить лагерь и накормить собак, и покуда стемнеет успевают все привести в порядок. В Арктике не знают той абсолютной

темноты, которая свойственна умеренным и тропическим странам, когда ни зги не видать. Здесь даже в облачные зимние ночи звезды излучают из-за туч столько света, отражаемого снегом, что в 15 метрах можно различить человека в темном платье.

Рокси был прекрасным провожатым и самым ловким и храбрым эскимосом, какого я когда-либо знал. Во многих отношениях он усвоил понятия белых, но в общем разделял духовные воззрения эскимосов.

Подтверждение этому я получил в первые семь дней нашего совместного путешествия. Мы заблудились, сделав лишь полдороги; снег был мягче и глубже, чем Рокси предполагал, и мы продвигались очень медленно. Заметив, что обе купленные мною у Стэна собаки хуже тащат сани, чем собаки Рокси, я спросил его о причине. Он ответил сердито, что в этом нет ничего удивительного, так как бедные животные уже несколько дней ничего не ели. Это поразило меня, ибо я знал об имевшемся в наших санях запасе рыбы.

Я не понимал также, почему мои собаки должны голодать в то время, как его хорошо накормлены. У нас было условлено, что он позаботится о корме для всех собак. Он объяснил мне, что обязан был заботиться только об определенном количестве собак, я же должен был делать то же самое. Вообще обычай эскимосов таков, что при совместных путешествиях каждый должен заботиться о корме для своих собак. Это меня удивило тем сильнее, что раньше Рокси говорил мне о коммунистических взглядах эскимосов, по которым запасы пищи одного принадлежат всем. Оказывается, что этих коммунистических взглядов на питание они придерживались только дома, а не в дороге. Можно приехать к эскимосу

С каким угодно количеством собак, и все люди и животные будут накормлены из рыбного запаса хозяина. Но, уезжая, вы не имеете права взять что-либо бесплатно для себя или для собак.

Рокси явно сердился, что Стэн не предупредил меня об этом. Первые дни пути он кормил и моих собак, но когда путешествие затянулось, он возмутился этой несправедливостью и под конец совсем перестал кормить их. Мне тем труднее было переубедить его, что он собирался в тот же день прекратить кормление своих собственных собак.

— Собаки больше людей привыкли работать без пищи, — говорил он. — Они лучше выдерживают голод, к тому же мы должны быть на первом плане и сперва позаботиться о себе.

Я был новичком в Арктике и мне мерещилась героическая голодная смерть. Вскоре мои собаки совсем перестали тянуть сани. Тогда Рокси выпряг их и пустил бежать за санями. Я дивился тому, что Рокси, сердившийся на меня и моих ослабевших собак, не срезал ивовой ветки, чтобы подстегиванием заставить их тянуть сани. Он возразил на мой вопрос, что битье собак — это манера, свойственная только белым, и он еще этому пока не научился. Эскимосы полагают, что с собакой следует обращаться заботливо. Хорошая собака и без битья работает, пока только может. Жестоким обращением с собаками он бы только повредил себе во мнении эскимосов. Они обычно восклицаниями понуждают собак к работе и голосом подбадривают их или же впереди упряжки идет особенно любимый собаками эскимос, от которого они стараются уже не отставать.

Двенадцать лет спустя мэкензийские эскимосы научились бить собак, и когда я был у них в последний раз

в 1918 г., лишь немногие старики воздерживались от этого дурного обычая.

Не доходя 50 километров до Туктуяктака наши собаки так ослабели, что мы вынуждены были бросить большую часть нашей поклажи. Все мы помогали тянуть сани. Прекратив кормление собак, мы еще расплавали таким количеством рыбы, что, уменьшив наполовину свои порции, мы могли продержаться три—четыре дня.

В 25 километрах от цели мы наткнулись на свежий след саней. Это так оживило наших собак, что в ожидании близкой кормежки они напрягли последние силы и энергично потащили сани. Наконец показались дома; люди громкими криками приветствовали нас, и собаки так помчались, что мы едва поспевали за ними.

Среди группы эскимосов, вышедших нам навстречу, находился Овайюак. Он сердечно поздоровался с нами и очень обрадовался, узнав от Рокси, что я хочу провести у него зиму и ознакомиться с действительной старинной жизнью эскимосов.

11. СКАЗКА О ДОЛГОЙ НОЧИ

Мой первоначальный план был таков: Рокси должен был меня через несколько дней привести в лагерь Гаррисона на одном из эскимосских озер; там предстояло мне провести Рождество, после чего я должен был вернуться в Туктуякток. Принимая во внимание своих замученных собак, Рокси думал, что Овайюак лучше доведет меня до Гаррисона, и последний с этим согласился. Я купил у него 60-фунтовый ящик чаю и два одеяла Гудзонской компании, в качестве вознаграждения Рокси, после чего тот уехал.

За неделю до Рождества я спросил у Овайюака, когда он намерен отправиться со мной к Гаррисону. Удивленный, он ответил, что такое путешествие ему и в голову не приходило. Тогда я рассказал ему о моей сделке с Рокси. Овайюак весело рассмеялся, сказав, что это одна из шуток его двоюродного брата. Он дал мне понять, что я могу у него оставаться, сколько мне угодно, но что его домашнее хозяйство так велико и доставляет ему столько хлопот, что только с возвратом солнца он может думать о поездке. При этом он обратил мое внимание на то, что здесь у берега постоянная езда в разных направлениях и что я могу с кем-нибудь отправиться к Гаррисону.

Через некоторое время прибыл сюда мой старый знакомый с мыса Шингля, Илавинирк со своей женой Мамаюк и четырехлетней дочкой Ноашак. Овайюак думал, что для меня представляется прекрасная okazия. Я же радовался встрече с Илавинирком, потому что он привез с собой соль, а я уже определенно испытывал голод по ней.

При отъезде с мыса Шингля я забыл сделать запас соли и очень сожалел об этом. Рокси утешал меня тем, что у его двоюродного брата я получу соль, но у последнего ее не было совсем. Эскимосы не имеют потребности в соли, сказал Овайюак, поэтому уже много лет ее у него нет. При этом ему хотелось знать, нуждаются ли белые абсолютно в соли, и является ли наслаждение, получаемое от употребления ее, такой же привычкой как наслаждение от табака. Насколько он помнил, Мэкензийские эскимосы, женщины и мужчины, употребляют табак. Матери учат своих грудных детей жевать табак, и многие эскимосы верят, что без табака жизнь невозможна. Но Овайюак также слышал, что табак, который стал известен около 1850 года, вначале не встречал сочувствия среди эскимосов.

С другой стороны, только немногие эскимосы научились употреблять соль, остальные же гнушаются ее. Овайюак верил, что белый может, если захочет, тоже отказаться от употребления соли, и он полагал, что я через короткое время к этому приду. До приезда Илавинирка это меня изрядно сердило. Овайюак рассказал ему о моей тоске по соли; тот немедленно пошел к своим саням и принес мне целую банку. С безмерной радостью я густо посыпал рыбу солью. Но замечательно то, что я не почувствовал того удовольствия, которого ожидал! В следующий раз, чем-то заинтересованный, я по своей рассеянности съел рыбу, не думая о том, что она без соли. Итак, жажда соли была только самовнушением! С той поры я больше не открывал банки, а через два—три месяца я ее потерял и совершенно не сожалел о потере.

Илавинирк высказал полную готовность пойти со мной в глубь страны. Он только-что вернулся из страны эскимосских озер, где был на расстоянии однодневного пути от лагеря Гаррисона. Местность была бедна жизненными припасами и он приехал на берег к Овайюаку, чтобы иметь возможность питаться рыбой до возврата солнца. Теперь же, если б он привел меня к Гаррисону, он бы мог взять на своей бывшей стоянке некоторые оставшиеся там предметы вооружения.

В наш первый дневной переход мы сделали приблизительно 20 километров. У хорошо защищенного ивами русла ручья мы нашли стоянку одной семьи, занимающейся расстановкой ловушек. Вообще эскимосы не пользуются естественной защитой от бурных ветров. Если они действительно хотят защитить свой дом, то в течение часа или двух они выстраивают из снежных плит идеальную защиту от ветра в виде вала полукруглой формы.

На второй день мы достигли первого лагеря на территории эскимосских озер. Там мы нашли зятя Стэна, Кунака с семьей, живущего в большом доме, который не имел обычной ульеобразной формы. Он стоял на опушке еловых лесов, в которых не редки были экземпляры вышиной в двенадцать метров. Четверо эскимосов могут построить в течение одного—двух дней большой дом, для чего стольким же белым вероятно понадобятся недели две, при чем эскимосское жилье будет более теплым.

Основная причина легкости такого строительства заключается в покатости стен, которые перекладываются кусками дерна и потому могут лучше сохранить тепло, чем вертикальные стены, пользующиеся таким доверием белых.

Дом Кунака был первым эскимосским жильем с окнами в стенах. Каждое окно было образовано из ледяного стекла, толщиной в $2\frac{1}{2}$ см., 60 см. в ширину и 120—в высоту. Хотя температура в доме редко падала ниже 20 градусов тепла, оконные стекла все-таки не таяли, ибо внешний холод, достигавший 35 градусов ниже нуля, крепко их спаивал.

На третий день, сделав 20 километров в поперечном направлении через одно из эскимосских озер, мы достигли лагеря Гаррисона. Нас встретили с радостью. Гаррисон жил совершенно уединенно у Какотока, не знающего ни одного слова по-английски, в то время когда сам он еще не овладел эскимосским жаргоном. Поэтому возможность с кем-нибудь поболтать для него была радостью.

Я часто читал в книгах о чувстве одиночества и угнетения духа, которые овладевают человеком в многие недели долгой полярной ночи, без единого луча солнца. И сам я еще до того, как скрылось солнце, стал обнаруживать

беспокойство. Однако Рокси сказал мне, что он не видел ни одного эскимоса, которому отсутствие солнца хоть сколько-нибудь мешало бы, и что после одного — двух лет к этому совершенно привыкают и все белые. От Стэна же и других эскимосов я слышал, что период отсутствия солнца является здесь самым веселым временем года.

В долгую полярную ночь эскимосам совершенно нельзя охотиться на северных оленей, а рыбачить и ставить западни тоже не совсем удобно. И поневоле у эскимосов получаются каникулы, совершаются дальние поездки, эскимосы танцуют, поют и предаются веселью.

Несмотря на то, что мне все это было хорошо уже известно, мысль о том, что зима вызывает гнетущее чувство, невольно вызывала его. Гаррисон был хорошим математиком и любил заниматься астрономическими вычислениями. Он высчитал, что 15 января солнце покажется над горизонтом, при условии, если температура будет выше 18 градусов холода, и что оно покажется на день или на два раньше, если будет стоять 40 градусов ниже нуля. В указанный день я поднялся на вершину близлежащего холма и действительно увидел над горизонтом половину солнечного диска. В своем дневнике я отметил этот момент и писал о пережитой мною радости в связи с возвратом солнца. Но с тех пор и прожил девять полярных зим и ни разу больше не испытал я такой радости при виде возвращающегося солнца.

В середине января рыбный запас Гаррисона стал заметно уменьшаться. Он имел еще небольшой запас муки, однако достаточный, чтобы при желании можно было есть рыбу с хлебом. Но мы не должны были употреблять больше хлеба, если хотели, чтобы нашего запаса хватило

до весны. Гаррисон был того мнения (в ошибочности этого мнения я впоследствии убедился), что деликатессы надо ежедневно употреблять в умеренном количестве. Но люди, которые любят хлеб больше, чем рыбу или мясо, могут спокойно израсходовать свой запас муки. Когда последний истощится, они будут об этом сожалеть в течение одной—двух недель, а потом никто больше об этом даже и не вспомнит.

26 января мы с Гаррисоном двинулись к берегу, и три дня спустя нас встретил в Туктуяктоке Овайюак,

12. МОЯ ЖИЗНЬ КАК ЭСКИМОСА

Только по возвращении в Туктуякток я стал жить как настоящий эскимос. До того времени в моем образе жизни были еще отличия от привычек туземцев. Иногда у меня бывала соль, в то время как эскимосы ею совсем не пользовались, и моя рыба была обыкновенно приготовлена иным способом.

Они ели свою рыбу, вареную или сырую, в замороженном виде, я свою жарил или пек; голова рыбы была для них особенно лакомым кусочком, я же не разделял их вкуса. Овайюак хотел готовить для меня отдельно, но я категорически решил не иметь отдельной пищи: обслуживание меня принесло бы эскимосам лишние заботы, к тому же я хотел жить как они и изучать их привычки.

Наш дом был срублен из пловучего леса и имел земляные стены более 1½ метра толщины. Крыша имела пирамидальную форму и заканчивалась горизонтальной квадратной площадкой, 180 сантиметров в поперечнике. В центре ее было вырублено окно, затянутое прозрачной

кожей из кишек белого медведя. В ясный день зимою проникало света настолько, что в течение четырех часов можно было обходиться без ламп.

Однако последние не тушились тепла ради. Обычно горели три или четыре лампы. Это были большие чаши в форме полумесяца, сделанные из жировика. Хорошее горение такой лампы обуславливается постоянным наполнением чаши, что регулируется простым самодействующим способом. Кусок медвежьего или тюленьего сала подвешивается просто над пламенем. Если уровень масла в лампе низок, то светильня больше выглядывает наружу и пламя горит ярче. На ряду с этим вследствие сильной жары полоски сала растапливаются сильнее, масло больше стекает вниз и уровень содержимого в сосуде подымается. При этом пламя уменьшается; вместе с тем уменьшается и приток масла, стекающего с подвешенного сала. Хорошо заправленная лампа горит при нормальном колебании 6—8 часов сряду.

Обычно лампы заправляются перед отходом ко сну и горят до самого утра ярким светом. Случайно одна из женщин может забыть приготовить достаточно сала над лампой. Тогда появляется копоть. Эскимосы, которые я думаю, видят и слышат не лучше белых, обладают исключительно острым обонянием. Как только в доме запахнет дымом, кто-нибудь из них уже просыпается и обращает внимание нерадивой женщины на это явление.

Толстые земляные стены отлично сохраняют тепло, и если иногда бывает холодно, то это вина свежего воздуха, проникшего в дом. Пол жилища находится на одном уровне с землей. Вход имеет вид туннеля, 9 метров в длину. При входе в дом этот туннель имеет 1½ метра в высоту, так что входящий должен наклониться.

Температура в этом проходе — такая же, как под открытым небом, но внутри жилье насыщено теплотой, так как холодный воздух не проникает внутрь. В крыше имеется отдушина для вентиляции. Горящие лампы поддерживают тепло в доме между 24 и 30 градусами. От времени до времени еще используется железная печка; тогда температура внутри помещения подымается до 38 градусов, и вы чувствуете себя уже как в бане. Вследствие резкой разницы между теплотой жилища и царящим снаружи 40-градусным холодом получается такое сильное давление воздуха, что оно стремительно гонит теплую струю к вентилирующей отдушине.

До того как я стал жить с эскимосами, мне пришлось много слышать о царящем в их домах дурном запахе, и я думал вначале, что мне придется с этим столкнуться. Скоро я выяснил, что это был только навязчивый запах съестных продуктов, который дает себя чувствовать, как у нас запах кофе или жареного сала. В конце концов я привык к этому и этот запах был мне даже приятен, когда я приходил голодный в дом.

По плану дом был почти квадратным, около 3½ метров в длину. С трех сторон примыкали помещения, в которых находились площадки для спанья, лежащие на 20 сантиметров выше уровня поля. Из одного из смежных помещений вела дверь в особое маленькое жилье, где жил дядя Овайюака со своей семьей. В обоих жилищах находилось, не считая многочисленных кочующих посетителей, 23 обитателя. Все, за исключением меня, спали на площадках. Я спал на полу, около выходной двери, где было несколько холоднее.

В эскимосском доме мало мебели. Обитатели довольствуются очень немногим, многим пользуются только при

случае, сохраняя все под открытым небом. То, что постоянно употребляется, прячут обыкновенно в чулане коридора, остальное находится вне дома на особой площадке, на которой лежат также и с'естные припасы. В самом жилище остаются только кухонная утварь и маленькие передвижные столики, на которых приготавливаются и с'едаются кушанья.

Пробуждение домашних по утрам не связано ни с каким определенным часом. Многие эскимосы — отчаянные курильщики, и я не редко просыпался в 4-м часу ночи от чирканья спички, когда кто-либо из них желал покурить. Обычно он затягивался несколько раз и снова засыпал. В 6 утра курильщик уже не засыпает опять, а начинает беседу с другим курильщиком. Скоро разговор делается общим, пока кто-либо скажет, что пора завтракать. Тогда женщины начинают обсуждать вопрос о том, кто из них должен пойти наружу за рыбой. Все это происходит очень весело, среди взрывов смеха. Каждая из решившихся пойти женщин спешит одеться первой. Разница между мужской и женской одеждой незначительна, и те и другие чрезвычайно быстро ее натягивают на себя.

Я не проследил точно по часам, как долго одеваются эти добытчики завтрака, но наверное не больше 45 секунд. Они выбегают наружу и приносят охалки рыбы. С треском летит рыба на пол, и пока она в достаточной мере оттает, длится получасовая болтовня. Женщины срезают своими ножами в форме полумесяца рыбы головы, которые они собирают для послеобеденной варки. Они надрезают рыбу, берут кончик кожи в зубы и стягивают кожу так, как это делают с бананами, с той разницей, что бананы очищаются без помощи зубов. Большие рыбы, более фунта весом, разрезаются на куски.

В многочисленном семействе рыба раскладывается на многие блюда, что очень удобно. Перед раздачей блюд дети получают лучшие куски, ибо у эскимосов вошло в обычай лучше обслуживать детей, чем других старейших членов семьи или даже уважаемых гостей. Когда

Чета старых эскимосов.

рыба оттает настолько, что становится не тверже мороженого, начинается трапеза. Каждый ест сколько хочет и кладет остатки на лежащую вблизи доску. Эскимосы следят за тем, чтобы пища не тратилась зря; остатки получают собаки.

В 7 утра все уже одеты и готовы выйти на повседневную работу. Овайюак всегда выходил первым на рыбную ловлю. Гостям представлялось располагать свободно своим

временем, но никто не упускал случая участвовать в рыбной ловле. Если кто-либо и воздерживался иногда, то на него не обижались, хотя лентяя эскимосы презирают. Но каждый принимался за работу не из боязни быть выгнанным из дому, но, чтобы не упасть в общественном мнении. По этой же причине очень немногие из нецивилизованных эскимосов бездеятельны. К этому надо прибавить и подбадривающее действие климата. В южных странах я часто терял любовь к труду, но на севере работа — одно удовольствие.

Мы ловили всевозможные сорта рыб. Высший сорт — это чешуйчатая рыба с белым мясом, достигающая больше метра в длину и 18 кило весом, которая называется мэкензийской семгой.

Работая по семи часов в день, каждый может выловить около восьми разнообразных рыб. В редком случае нас бывало на ловле более шести человек, а между тем прокормиться должны были около 30 обитателей, включая в это число гостей и более 50 собак. Ежедневно каждый съедал пять фунтов, а два—три фунта съедала собака.

Хотя с рыбной ловлей мы справлялись хорошо, однако наш большой, весящий много тонн, запас ежедневно уменьшался. Овайюак думал, что его хватит только до конца марта. На основании моих математических познаний я хотел ему доказать, что нашего запаса хватит на большее время, но он указал мне на то, что с общим уменьшением количества продуктов вероятно многие соседи придут к нему.

Овайюак дал мне понять, что при таком положении дел он как предводитель должен подумать о многих. А он безусловно был таковым. Представители Гудзонской Компании называли его так, ибо знали его, как человека,

влиятельнейшего между эскимосами. Овайюак сначала этого не понимал. Я знал, что купцы ведут торговлю по всей Мэкензийской долине с предводителями индейцев, которые имеют большей частью узаконенную власть над своим племенем. Власть эта либо наследственная, либо выборная. Когда представители Гудзонской Компании пробрались к эскимосам, то решили, что у последних имеются старшины и спросили их об этом. Но эскимосы не могли им указать своих начальников; такое понятие было им совершенно чуждо. Тогда купцы сами отыскивали способнейших и влиятельнейших людей, которых отметили как предводителей.

Таковым оказался дядя Овайюака, человек здравого рассудка и большой энергии, почему он и пользовался влиянием. Компания наметила его предводителем и назначила своим уполномоченным. Это обстоятельство увеличило влияние дяди среди эскимосов и сделало его еще более сильным, чем кого-либо из эскимосов до него. После смерти дяди компания назначила предводителем Овайюака. Последний пользовался влиянием как человек, самостоятельно мыслящий и лучше других хранящий заветы предков. В то время когда большинство проводило лето в далеких торговых поездках в форт Макферсон и на острове Гершеля, Овайюак удовлетворялся только спешной поездкой в форт и возвращался к своим рыболовным занятиям. Самая рыбная пора была именно тогда, когда эскимосы сбывали компании или китоловам свои меха. И когда они возвращались с закупленными шелками, фотографиями, резиной для жевания¹ и другими безделушками, Овайюак успевал уже приготовить

¹ Эскимосы жуют резину.

большой рыбный запас. Зимой же ловля была незначительна, и когда запасы начинали истощаться, гордость Овайюака была удовлетворена, когда говорили: «Пойдем к Овайюаку, он нас покормит».

По этой причине он пользовался влиянием у эскимосов. Он никому не отказывал в пище, считая, что другие имеют такое же право на его рыбу, как и он сам, ибо его народ мыслит коммунистически.

Он никому не говорил:

— Ты должен признавать мою власть над собой, так как я даю тебе пропитание.

Но каждый сам считал честью для себя быть полезным Овайюаку. Не проявляя над другими никакой власти, он тем не менее пользовался большим уважением и услужливостью со стороны окружающих.

На рыбной ловле, когда мы, защищенные от ветра снежным полуокружным валом, сидели возле прорубей, время проходило в разговорах. Я настаивал на том, чтобы Овайюак употреблял в разговоре со мной только эскимосский язык, который в то время был мне еще недоступен. С большим терпением он в течение дня сперва говорил мне слова по-эскимосски, а потом раз'яснял их на жаргоне. Благодаря удобствам нашей одежды, мы могли уютно разговаривать, не взирая на то, что температура часто падала ниже 40 градусов.

Рыбная ловля продолжалась до 4 часов пополудни, после чего мы шли обедать. Жена Овайюака, помогавшая нам рыбачить, уходила домой за час раньше, чтобы приготовить обед. Почти каждый из моих эскимосских друзей обладал часами, но время возвращения домой не определялось часами, а дневным светом, зависящим всецело от туч. При нашем возвращении обед почти всегда еще

не бывал готов. Мы снимали нашу верхнюю одежду, соскребаали с нее иней и садились за большие дымящиеся миски с вареной рыбой.

Уже пятый месяц я жил среди эскимосов и обед из вареной рыбы так понравился мне, как естому эскимосу.

После еды не было никакой определенной работы. В общем занимались пустяками: один занимался резьбой на мамонтовой кости, другой приводил в порядок свои часы. У многих эскимосов очень ловкие руки. Какоток, например, разобрал свои остановившиеся часы и снова их составил так, что пружина заработала. Он разобрал также дешевый будильник, вставил в него пружину из своих карманных часов и будильник стал работать. Починка часов для эскимосов — забава, и нередко они берутся без всякой нужды за разборку ценных часов.

В то время как мужчины занимаются своей работой, а женщины шьют или заняты другим делом, кто-либо начинает петь или рассказывать какую-нибудь историю. Пение сопровождается иногда аккомпанементом барабана, их единственного музыкального инструмента. Рассказываемые истории обычно двух родов. Первый — это общеизвестные народные сказания. Каждый знает их очень хорошо и следит за рассказчиком, чтобы шутки ради не пропустить и высмеять каждую его ошибку. Другим родом рассказов бывают личные удивительные приключения рассказчика. Эти выслушиваются спокойно, без единого замечания и только в конце забрасывают рассказчика множеством вопросов.

Часто они спрашивали меня о странах и жизни белых, но я скоро пришел к заключению, что эти вопросы предлагаются из вежливости, но не из интереса. Они гораздо меньше печалились о нашем мире, чем мы о них.

Капитаны китоловных судов говорили мне, что они не встречали ни одного эскимоса, который охотно бы поехал с ними в Сан-Франциско. Мысль поехать в какое-нибудь место только с целью увидеть его была им смешна. Намерения поселиться в Сан-Франциско у них не было; зачем же туда ездить?

Я сделал попытку рассказать Овайюаку о прекрасном климате Сан-Франциско. О Сан-Франциско мы говорили потому, что это имя было хорошо известно эскимосам. Под этим именем они понимали всю заселенную белыми землю. Овайюак интересовался вопросом, всегда ли там лето, и когда я подтвердил это, он заявил, что прекрасно понимает, почему белым нравится такой климат, но эскимосу совсем не по нутру страна с вечным летом. Радостно они смотрят вперед, когда весна сменяет зиму и наступает лето, но им еще милее наступление осени и зимы. И наконец, как справиться с тягостью жары? Зимой приятен теплый дом, из которого можно выйти наружу, чтобы охладиться, но куда уйдешь от летней жары?

Очень интересно наблюдать, как они справляются с послеобеденной сильной жарой в доме, наступающей после варки пищи и достигающей иногда до 40 градусов. При входе в дом снимается вся одежда, исключая пары трусов, так что все тело до пояса и на икрах остается голым. Дети до семи лет бегают совсем нагишом. Одно из занятий мужчин—часами стругать из кусков пловучего леса тонкие щепы, которые обычно целыми кучами стоят в углах жилья. Вследствие сильной жары пот стекает потоками с лица и тела людей. Горсти приготовленных щеп употребляются для обсушивания потного тела. Во многих отношениях эскимосы аккуратнее нас. Многие из нас употребляют одно и то же полотенце много раз, в то

время как эскимосы свои щепы пускают в ход только один раз, после чего они сжигаются.

Не только вследствие сильной жары, но и в качестве возбуждающего средства, то один, то другой из потеющих обитателей выбегали на воздух. И я никогда не слышал, чтобы это кому-либо повредило. Через два часа после сдыва дома опять царит приятная температура, около 25 градусов.

13. КАК СТРОЯТ ХИЖИНУ ИЗ СНЕГА

У меня было желание связаться с моей экспедицией, которая зимовала, вероятно, в 300—500 километров к западу от острова Гершеля. С этой целью я хотел присоединиться к Овайюаку в предстоящей поездке его на остров Гершеля.

Но Овайюак сперва отклонил мою просьбу. Дело в том, что время, близкое к возврату солнца, самое холодное в году, а белый по его мнению в такую погоду не способен ездить. Я указал ему на то, что берет же он с собой своего трехлетнего сына. На это Овайюак ответил, что будь я маленьким ребенком, которого можно закутать в шубу и привязать к саням, тогда он взял бы меня, но для этого я уже слишком вырос.

И откуда только у него такая предвзятая идея, что белые не могут переносить сильный холод? Китоловы рассказывали ему об этом, а также его двоюродный брат Рокси говорил о том, что белые удивляются способности эскимосов переносить холод.

Овайюак вообще относился доверчиво к моим словам. Но когда я пытался раз'яснить ему, что на моей родине в Дакоте так же бывает холодно, как и в Мэкензийской области, он не мог этого связать с рассказами белых

о жарком климате Сан-Франциско. Мои доводы о том, что страна белых так велика, что охватывает всевозможные климаты, не вполне его убедили, и он еще долгое время оставался при своем.

Он полагал, что поездка продлится 12 дней. Я заметил ему, что в прошлую осень мы с Рокси могли бы проделать этот путь в меньший срок, если бы не заблудились. Овайюак ответил, что осенью снег бывает мягким, а теперь он как песок, по которому труднее ездить. Теперь он с женой должны будут вместе с собаками тянуть упряжь, а так как от меня он такой помощи не ждал, то во всяком случае увеличить мною груз саней он, конечно, не хотел. Несмотря на то, что Рокси рекомендовал ему меня как хорошего путешественника, он твердо стоял на том, что умение белых приспособиться к поездке осенью совершенно не соответствует их возможности ездить зимой.

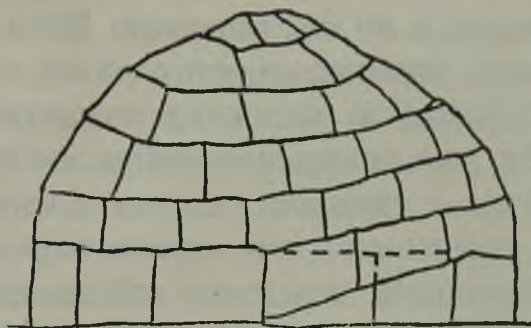
И все-таки 1 февраля мы выехали из Туктуяктока, изрядно нагруженные рыбой. На четвертый день мы принялись на стоянке за постройку снежной хижины. Тут я впервые познакомился с настоящим эскимосским жилищем.

По мере приближения к стоянке, Овайюак с женой высматривали подходящий снег. Последний должен быть глубиною в метр и равномерной плотности. Вначале испытываются твердость поверхности снега, при чем определяется глубина следа ноги. Мягкая эскимосская обувь делает след долго заметным. Если это так, то в слой снега втыкают, с равномерным давлением, шест, длиной более метра. Если шест через первые слои снега проходит легко, а в дальнейшем встречает препятствие, то такой снег бракуется.

Найдя подходящий снежный покров, начинают вырезать пожом отдельные куски-глыбы для стройки жилья,

длиною в 70 см. и шириною до 45 см. Эти глыбы потом разрезаются на подходящие отрезки.

Вначале ставят первую снежную глыбу, как косточку от домино с наклоном во внутрь хижины. Так заполняется по окружности первый ряд, за ним — второй и следующие три ряда, все также с вышеуказанным наклоном. На прилагаемой схеме ясно видна укладка рядов.

Эскиз постройки снежной хижины.

До начала стройки Овайюак нарезал добрых 20 снежных глыб, которые я ему подавал, в то время как жена его продолжала вырезать еще глыбы. Последних требовалось около 50. Глыбы повсюду были изборождены трещинами; жена Овайюака легко их натирала мягким снегом, чтобы заполнить скважины.

Когда первые три ряда хижины были готовы, мне стало уже труднее подавать глыбы через стену. Поэтому Овайюак вырезал дыру у основания стены, через которую я ему впихивал глыбы. Наконец укладка была закончена. Жена Овайюака стала стребать лопатой снег к дому так, что он скопился вокруг стены дома у основания его. Толщина стены в этом месте была около 90 см., в то время когда выше она была только 25, а около крыши — 10 см.

Овайюак был теперь замкнут в хижине, ибо дыра, через которую я впихивал глыбы, была им потом закрыта. Между тем жена его вырыла ров шириною в 90 см.; у верхнего конца рва она вырыла дыру в стене дома, в то время как муж работал изнутри.

Как только ров был соединен с внутренностью хижины, я пролез в нее, чтобы наблюдать окончание работы. Из негодных к употреблению сломанных глыб Овайюак соорудил площадку в 30 см. вышиной. Жена его покрыла площадку слоем длинношерстной оленьей кожи, волосом вниз; сверху накинула еще одну кожаную покрывку, которую затем уже прикрыла спальными одеялами.

Для утепления снежной хижины достаточно одной эскимосской лампы или еще лучше керосиновой или спиртовой печурки. Но вследствие обилия пловучего леса в нашей местности, мы взяли с собой маленькую железную печку. В крыше хижины была вырезана дыра для печной трубы.

Я думал, что отверстие это будет увеличиваться, вследствие жара в печной трубе. Но это было лишь в ограниченной мере. Глыбы подтаивали только на слой в 5 сантиметров, ибо мокрая крыша быстро замерзала вследствие царящего снаружи холода, и снежные глыбы превращались в лед. И только в теплую погоду крыша могла целиком растаять.

Наш снежный дом был таким же теплым, как земляной или деревянный в Туктуяктоке. Овайюак раз'яснил мне, что если бы в крыше не было отверстия для печной трубы, то в хижине всю ночь царила бы приятная теплота. Наши постели были теплы и проникающий сверху ночной холод мне совершенно не мешал. К утру растапливалась печь и становилось снова тепло.

На мой вопрос, не грозит ли нам ночью опасность обвала хижины, Овайюак рассмеялся в ответ и предложил мне в виде опыта влезть на крышу, чтобы испытать ее прочность. А так как я медлил это сделать, он сам влез на крышу. Свод мог бы без ущерба выдержать на себе десяток людей. Если постройка с вечера была еще не совсем прочна, то за ночь она окрепла, ибо снежные глыбы превратились в лед.

При дальнейшем передвижении на запад мороз стал крепнуть и доходил до 40 градусов ниже нуля. Овайюак был удивлен моей выносливостью и наконец уверовал, что на моей родине в Дакоте также бывает холодно.

На двенадцатый день пути мы прибыли к мысу Шингля. В домах Стэна и Рокси все было благополучно. Однако рыбный запас Рокси был почти весь израсходован многочисленными посетителями, и он решил поэтому отправиться в Туктуяток с Овайюаком.

В течение последних шести недель я питался рыбой (без соли) и водой — без сахара, без муки и овощей, — а до того я три месяца только иногда вместо рыбы употреблял мясо. Я впервые пережил удручающее полярное зимнее время, так называемую «долгую полярную ночь» и проделал мою первую поездку в суровую полярную зиму. И при всем этом Стэн нашел, что я прибавил в весе 5 кило.

14. ПОСЛЕ ВОЗВРАТА СОЛНЦА

Так как у Стэна почти вышли с'естные припасы, он просил меня привезти на санях с острова Гершеля транспорт муки и еще кой-чего. Я охотно согласился выполнить его просьбу, но должен был выждать с поездкой еще три недели.

У Рокси жил запросто один эскимос по имени Канирк, что означает «вершина горы». Китоловы переделали это имя в Кокней — «мещанин». Я полагал сперва, что это — прозвище, но капитан Ливит объяснил мне, что это просто его имя, исковерканное китсловами.

Белые, которые не занимаются специальным изучением языков, при торговых сношениях с эскимосами и индейцами произносят слова так, что они соответствуют приблизительному привычному определению на их собственном языке. Вот почему случайные мнимые индийские названия американских рек, гор и городов почти всегда не соответствуют их настоящим индейским определениям.

Когда я впервые встретился с эскимосами, их имена звучали мне совсем иначе, чем сейчас. Овайюак представлялся мне как Леваюк, из чего сделали Леви. И только когда Овайюак сам объяснил мне, в чем дело, я услышал правильное имя О-вай-ю-ак.

В предстоящей поездке за покупками на остров Гершеля меня должны были сопровождать Канирк и мальчик Рокси.

15 февраля мы двинулись в путь. Вначале все шло хорошо. Лед на морском берегу был нагроможден высокими хребтами и потому непроходим. Мы должны были использовать узкое взморье, лежащее между прибрежными скалами, вышиной в 100 метров, и непроходимым льдом.

Первую ночь мы провели у Королевского мыса в пустовавшем доме Амундсена. Завывание бури задержало нас здесь на три дня. Между тем мы съели нашу провизию, рассчитанную на три дня пути. Буря не прекращалась и на четвертый день, и нам оставалось только плы

вернуться к мысу Шингля и уже попозже сызнава отпра- виться в путь, или, не взирая на ветер, сделать около 30 километров вперед до мыса Стока, где жила семья эскимосов. Я решил двинуться вперед и впервые позна- комился с арктической снежной бурей под открытым небом.

Мне приходилось неоднократно переживать снежные мятели в Дакоте, где они были так же жестоки, как и в полярной области. Но там повсюду были жилища и слу- чайные прикрития. Здесь, одетые в скверное дакотское платье, мы замерзли бы очень быстро. Эскимосская же одежда нас защищала. Но у нас были два затруднения. Одним из них были собаки. Вихри снега постоянно попада- ли им в глаза и замерзшие снежные хлопья мешали им видеть. Собака, если она не видит, всегда отказывается бежать дальше; ей хочется лечь и уснуть.

Другим затруднением была моя борода. До жизни у эскимосов я был уверен, что борода служит предохра- нением против замерзания лица. Эскимосы говорили мне, правда, обратное, и только из недомыслия я не обратил на это внимания. Итак, я был с бородой. Было только около 20 градусов холода, но ветер дул нам навстречу с быстротой 64 километров в час. Снег на моем лице чуть таял, и вода стекала по моим щекам вниз и отчасти за- мерзала. Я пробовал с помощью перчаток освободить лицо, но тщетно. Я подвергался только опасности отморо- зить руки, а на дальнем севере руки нужны больше лица. Иногда я пытался освободить мои оба глаза от слоя льда, но мне удалось освободить только один из них. Когда мы прибыли после такого 8-часового пути к мысу Стока, мне было скорее тепло, нежели холодно. Лицо мое было по- крыто настоящей ледяной маской весом в хороших 5 кило,

которая в тепле эскимосского жилья сразу отпала. Кожа на моем лице была, к счастью, только легко отморожена, но я принял этот опыт к сведению и никогда больше не носил бороды в холодную погоду. Если быть внимательным к этому вопросу, то отмораживание обычно не идет дальше кожи, которая через день — другой слезает и только по вечерам, когда в помещении становится прохладнее, чувствуется легкое жжение.

В гавани острова Гершеля я получил наконец сведения о моей экспедиции. Лефтингвель и помощник штурмана, Сторкерсон с «Герцогини» были осенью на острове Гершеля и рассказывали, что судно находится в полном порядке под защитой острова Флаксмана. Лефтингвель предлагал мне или оставаться в дельте, или, если я имею желание, приехать на остров Флаксмана. Я решил отправиться туда в апреле, а пока вернуться к мысу Шингля.

На обратном пути я испытал интересное приключение. Первые два дня погода была хороша, но по пути к Королевскому мысу с востока подул сильный ветер с снегом. Когда мы обогнули Королевский мыс, неистовствовавшая буря дула нам прямо в лицо. Наши собаки с трудом открывали глаза и, несмотря на все наши труды, прятали свои носы под хвост. В конце концов они стали, так что Канирку пришлось схватить переднюю собаку своей упряжки и потащить ее вперед.

Дорога была так плоха, что мои сани вдруг провалились в мягкий снег. Я стал звать к себе людей, но из-за ветра они не могли меня слышать. Среди снежной метели передние сани мигом пропали с моих глаз. Я сумел наладить провалившиеся сани, но собаки в это время свернулись клубком, а валивший снег начал совершенно

заносить их. Я схватил переднюю собаку за сбрую и в конце концов поставил упряжку на ноги. Пока видны были передние сани, мои собаки еще плелись, но с исчезновением их животные совсем стали. Ни я, ни собаки не различали больше следов, они исчезли под снегом. Я попробовал двинуться вперед и потащил переднюю собаку, но скоро сани опять провалились. В надежде, что эскимосы придут ко мне на помощь, я промучился около часу, но продвинулся едва на 200 метров вперед.

Когда я наконец сообразил, что эскимосы не вернутся, я нашел, что мое положение вполне похоже на те драматические положения, которые в книжных рассказах кончаются обычно трагедией. Мои сани, в противоположность эскимосским, были тяжело нагружены мукой и другими припасами для Стэна. В довершение все лагерное оборудование, наоборот, было только на санях эскимосов. И только обретенная ими сковородка, которую я поднял, была моим единственным орудием.

Поразмыслив и оглядевшись, я увидел вблизи оставленное эскимосское жилье. Туда я и двинулся со своей сковородкой.

Буря вырвала кусок крыши в пустовавшем доме, внутренность которого была полна снега. Отсутствие охотничьего ножа исключало всякую возможность постройки новой снежной хижины. Я мог только при помощи моей сковородки выгрести снег из разрушенного дома, после чего я распрег собак и взял их с собой к жилью. Пока я возился с собаками, снег опять набился в дом, и опять пришлось его выгребать сковородкой. Двух собак я взял с собой в хижину, чтобы они согревали меня. Я попытался прикрыть дыру в крыше куском холстины с саней.

Устав от трудной работы, я уснул, положив голову на одну из собак, как на подушку и крепко спал до следующего утра, пока не почувствовал, что я весь промок. Моя одежда была полна снега, который растаял от тепла моего и собачьих тел.

При первом слабом сумеречном свете, проникшем через тонкую снежную крышу, я вышел наружу, запрег собак и двинулся вперед...

Погода была прекрасная; ясное небо, крепкий мороз.

Мои затруднения кончились... Через шесть километров я был уже на виду у лагеря Амундсена, у Королевского мыса, где стояли другие сани, уже снаряженные в дальнейший путь. Когда эскимосы увидели издалека мое приближение, то остались дожидаться меня и разложили огонь, чтобы накормить меня завтраком.

После я узнал, что мальчик, заметив мое отсутствие на расстоянии километра, хотел вернуться ко мне, но Канирк думал, что я наверно сам под'еду. Когда они прибыли уже на стоянку и подкрепили свои силы, мальчик опять предложил пойти на разведку, но Канирк отказался. На следующее утро юноша снова хотел идти ко мне, но Канирк настоял на том, чтобы двинуться к мысу Шингля... Я как-раз под'ехал к ним в тот момент, когда они об этом спорили.

Я плохо понимал поведение Канирка, но после я узнал, что он вообще пользовался дурной славой. Он оставил однажды лежащим на дороге больного спутника-эскимоса, который мог замерзнуть, если бы другие не спасли его. На утро он уже вообще не считал нужным идти ко мне, ибо я за ночь должен был замерзнуть. Белые неизбежно замерзают, когда остаются здесь на ночь под открытым небом.

Уверенность мекензийских эскимосов в легком замерзании белых порождена многими трагедиями, случившимися с китоловами, которые тайно оставляют свой корабль. Люди, не знакомые с страной и доселе жившие постоянно в городах, часто пытались перебраться от острова Гершеля на Аляску, в особенности это имело место, когда между 1899 и 1902 годами на Юконе господствовала так называемая «золотая лихорадка». Нельзя поверить, что мужчины могли при ясном небе замерзнуть не дальше как в двенадцати километрах от корабля. Они, вероятно, ушли с судна в 10 часов вечера, в полумраке направились по непрочному льду в сторону материка и, сильно устав, легли в своей потной одежде спать, чтобы уже не пробудиться.

На севере между белыми царит суеверный страх перед тем, чтобы не уснуть в мороз под открытым небом. Но для уставшего человека опасен не сон сам по себе, а то, что человек спит не во-время. Если не утомляться до пота, то одежда остается по крайней мере в первые дни пути сухой. Эскимосы очень хорошо умеют сохранить свою одежду в сухом виде, но китоловы не имеют даже представления об этом. Убежав с корабля, они смертельно устают в своем мокром от пота платье и тогда уже впадают в сон, который обычно кончается смертью.

15. В ПОИСКАХ МОЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Возвратившись к мысу Шингля, я 7 апреля снова снаряжился в путь. На этот раз — уже на остров Флаксмана к моей экспедиции, с которой я до сих пор был связан только формально. Меня сопровождал эскимос, настоящее имя которого было забыто. Он представился

мне как Кап Иорк. Ему случалось ездить зимою на запад не дальше, как до половины пути от острова Флаксмана, но он видел этот остров как-то летом с борта корабля и был уверен, что найдет его.

Мы уже знаем, что сильный холод в полярной области отнюдь не страшен. Если пользоваться эскимосской одеждой, тогда ниномем и мороз в 40 градусов. В глубине материка или на большом острове в 200 километрах от берега температура может упасть и до 50 градусов. Первое же утро такого морозного дня дает вам совершенно исключительные переживания. Воздух настолько ясен, что зрение обостряется раза в четыре больше, чем в равнинах на юге, а острота слуха здесь положительно удесятеряется. Мой старый друг Фирс рассказывал мне, что в горах на западе от форта Макферсона он слышал за 15 километров индейцев, которые в своем лагере кололи дрова.

Совершенно другая картина наблюдается в апреле, когда холода достигают только до 20 градусов; тогда небо сплошь покрыто тучами, часто бывают туманы, а число снежных бурь удваивается и снег падает обильнее, чем осенью.

Когда я отправился в дорогу, погода была хороша, но капитан Ливит предупредил меня, что вряд ли это будет продолжаться долго и что мы должны быть на-чеку; иначе прозеваем остров Флаксмана. Он описал мне остров, насколько он мог его рассмотреть с марсовой мачты китоловного судна.

Путешественнику, едущему на санях, остров, конечно, представляется в другом виде, чем с вышины. 30 метров наблюдательного пункта на корабле. Ориентироваться приблизительно можно было также по горам и по их отдалению от берега.

Но горы не помогли нам; весенние туманы и снежные вьюги скрывали их от нас. Мы направили все наши надежды на остров Бартера. Находясь в 80 километрах к западу от острова, мы должны были или заняться тщательными изысканиями или ждать лучшей погоды. По рассказам Ливита, остров Флаксмана имел десять километров в длину и три в ширину. Высота его была около шести метров, поэтому мачты корабля, стоящего за островом, должны были быть видны.

Наша упряжка была самая жалкая из всех, какие мне пришлось видеть на севере. Только две собаки из всех были еще сколько-нибудь годны; одна принадлежала мне, другая — Кап-Йорку. Я уже рассказывал, что купил у Стэна двух собак, из них одна пропала при исключительном случае. Я одолжил ее одной эскимосской женщине для небольшой поездки, так как она владела только одной собакой. Моя собака была сильным, хорошим животным и у нее была своя история.

Два года тому назад капитан Амундсен зимовал на острове Вильгельма севернее Гудзонова залива. Вблизи этого пункта стоял корабль «Арктика» под начальством полицейского инспектора Муди. Последний предложил Амундсену в подарок целую упряжку собак, но так как тот уже имел столько собак, сколько был в состоянии прокормить, то оставил себе только одно животное, отказавшись от остальных. Год спустя судно Амундсена замерзло по пути в Тихий океан у Королевского мыса и он зимовал по соседству с Стэном в двухстах метрах от его судна «Бонанца», севшего на мель. Летом Амундсен уехал оттуда, подарив Стэну целую упряжку гренландских собак, а также уже известную нам собаку с Гудзонова залива. Последняя была много больше и сильнее

гренландских собак; Стэн опасался, чтобы она их не укусила. Поэтому Стэн и подарил эту собаку мне, хотя она была самой лучшей из всех его собак.

Вот эту самую собаку (ее кличка была Сова) я одолжил одной эскимосской женщине. Это случилось через несколько месяцев после моей поездки с Рокси, при чем я совсем забыл о том, как эскимосы мало заботятся о питании чужих собак в дороге. Женщина и сопровождавший ее сын задержались из-за бури на много дней в пути, а запасы их были уже на исходе. Именно тогда я их встретил во время одной небольшой своей поездки. Я был очень удивлен, когда увидел, что ее собственная собака толста и жирна, в то время как моя Сова превратилась буквально в скелет. На мой вопрос женщина отвечала, что корм истощился, а так как я не дал ей ничего для своей собаки, то она ее и не кормила.

Я выпряг Сову и снял с нее сбрую, которая была сплетена из пеньки. Затем я пошел в хижину, что была на нашей стоянке и достал немного рыбы. Когда я вернулся, то увидел как мелькнул последний кончик пеньковой сбруи в пасти моей собаки. На сбруе, вероятно, застрял кусочек сала, и его запах заставил голодную собаку проглотить всю сбрую. Я знал, что бедному животному обеспечена верная смерть, если она не изрыгнет сбрую назад. Мы влили ей в пасть ворвань, но без последствий. Через два дня собака так страдала от боли, что мы должны были ее пристрелить.

Это приключение меня очень огорчило, во-первых, потому, что я очень был привязан к собаке, а во-вторых, успев полюбить эскимосов как народ, я с болью констатировал это неприятное явление. Женщины, как и Рокси, прикрывались существующим у эскимосов обычаем,

позволяющим оставлять голодными моих собак, а своих кормить. Но я должен сказать, что эскимосы не одоорили их образа действий, и они много потеряли во мнении своих единомышленников.

Итак, у меня была только одна хорошая собака, а Кап-Норк владел тоже одним годным, но тощим животным. Поэтому я занял четырех собак, но потом выяснилось, что они не стоили своего корма.

В эту весеннюю поездку я узнал много нового. Во-первых, я познакомился с таким явлением, как рассеянный дневной свет. Это — главная неприятность полярных путешествий.

Рассеянный свет наступает при равномерно облачном небе, когда тучи так тонки, что большей частью пропускают солнечные лучи, но скрывают самое солнце. Если местоположение солнца хоть сколько-нибудь заметно, тогда зло еще не так велико, ибо тогда снежные волны и ледяные края их бросают заметную тень. Но когда солнце невидимо, то нет никаких падающих теней. Снежные волны — белы, ледяные края — белы, и нельзя никак различить их очертания.

Кто не видел возникающих во время зимних бурь снежных волн, может себе представить поднятые на море сильной бурей волны, которые как бы внезапно замерзли. Езда по такой снежной равнине достаточно неприятна даже при солнечном сиянии, когда можно различить снежный гребень от следующего за ним ската. Но при рассеянном свете поверхность, несмотря на всю свою неровность, выглядит ровной и гладкой. В действительности же это не так. Кажется, что будто ничего нет, но когда ступаешь, то часто поднимаешь ногу как-раз в том месте, где в сущности — только пустое пространство. Не знаешь,

споткнешься ли в дыру или наткнешься на твердый край. Короче, чувствуешь себя совсем так, как слепой на улице.

Но все это еще с пол-беды, если имеешь по крайней мере уверенность, что глаза твои функционируют. Постоянная напряженность зрения является причиной так называемого снежного ослепления. Можно быть пораженным слепотой также на борту корабля, если смотреть на озаренную солнечным блеском водяную поверхность. Сильно освещенное солнцем поле в горах может тоже быть причиной слепоты. Но все это и в половину не так серьезно как влияние весеннего рассеянного света в арктических снежных равнинах. Кто однажды бывал уже поражен снежной слепотой, легко заболевает вторично. Поэтому снежная слепота поражает эскимосов, которые с детства имеют дело с рассеянным светом, в то время как белые или негры чувствуют от него только легкое покалывание в глазах.

Когда мы, сделав 150 километров на запад, думали, что приближаемся к острову Бартера, Кап-Йорка поразила снеговая слепота. Она проявилась вечером, когда я на стоянке пек блины. При этом эскимос спросил меня, не слишком ли пригорает сало. Я сказал, что этого нет и заинтересовался его вопросом. Эскимос ответил, что он видит дым в палатке, который ему ест глаза. Но когда он убедился, что блины плавают в сале и никакого дыма нет, он понял, что его поразила слепота и что завтра утром мы не сможем из-за него двинуться дальше.

Это был тяжелый случай. Сейчас же после ужина из глаз его потекли прозрачные слезы, а вместо дыма Кап-Йорк почувствовал в глазах ощущение песчинок. Боль была настолько сильна, что он стал стонать. Я впервые познакомился с этим явлением и меня поразила его

болезненность. Неоднократно будил он меня в эту ночь своими стонами и когда я спросил, чем можно ему помочь, от ответил, что никаких средств нет.

Наконец только через день ему стало лучше. Когда я проснулся, Кап-Йорк готовил наш завтрак, защитив свои глаза цветными очками. Слезы все еще лились из его глаз и веки вспухли. К вечеру второго дня он мог, находясь в палатке, снять очки, но в глазах у него все двоилось.

На третий день нашего пребывания на стоянке Кап-Йорк вышел наружу. Он скоро вернулся очень возбужденный и сообщил, что вблизи видны карибу. Я их тоже увидел приблизительно в 1½ километрах от нас. Это были первые северные олени. В области Мэкензи занимаются главным образом ловлей рыбы и кроликов, случайно можно увидеть лося, но северные олени уже не встречаются.

Эскимосы рассказывают, что к востоку от реки Мэкензи карибу встречались в большом количестве до того времени, как появились китоловы и обязали их доставлять оленье мясо на суда. Но капитан Ливит предупредил меня, что южнее острова Бартера будут встречаться олени. Это сбывалось и, повидимому, мы действительно достигли острова Бартера.

Теперь я знаю, что мне следовало тогда самому отправиться на охоту за этими животными. Я думал, что Кап-Йорк опытен в охоте на северных оленей, и меня беспокоили только его глаза, но он сам не считался с этим и захотел попробовать охотиться. Вдвоем же мы не могли уйти, так как необходимо было присмотреть за собаками, чтобы они не подняли шума.

Я не мог проследить, как протекала охота, потому что карибу завернули за холм. Спустя полчаса я услышал

выстрел, а приблизительно через час вернулся Кап-Йорк с пустыми руками. Он не был достаточно осторожен и не принял во внимание ветер, так что животные почуяли его; к тому же, когда он был за холмом, началась гроза. С его слов было видно, что он мог бы еще уложить убегающих животных, но когда он целился, то мушка раздвоилась у него перед глазами, что было последствием пережитой снежной слепоты. Кап-Йорк принес с собой между прочим и приятную новость—уверенность, что мы действительно находимся на острове Бартера. Мы могли в этом скоро окончательно убедиться, так как на одной песчаной косе находились развалины эскимосской деревни.

Мы нашли там в действительности жилища, построенные из земли и дерева, а южнее оттуда мы увидели дом, показавшийся нам обитаемым. Мы пошли туда, но обитателей там не было и в помине. Так как глаза Кап-Йорка еще не совсем поправились, а я нашел в оставленном доме материал для чтения, то мы остались там на ночь, что не нарушало обычаев страны. Было ясно, что в этом доме жил белый. На некоторых книгах были имена Лефтингвеля и Микельсена; они, конечно, были с нашего корабля.

На другой день, после того как мы оставили этот дом, погода испортилась и мы из снежного шквала вышли прямо к эскимосской стоянке; это была маленькая хижина, где жила молодая пара с маленьким ребенком. Мы расспросили их насчет нашего местоположения и узнали много новостей. Мы узнали, что человек, в оставленном доме которого мы провели два дня, был американцем, по имени Нед Арей. Он прибыл в полярную область в качестве китолова, заинтересовался здесь изучением горных пород и совершил путешествие через северную Аляску как золотоискатель,

С золотом ему не повезло и он в конце концов занялся ловлей лисиц; это был любезный, общительный человек. Эскимосы сказали нам, что он отправился на остров Флаксмана, чтобы посетить наше судно.

О самой экспедиции мы получили два важных известия. Менее страшное гласило о том, что корабль получил течь и, затертый среди льдов в два метра толщиной, он сейчас не может пойти ко дну. Но трюм полон водой, и весною, когда лед растает, он неминуемо должен погибнуть. Весь корабельный груз перенесли на сушу, а корабль частично обломали, чтобы построить на берегу дом.

Более серьезно было известие о том, что Лефдингвелль, Микельсен и помощник штурмана Сторкер-Сторкерсон погибли. Не послушавшись совета эскимосов, они предприняли поездку на север по колеблющемуся льду. Недели через две вернулась одна из их собак, очевидно, единственная оставшаяся в живых из всех участников путешествия. Предполагают, что сани с людьми и собаками провалились на тонком льду, когда они переходили с одной льдины на другую, и только одна собака, оборвавшая свою сбрую, прибежала назад. Первые дни эскимосы еще надеялись, что явится кто-либо из спасшихся людей, теперь же уже не было на это абсолютно никаких надежд. Эскимосу еще можно продержаться в таком положении, поддерживая жизнь охотой, но белого, если он не вернется обратно через несколько дней, ждет неминуемая гибель.

Предводителем лагеря на острове Флаксмана был доктор Гове, и Нед Арей на основании своего многолетнего опыта помогал ему.

Страшные известия побудили нас поскорее достигнуть острова Флаксмана. На следующее утро мы двинулись

в путь очень рано, и до 4-х часов пополудни 30 километров, отделявших нас от острова, были уже за нами. Там все обстояло действительно так, как нам передали эскимосы. Обшивка корабля была снята и на берегу построили деревянный дом, в котором жили участники экспедиции под начальством знакомого мне доктора Гове. Лагерь состоял из трех белых и некоторого количества эскимосов. Нед Арей прибыл сюда со своей женой-эскимоской и детьми.

Мы узнали новые версии о смерти Исфингвеля, Микельсена и Сторкерсона. Гове вообще не верил в их гибель. Эскимосы заведомо считают смертельным каждое путешествие по льду. Уже через несколько дней они знали, что предприятие это должно кончиться плохо, а единственная вернувшаяся собака укрепила их в этой уверенности. Доктор Гове, наоборот, был убежден, что все в порядке: отъезд произошел при обычном состоянии льда, и участники хотели провести там два месяца, а это время еще не миновало.

Я был настроен еще более оптимистически. Из книг, описывающих полярный пояс, я знал, что путешествие по льду весьма опасно, но возможно, и совершенно нельзя было предвидеть, почему именно здесь, на севере Аляски, оно должно быть еще опаснее. После я установил, что здесь оно во всех отношениях труднее, чем где-либо в другом месте. Но экспедиция была в достаточной мере снабжена продуктами.

Гове высказал предположение, что наша экспедиция должна будет закончиться летом; корабль весной пойдет ко дну, и мы должны будем возвращаться на китоловных судах. Это меня очень разочаровало, потому что я желал всеми силами души посетить эскимосов на острове Виктории.

Когда Лефлингвель сделал мне в Чикаго предложение посетить с ним остров Виктории, меня в особенности увлек этот план: остров Виктории своими размерами больше Англии. Еще 50 лет тому назад английские исследователи посетили большую часть его побережья и нашли там везде эскимосов. Повидимому, эти путешественники увидели только небольшую часть туземного населения; уже многих из тех эскимосов, которые видели исследователей, вероятно нет в живых. Было бы особенно интересно изучать народ, который никогда не видел в глаза белых людей. Возможно, что какой-нибудь старик мог бы нам раскрыть тайну судьбы спутников Джона Франклина, два корабля которого были затерты льдами восточнее острова Виктории. Думают, что весь экипаж погиб там, но могло случиться, что кто-нибудь и достиг острова.

Мой интерес к этому острову еще возрос после того, как я встретил капитана Клинкаенберга на острове Гершеля. Он сам видел людей, живущих на острове Виктории. Они носят оружие из меди. Очень небольшой процент из них сходны по цвету лица с европейцами и тем отличаются от эскимосов, населяющих Аляску; некоторые же из них имеют голубые глаза и светлые волосы.

Я стал обсуждать с доктором Гове план этого путешествия. Мы сошлись на том, что сейчас оставим страну и уже после снарядим новую экспедицию. Вопрос об этих эскимосах стал меня, как антрополога, занимать все больше и больше. Нам было известно, что китоловы раньше не бывали в той местности; только в 1889 г. пришли первые китоловные суда на остров Гершеля и капитаны этих судов по большей части и до сих пор занимаются китовой охотой. От них я узнал, что за исключением

капитана Котле никто не проникал еще в глубь острова Виктории. Котле посылал партию эскимосов на оленью охоту. Эскимосы вернулись на борт корабля с мясом убитых животных, но нигде не видели признаков людей. И китоловы были того мнения, что остров Виктории теперь необитаем, поэтому открытие Клинкенберга всех очень поразило.

Я твердо решил когда-нибудь раскрыть тайну происхождения белых эскимосов на острове Виктории.

Три года мне пришлось дожидаться подходящего случая.

16. ВЕСЕННЯЯ ПОЕЗДКА В ЭСКИМОССКОЙ ЛОДКЕ

На острове Флаксмана я нашел хорошо подобранную библиотеку; это были большей частью научные книги. Между ними я нашел трехтомный труд по геологии Чемберлена и Салсбюри, великолепнейшее из всех произведений по вопросу о начале, происхождении и развитии земли. Между чтением всевозможных книг я писал разные статьи. Однако в виду влияния арктического климата побуждающего к энергичной деятельности, это вынужденное сидение на одном месте действовало на меня чрезвычайно тяжело. Поэтому я и воспользовался случаем съездить по поручению Гове на остров Гершеля. Ничего особенного об этой поездке сказать нельзя.

Как-раз в то время, когда я жил на острове Гершеля, вернулись из льдов в полном здравии те, которых мы считали уже погибшими. Они выполнили интереснейшее научное путешествие, при чем проникли на 150 километров к северу. Они исходили из того предположения, что океан там неглубок и повсюду находятся острова всевозможной

величины. Они так уверены были в своей теории, что взяли с собой только одну веревку длиною в 600 метров. До 50 километров от земли веревка еще достигала дна. Но потом морское дно неожиданно ушло в бездонную глубину.

Наличие материка было очень сомнительно. Несмотря на это, путешественники понемногу продвигались вперед. Но так как течение быстро гнало лед, а обстоятельства складывались хуже, чем можно было ожидать, то им оставалось повернуть и заняться исследованием края, так называемой «материковой отмели», где мелкая береговая вода граничит с крутым склоном вглубь океана.

Занятые исследованием края «материковой отмели», они были застигнуты восточной бурей, которая угрожала угнать их в открытое море по ту сторону мыса Барроу. Через некоторое время ветер утих, и они смогли достигнуть по пловучим льдинам берегового льда и по нем уже попасть на берег.

Возвратившись на остров Флаксмана, я узнал от Леффингвеля, что нашу экспедицию надо действительно считать законченной.

С нетерпением я остался ожидать на острове Флаксмана наступления моего первого полярного лета. Проведенная зима была для меня удачной и во многом схожей с зимою на моей родине в Дакоте. Долгие месяцы чистой ясной погоды оказали такое благотворное влияние на меня, как нигде в другом месте. Несмотря на это, я особенно много ожидал от весны. Но начало весны разочаровало меня. Конец апреля был неприятен, а май еще того хуже.

Одна из прелестей севера — это совершенная сухость снега зимой. В мае, наоборот, он становится влажным, как

в южных странах, и тогда приходится надевать непромокаемые сапоги, чтобы защитить ноги от сырости. Мы надевали эскимосские сапоги из тюленьей кожи, которые были легче и целесообразнее, чем все другие, знакомые мне виды сапог. Такие сапоги все же пригодны только летом, для весны они слишком холодны, несмотря на их непромокаемость. Ноги все-таки бывают в них мокры, как и в резиновых сапогах, ибо скопляющиеся испарения тела в них задерживаются. В течение шести зимних месяцев можно сохранять свои ноги постоянно сухими, расхаживая по снегу в сапогах из кожи северного оленя, но в мае можно за шесть часов промочить ноги в непромокаемых сапогах.

Весеннее тепло больше влияет на береговые склоны, чем на низменные прерии, и поэтому лежащие дальше на восток реки освобождаются раньше от льда. Река Фирс вскрылась 10 мая и воды покрыли широким веером многие квадратные километры морского льда на запад от острова Гершеля. Вода этой реки, покрыв многие километры льда, нашла наконец выход в море через образовавшиеся трещины. Эти трещины образуются там, где береговой лед, который плотно прилегает к почве, напирает на лед, лежащий дальше, в глубоком море; вследствие этого последний приходит время от времени в колебание. Движение льда сохраняет эти трещины открытыми целую зиму.

Признаки приближения весны здесь многочисленны, не говоря уже о неприятном потеплении, которое обуславливает облачность и постепенно усиливает падение снега. Одним из признаков весны являются птицы. Некоторые — немногие виды — остаются здесь зимовать: например, стаи белых куропаток, совы, ястребы и тучи

ворон. Если уйти подальше по сильно колеблющимся морским льдинам, между которыми много открытой воды, то можно увидеть чаек, пуночек, прилетающих на берег. На близлежащих землях чайки появляются одновременно с дикими гусями, между началом и серединой мая.

Первый снег и первый образовавшийся лед вызывают, как мне случилось наблюдать у мыса Шингя, большую радость среди детей. Так же реагируют на это и жители острова Флаксмана; но они радуются переходу к весне куда меньше, чем приближению осени. Лето не любят на севере, ибо оно затрудняет езду. Зимой можно повсюду ходить пешком или ездить на санях, запряженных собаками.

Но летом нельзя передвигаться ни на санях, ни на ками. Но летом нельзя передвигаться ни на санях, ни на повозках — наступает бездорожье, почва сыра и во многих местах лежит глубокая грязь. Летом можно использовать собак только как носильщиков тяжестей, а так как они имеют короткие ноги, то их нельзя нагружать такими вещами, которые нужно сохранить в сухом виде. В жаркую погоду собаки ищут прохлады в воде, и груз промокает. Поэтому летом таскают тяжести главным образом люди. С другой стороны, летнее тепло делает возможным езду на лодках. Поэтому весна является для эскимоса временем постройки и приведения в порядок своих лодок. Зимой 1906—1907 года многие эскимосы владели китоловными лодками, которые они закупили на судах. Такая лодка, длиною около девяти метров, подымает одну тонну груза и идет очень хорошо; но она хрупка, с трудом сохраняется в надлежащем виде и при полной нагрузке не особенно пригодна к плаванию. Большая эскимосская лодка, так называемый «умиак», во всех отношениях лучше.

Первые китоловы, прибывшие на северный берег Аляски, не обращали внимания на приносимый течением лес и употребляли для постройки деревянного остова «умиака» строительный лес. Вначале им удалось склонить и эскимосов к этому, но последние скоро пришли к заклю-

Езда в „умиаке“.

чению, что остов из слового дерева легче и крепче, чем из какого-нибудь другого, обычно предлагаемого торговцами строевого леса. Эскимосы, стало быть, уже давно знали то, чему белые научились только во время мировой войны, когда стали употреблять словый лес для постройки воздушных кораблей.

«Умиак» так велик, что для покрытия его требуется семь шкур бородатых тюленей. Длина его достигает около 10 метров. Бородатый тюлень (*Erignathus barbatus*),

шкура которого употребляется для обтягивания лодки, весит от 270 до 360 кило. За месяц до употребления шкура кладется в мешок и сохраняется в теплом месте до тех пор, пока сгниют все волосы на ней. Сгнивший волос соскребается с одной стороны, а с другой очищают жир.

Веселые танцы под защитой „умиака“.

Затем женщины сшивают кожи нитками из крученых оленьих жил; нитка эта набухает, если она мокрая. Поэтому и еще потому, что эскимосские женщины очень старательно шьют, получается единственный в своем роде непронускающий воду шов.

В обыкновенных охотничьих сапогах швы смазывают жиром, чтобы они не пропускали воду. Эскимосская женщина будет обижена, если сделанный ею шов на сапогах будет еще покрываться жиром. После того как «умиаки»

высохли, их предварительно смазывают жиром перед тем, как спустить на воду. Если такое судно пропиталось водой, оно уже никогда не дает течи.

«Умиак», в котором может уместиться 20 человек, весит максимум 225 кило. Его могут нести двое крепких мужчин. Весною эскимос часто укладывает свой «умиак» на низкие санки, кладет в лодку все нужное для езды и таким образом начинает свою весеннюю поездку до того, как вскрыется лед на реках и на море. Они ездят в таком виде до тех пор, пока вода прибрежных рек не зальет лед. Вначале эта вода делает езду невозможной, ибо превращает снег на льду в крепкий слой снежной грязи толщиной в 60 сант. Еще недели через две по льду образуются дыры, в которые течет вода, но еще можно две—три недели ездить на санях, пока лед не растрескается окончательно под влиянием солнечного тепла, ветра и морских течений. Тогда наступает уже настоящее время езды на лодках. Езда на лодках бывает здесь трех родов.

При плавании вверх по течению реки обычно употребляется способ бечевы (судно тянется бечевой). К мачте лодки прикрепляется длинный канат, на другом конце которого впрягается упряжка собак. Один человек идет с собаками по берегу, другие остаются в лодке, выделив одного в качестве рулевого. Так можно плыть вверх по реке, против сильного течения со скоростью около трех километров в час. При плавании вниз по течению, по озеру или в тихую погоду на море употребляют или весла с широкими лопастями или тянут лодку ремнями, а иногда то и другое употребляется вместе.

Помимо своего незначительного веса и легкости, с которой «умиак» при прекращении судоходности какой-нибудь реки может быть перенесен на землю или увезен

собаками на санях, он имеет еще другие преимущества. Например, шкуры, из которых он сделан, так крепки, что при быстрой езде от 7 до 8 километров в час «умиак» может

Постройка лагерной стоянки зимой.

двигаться по твердому льду без всякого для себя вреда. Разве что лопнет ребро его остова, но это легко исправимо. Всякую дыру в лодке очень быстро чинят эскимосские женщины. Большое удобство заключается еще в том, что «умиак» легко пристает к любому берегу в любую погоду, исключая скалистых берегов, потому что глубина хода лодки незначительна, а киль его плоский. Китоловная шлюпка сидит 45 сантиметров в глубину, в то время как «умиак» погружается только на 25 сантиметров в воду.

Во многих отношениях «каяк» еще лучше «умиака». Остов его состоит из легкого дерева и костей кита. Пловец замкнут в тесном круглом отверстии лодки и когда волны заливают ее, вода не может проникнуть во внутрь. Раньше эскимосы носили непромокаемую рубашку, которая плотно прилегала к шее и вплотную же касалась отверстия «каяка», так что даже при переворачивании лодки в нее не попадала вода. Поэтому эскимосы

выезжают на тюленью охоту в своих каяках даже в такую погоду, когда никакое другое судно не может держаться на воде.

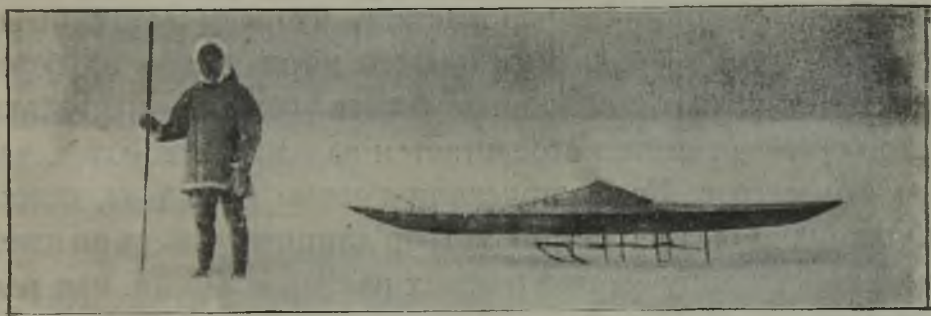
На северном берегу Аляски солнце не заходит в течение двух месяцев. Полярное солнце восходит до того, как растает весь снег в прериях, и последний снова появляется после того, как солнце начинает скрываться. На острове Флаксмана не бывает очень жарко, но внутри страны, в горах бывает на 10 градусов теплее, чем на острове. В горах люди потеют при 30 градусах; но хотя там воздух бывает сыроват, ночь не приносит облегчения, так как солнце не уходит с горизонта.

На ряду с знакомыми нам по реке Мэкензи москитами, которых достаточно и на острове Флаксмана, мы встречаем здесь довольно богатый мир насекомых. Разнообразие мира насекомых соответствует пышности растительного мира в прериях. Я думаю, что эти пространства в арктике, поросшей густой зеленой травой, лучше всего назвать «прериями». В некоторых местах они уподобляются настоящим лугам. Местами встречаются мхи и лишайники — там, конечно, ни о луге, ни о прерии не может быть речи. Но я все-таки не называю их «тундрой», ибо это обозначение даст читателю представление об известной бесплодности страны. Во многих местах имеются большие равнины, заросшие всевозможными видами цветов. Может быть, их не больше ста разных видов, но количество растущих здесь растений очень велико, а окраска цветов очень яркая.

Мы решили отправиться отсюда в путь через мыс Барроу.

14 июля мы пустились в плаванье на двух лодках на запад. Было прекрасно идти вдоль незнакомого берега

под хорошим попутным ветром при свете северного полуночного солнца. Время от времени мы находили эскимосские стоянки и часто делали прогулки в глубь страны, чтобы поохотиться на гусей и гаг. Северных оленей мы здесь не встречали, и по словам эскимосов в это время их и нельзя встретить на берегу. Весною и ранним летом олени будто приходят к морю, чтобы избежать москитов, но это заблуждение. Нужно пройти хороших 60 километров в глубь страны, чтобы в самое москитное время встретить там карибу во множестве.

Эскимос отправляется на тюленью охоту с „каяком“ на санях.

До самой Кольвильской дельты мы плыли без особенных приключений. Но там один случай опрокинул все наши планы. Сторкерсон прострелил себе по неосторожности ногу, и доктор Гове думал, что раненому нужно вернуться на остров Флаксмана, ибо только там может быть выполнена нужная операция. Гове оставил на острове свои медикаменты и некоторые инструменты, без которых он не мог работать.

Это не меняло по существу плана нашего путешествия, так как к мысу Барроу мы могли потом добраться на китоловном судне.

Никто из нас не пожалел бы об этом случае, если бы не наша забота о Сторкерсоне. Мне же просто повезло, ибо эскимосы рассказывали мне, что в далекие времена, которые уже не запомнят предки старейших людей, на одном из островов Айоны, в нескольких километрах от того места на берегу, где произошел несчастный случай, находился большой эскимосский поселок. Этот остров был несколько больше острова Флаксмана. Я говорю умышленно, что остров Флаксмана был меньше, так как эти острова ежегодно убывают в величине. Повидимому, северный берег Аляски медленно погружается. Когда защищающий ледяной покров растает, что случается почти **каждое** лето, и буря из открытого моря рвется на берег, волны подмывают скалистые берега острова настолько, что береговая линия отодвигается за одно лето более, чем на сто метров. Когда приехали первые китоловы, остров Флаксмана был на 15 километров длиннее; теперь он имеет только половину своих прежних размеров. Океан, как рассказывают эскимосы, поглотил несколько деревень на острове Айоны и вместе с ними пропали всевозможные предметы старинного обихода.

В то время как Сторкерсон и другие насколько возможно быстро будут возвращаться на остров Флаксмана, я с одним эскимосом и одним матросом решили заняться руинами, пока нас не заберет с собой случайное китоловное судно.

Этот остров с остатками древних домов был большой зеленой низменностью, как и остров Флаксмана. Здесь было много пловучего леса, из которого мы около самых руин соорудили уютный лагерь. Половина деревни была уже, видимо, унесена морем. Я нашел на берегу обкатанную резьбу из простой и мамонтовой кости, также орудия

из кости и дерева. Они немногим отличались от предметов обихода, употреблявшихся эскимосами в пору первого приезда к ним белых. План этих ветхих домов был такой же, как современных береговых построек. Деревня вероятно была обитаема двести или триста лет тому назад.

Меня особенно радовало то, что я открыл много интересного для науки; кроме того, я имел возможность поохотиться и вообще мог пожить в этом прекрасном месте. Поэтому я очень был огорчен, когда уже 23 июля на западе появилось первое китоловное судно. Мы быстро свернули наш лагерь, погрузили наше снаряжение и наши драгоценные находки в лодку и направились к судну. Это был пароход «Бельведер», управляемый капитаном Котле, которого сопровождала его жена. Они приняли меня очень гостеприимно.

Я пришел к заключению, что если быть лишенным в течение одного года картофеля и фруктов, то испытываешь по ним такой голод, что одна вареная картошка представляется целым праздником, а яблоко кажется отличнейшим деликатесом. Но если, как было со мной, не употреблять этих яств в течение пяти и больше лет, то не только теряешь желание их иметь, но находишь их гораздо менее приятными, чем раньше. Первоначально я был почти вегетарианцем, но после десяти лет пребывания в полярной области я стал предпочитать стол, в котором овощи и фрукты совершенно отсутствовали, а было только одно мясо.

«Бельведер» пристал к острову Флаксмана, где мы взяли с собой капитана Микельсена, после чего мы ушли дальше, и 27 июля прибыли на остров Гершеля. Это—самая ранняя дата, в какую может успеть притти сюда судно из «внешнего мира».

17. СПЕШНАЯ ПОЕЗДКА ЧЕРЕЗ АРКТИЧЕСКИЕ ГОРЫ

На острове Гершеля мы получили известия, которые меня и капитана Микельсена привели буквально в ярость. Я уже рассказывал, что после моего первого посещения острова Флаксмана, я спешно поехал на остров Гершеля, чтобы поговорить с капитаном Ливитом. К этому времени относится также мое сообщение о том, что эскимосы считали Лефингвеля, Микельсена и Сторкерсона погибшими. Капитан Ливит был того мнения, что с участниками экспедиции ничего плохого не случилось, но большинство офицеров и все эскимосы с острова Гершеля, как и обитатели острова Флаксмана, считали их безусловно погибшими.

Весною, когда много лодок двинулось в форт Макферсон, известие о катастрофе распространилось дальше. Мой друг Гаррисон должен был на пароходе «Риглей» сообщить известие о предполагаемой трагедии на пристани Атабаске, откуда оно около 10 сентября по телеграфу распространилось бы по всему свету.

Что меня больше всего угнетало в этом случае, это то, что вся история распространялась от моего имени. У капитана Микельсена была больная мать, и он опасался, как бы она внезапно не умерла, получив известие о смерти сына. Аналогичное могло произойти и с родственниками Лефингвеля. Микельсен обращался за советом к капитанам китоловных судов и полицейским чиновникам, но все они были того мнения, что тут ничего не поделаешь. Оставалось только поехать на радио-станцию Соединенных Штатов, в Игль-Сити.

До этого случая я вел переговоры с Микельсеном о том, чтобы остаться еще на год и вместе продолжать исследование севера Аляски. И еще больше я возлагал надежд на геологическое обследование вместе с Лефтингвелем Эндикотских гор в южной части острова Флаксмана. Если бы удалось соединить оба плана, я мог бы работать с обоими исследователями. Но так как это оказалось невозможным, мне оставалось лучше организовать уже в будущем году собственную экспедицию. Все мои помыслы были прежде всего направлены к тому, чтобы проникнуть в тайну неизвестного голубоглазого народа, обладающего медным вооружением.

Капитан Микельсен, зная, что у нас с ним ничего не выгорит, просил меня взять на себя почти безнадежную задачу, чтобы приостановить распространение ложного известия. С этой целью надо было спешно переправиться через горы к реке Юкон, в надежде добраться до радиостанции Игль-Сити прежде, чем заработает телеграф на пристани Атабаска. Микельсен говорил, что только я сумею это выполнить, так как имею большой опыт в поездках по континенту, к тому же никто другой не мог сейчас отлучиться, в том числе и он, так как должен был заняться ликвидацией экспедиции на острове Флаксмана.

Я быстро решился сделать эту попытку, так как времени терять нельзя было. Часа через два из гавани острова Гершеля должна была выйти китоловная шлюпка местной полиции. Я присоединился к ней; скоро мы подняли паруса и с попутным ветром отправились на восток.

Полиция считала, что мне следует быть вооруженным, и дала мне револьвер. Считая, что я сделаю все путешествие на лодке или на плоту и не буду иметь времени для

охоты, я оставил свое ружье на острове Гершеля. Оставив плаванье по Мэкензи, мы двинулись пешком, неся поклажу на себе. Каждый из двух индейцев, нанятых мною, Вилльям и Иосиф, несли по 35 кило, я также нес около 18 кило. В десяти километрах от форта Макферсона индейцы уже хотели расположиться лагерем, и когда я запротестовал по этому поводу, они возразили, что при переходе через горы так всегда делается. По их курьезному вычислению выходило, что на этот путь в 130 километров от Мэкензи до «Прекрасной реки», который можно было, повидимому, пройти в четыре дня, в действительности требуется шесть дней. В обычное время меня бы это только рассмешило, но не сейчас, когда мне нужно было спешно обогнать ложное известие. Но я не мог с ними ничего поделать. Индейцы ответили мне просто, что они еще недалеко ушли от дома, и если это мне не подходит, то я могу поискать себе других людей. В конечном счете мне оставалось только примириться с этим. Скоро я успокоился, стал смеяться и шутить с ними. Индейцы дали мне правдоподобное объяснение этой, казавшейся мне несвоевременной остановки; но на другой день я заметил, что они вообще лгали, так как обнаружилось, что они совершенно не знали этого пути.

Когда я мысленно возвращаюсь к этой поездке, она мне кажется одной из интереснейших, но в то время она была очень неприятна.

Ближе к Макферсону, на равнине, нас очень мучили москиты, но в горах они оставили нас в покое. Месяцем раньше это было бы как-раз наоборот: тогда москиты невыносимы в полосе выше линии лесов. Ночью было очень холодно, а днем температура подымалась до 27 градусов тепла. Дорога вела через еловый лес, по поросшим травую

хребтам. Мне пришлось впервые здесь познакомиться с так называемыми «головами негров». Почва повсюду была усеяна маленькими кочками, по величине колебавшимися между апельсином и мужской головой, а иногда и больше. Эти кочки имеют форму грибов, шаткие верхушки которых покрыты растительностью, а в промежутках между ними находятся глубокие трещины. Делаешь попытку перешагнуть с одной кочки на другую, но нога то-и-дело скользит и попадает по колено в тину. Ничего нет утомительнее, как шагать вечером по этим кочкам после целого дня пути с грузом в 30 кило на спине. Я не имел достаточно опыта в ношении тяжестей и не мог преодолеть больше 3 километров с поклажей в 35 кило.

На третий день мы перевалили через горный хребет, который лежит от 600 до 800 метров над уровнем моря, во всяком случае выше линии лесов. Еще лежал старый прошлогодний снег, который, по мнению индейцев, должен был исчезнуть через три недели. Я считаю, что в этой местности горы должны быть выше 2.000 метров, чтобы быть покрытыми вечным снегом.

К вечеру, после перехода через водораздел, мы остановились для отдыха в прекрасной еловой роще и стали обсуждать пункт, где хотели достигнуть «Прекрасной реки». Я сказал индейцам, чтобы они выбрали ближайшее место, где имеются деревья, годные для постройки плота. Только через два дня мы достигли реки.

Несмотря на все наше усердие, мы употребили целый день на постройку плота. Стволы были 6 метров длиною и шириной у основания — 30 см., а у кроны — 10. Чтобы сделать плот легким, следовало сделать его только из сухих деревьев, но их было недостаточно, и нам пришлось наполовину использовать сырой материал. Плот имел

с одной стороны 3 метра ширины, а с другой — 1,8 метра. Со слов Фирса я знал, что порогов на реке мало и что они не опасны, а стало быть, по реке можно плыть и днем и ночью. Поэтому мы посреди плота устроили маленький очаг из камней.

18. ОДИНОКАЯ ПОЕЗДКА НА ПЛОТУ ПО РЕКЕ ПОРКЮПАЙН

На утро 19 августа мои индейцы отправились обратно в Макферсон, а я стал один продолжать поспешную поездку, спускаясь на плоту вниз по течению рек «Прекрасной» и Поркюпайн. Я не имел никакого представления о длительности этой поездки, так как впервые таким образом доверялся течению. По карте и по воздушной линии это расстояние не казалось огромным. Река «Прекрасная» течет по извилистой долине, так что длина ее русла удваивается.

В обычное время я наслаждался бы живописностью этого потока, но сейчас я слишком торопился. Ложная весть, которую я спешил опередить, могла уже достигнуть Невольничьей реки и если я хотел быть первым, то должен был во что бы то ни стало добраться до телеграфной конторы до 1 сентября.

Быстрота течения менялась от одного до пяти километров в час. В течение суток я бы сделал около 60 километров, что по прямой линии равняется не больше 30 километров. Со слов Фирса я знал, что Рэмпертхоуз, который являлся моей ближайшей целью, расположен не дальше как в пятистах километрах. Там я мог нанять индейцев, чтобы остальные 300 километров до Юкона быстрее проехать на лодке. Не исключалась и возможность

встречи с рыбаками или охотящимися индейцами. Я должен был зорко следить, чтобы не прозевать береговой дымок, на котором индейцы обыкновенно вялят мясо убитого лося. Мои индейские носильщики предупредили меня относительно нескольких опасных порогов. На каждом повороте реки я с одной стороны высматривал появление дыма, с другой—угрожавшие мне пороги; эти наблюдения прекрасно заполнили мое время. При замедленном течении езда становилась неприятной, несмотря на возможность изучать ландшафт.

Надо отметить, что здесь, в 150 километрах к северу от полярного круга, ландшафт, окружавший меня, почти не отличался от ландшафта в окрестностях Атабаски, расположенной в 1.500 километров далее к югу. Горы, появлявшиеся время от времени на моем горизонте, не превышали 3.000 метров.

Езда вниз по течению была однообразна, но все-таки каждый день приносил мне что-нибудь новое. Однажды, огибая излучину реки, я увидел на берегу лося. Я сидел неподвижно на плоту, и только, когда расстояние между нами было около 200 метров, животное взглянуло на меня. Вначале оно приняло меня и мой плот за полдюжину плывущих вниз по реке стволов, но внезапно что-то привлекло внимание лося. Лось прыгал в воду и поплыл ко мне, но на расстоянии трех метров от меня он почувствовал опасность, внезапно повернул и поплыл к берегу, где он еще раз оглянулся на меня и исчез в лесу.

Я не делал попытки застрелить лося, так как имел еще достаточно сала и муки. Я мог бы легко убивать рыб, которые выскакивали из воды вокруг меня. Когда стреляют в рыбу, то не обязательно целиться в нее, удар выстрела по воде зачастую оглушает ее.

Когда человек всецело поглощен одной идеей, он не всегда может доверять своим глазам. Почти на каждом повороте реки мне мерещился в голубой дали подымавшийся вверх дымок индейского костра, который исчезал по мере моего приближения. Но если он не исчезал, я причаливал к берегу, удалялся на целый километр в глубь страны и подымался на холм. Последние часто были покрыты деревьями; взобравшись на одно из них, я мог обозревать окрестность.

В одном месте дым оказался реальностью, подымаясь многочисленными клубами между деревьями. Я был уверен, что попал на след людей и три раза разрядил свой револьвер. Никакого ответа не последовало. Это было тем более странно, что быстро следующие один за другим несколько выстрелов здесь, у индейцев, считаются общепринятым сигналом. Но так как в наличии дыма сомневаться было нельзя, то я углубился дальше и открыл, что причиной дыма был горящий на равнине торф. Два месяца тому назад здесь была стоянка индейцев, которые, уходя, не потушили своих костров; огонь распространился вокруг на несколько гектаров. Благодаря частым дождям огонь не подымался ярким пламенем. Около трех часов дня ежедневно шел ливень, сменявшийся через несколько часов ясной погодой. Меня этот дождь ежедневно мочил насквозь, но лес, конечно, благодаря ему спасался от уничтожения. При сухой погоде и сильном ветре вспыхнул бы один из тех лесных пожаров, которые на севере часто уничтожают тысячи квадратных километров леса.

В этих местах со мной произошел необычайный случай. На обратном пути я обнаружил несомненные признаки одной из многочисленных трагедий севера, обычно

покрытых мраком неизвестности. Повидимому, история эта разыгралась на исторической почве так называемой золотой лихорадки.

В истории северных золотых россыпей 1898 год играет такую же роль, как 1849 в истории золотых дней Калифорнии. В 1897 году газеты распространили известие о сказочных богатствах Клондайкского участка долины Юкона в Канаде. Очень скоро туда были найдены четыре пути. По одному из них, ведущему от Макферсона через горы, я и направился, так как не имел лодки. Так, видимо, в 1898 г. шли и золотоискатели.

Люди, которые, спускаясь по Мэкензи, сотнями приходили в Макферсон, были разных народностей и классов. Некоторые из них, на основании своего прежнего опыта, были хорошо подготовлены к жизни на севере. Другие, хорошо испытанные рудокопы, прибывшие из Австралии и Южной Африки, были совершенно не подготовлены к путешествию по северу. Третьи оставили свои фермы в Иллинойсе или лавки в Англии. Большая часть этой массы золотоискателей была совершенно не пригодна к жизни в этой стране. Многие утонули или покончили с собой, другие погибли от голода или цынги.

В те времена нельзя было никого порицать за неумение бороться с цынгой. Врачи тогда были убеждены, что цынгу можно побороть лимонным соком, овощами и фруктами. Теперь же мы знаем, что цынгу надо лечить недожаренным мясом, сырой картошкой и апельсинами. Мы знаем, что лучшим средством от нее являются сырые овощи, фрукты и мясо, но только не вареные. Золотоискатели в своем неведении ели бобы, сало и все то, что имели с собой. Если кому-нибудь посчастливилось убить дичь, то он мясо долго вываривал и этим лишал его

целебной силы. Заболевая, они употребляли еловые ветки, но ели их не сырыми, как салат, а часами варили и пили в виде чая (еловый чай). Этот напиток не имел однако никакого целебного действия, и люди умирали тысячами от цынги.

Возвращаясь с торфяного пожарища, я наткнулся на следы одной из таких трагедий. На моем пути стояла полузаконченная деревянная хижина, в которой не были еще прорезаны окна, и крыша, состоявшая из жердей, была только отчасти сделана. Внутри лежала истлевшая оублия, заржавленный чайник, тяжелое ружье, покрытое серебряными украшениями, совершенно сгнившая шуба и другие предметы.

Ружье я хотел взять с собой, но не мог этого сделать, так как, потеряв всякое терпение со своим плотом, решил покинуть плот и пойти к индейцам пешком вдоль реки. А в таком случае ружье было бы для меня тяжелым грузом.

Эту ночь после открытия покинутой хижины я провел по обыкновению на плывущем плоту. Середина лета уже миновала, к тому же я продвигался к югу, и ночь продолжалась не больше трех часов. Постоянная настороженность не давала мне крепко уснуть. В эту ночь я внезапно был разбужен каким-то шумом, который я вначале принял за шум листьев. Проснувшись, я спокойно лежал и смотрел на звезды, как вдруг меня осенила мысль, что это не может быть шумом листьев, ибо кругом только хвойный лес.

Этот шум, значит, мог исходить от речного порога или водопада. В темноте я не мог отчетливо видеть окружающее, но река, очевидно, была здесь особенно широка. И если я предоставлю плот самому себе, то он будет унесен

сильным течением. В течение получаса я сидел неподвижно посредине плота, а шум порогов все нарастал. Если шум был даже не столь силен, то он все же был достаточен, чтобы я себя чувствовал очень встревоженным.

Недалеко от порогов плот настолько близко подошел к берегу, что я ясно видел деревья, мчавшиеся мимо меня. Плот начал наткаться на небольшие встречные скалы; толчки становились чаще, и я напряженно следил за тем, как долго выдержит канат, связывающий стволы моего плота. Вдруг мое суденышко врезалось во что-то своим узким концом и, сделав полуоборот, широким концом очутилось в потоке. Наткнувшись снова на несколько скал, плот остановился, и верхний конец его поднялся, точно он собирался перекувырнуться. Тогда я перенес весь свой груз, включая и камни очага, на поднявшийся конец, чем привел плот в равновесие, и он снова поплыл. Скоро, после десятка толчков, я плыл уже по спокойному течению.

Можно было ожидать, что за этими порогами последуют другие, а ездить впотьмах по незнакомым порогам совсем не шутка. Я решил при помощи шеста пристать к берегу, заночевать и дождаться утра. Отныне я плыл только 18 часов в сутки, пока было светло.

День спустя я занес в свой дневник: «Родина никогда не казалась мне более далекой, чем во время этого бестолкового существования на капризном, скучном плоту, несущемся вниз по адскому потоку». Скоро мое терпение лопнуло, я пристал к берегу, взвалил на спину 15 килограммов съестных припасов и необходимых вещей и пошел бродить.

Но если езда на плоту имеет свои неудобства, то при пешем хождении их не меньше. Речной берег был усеян

острыми осколками скал, которые ранили мне ноги. К тому же моя одежда и обувь были в плохом состоянии. Эскимосские сапоги из тюленьей кожи следует носить только два дня подряд, затем их надо снять и основательно просушить. При таком бережном отношении они могут прослужить пять месяцев, в противном случае они изнашиваются в несколько дней. При переходе через горы я каждый вечер снимал свои сапоги и хорошо их просушивал, но на плоту было холодно спать, и я потому их не снимал. Скоро выяснилось, что они порваны, и что я недолго сумею их носить.

Не только сапоги вынудили меня вернуться; скоро я наткнулся на приток реки, который я не мог перейти вброд, а также и переплыть из-за его бурного течения. Имея топор, я мог бы построить новый плот, но я предпочел вернуться к своему старому суденышку. Дорога до притока и обратно так изранила мои ноги, что я скоро примирился со своим старым плотом.

Мой интерес к поездке по потоку возрос вследствие моего незнания страны. Спешные сборы в дорогу помешали мне запастись картой на острове Гершеля, а в Макферсоне я таковой не нашел. Много из того, что мне рассказывал Фирс об этой реке, я успел уже позабыть.

Я был поражен, увидав, что река Поркюпайн такая же большая, как «Прекрасная», впадает слева, тогда как я предполагал, что она должна была впадать справа. Без сомнения эта река была Поркюпайн, о которой я знал, что она одна по величине равняется «Прекрасной реке».

Для управления плотом обыкновенно употребляется шест. Мой шест, которым я только измерял глубину дна, был длиною свыше четырех метров. Местами река была

глубже четырех метров, так что в половодье на ней могли плавать лодки с осадкой в метр глубины.

Иногда мне встречались признаки старых индейских стоянок или только следы бывших очагов и столбы, к которым прикреплялись сети, а также шарообразные остовы вигвамов.

Недалеко от места слияния «Прекрасной реки» и Поркюпайн я наткнулся на деревню, где рядом с островами оставленных шалашей стоял на сваях амбар. Осмотревшись, я нашел некоторые предметы индейского обихода и рядом с этим хорошую порцию лосиного мяса. Так как мои припасы были уже на исходе, я взял для себя несколько фунтов мяса, положив взамен, как выкуп, шелковый носовой платок. Последними я запасся, как меновыми знаками.

Мой плот со дня на день все глубже погружался в воду. Стволы его отчасти сгнили и набухли от воды. Уже мне пришлось выбросить камни очага, чтобы уменьшить тяжесть груза. Однажды, когда вода хлынула через плот, мне пришлось собрать охапку сухого ивняка, устроить на плоту нечто в роде гнезда, где я мог сидеть и спать. В конце концов из воды торчало только мое гнездо и несколько верхушек от стволов.

Пищу я теперь готовил себе на берегу. На первой же остановке я должен был оставить пачку чаю, весом в кило, которую хотел использовать как средство обмена при сношениях с индейцами.

К вечеру 26 августа я добрался в сумерках до покинутой жителями деревни. Во многих хижинах оставались предметы обихода, и некоторые двери стояли открытыми, как-будто ожидая возвращения хозяев. Так как шел дождь и я промок до мозга костей, то очень обрадовался

возможности заночевать под крышей, хотя убедился, что все дома в деревне были необитаемы.

Я уже упоминал о том, что после известного приключения на порогах, я в течение 6 ночных часов спал на берегу, но смешно сказать спал, когда лежишь всю холодную ночь в насквозь промокшем платье. После ночи, проведенной в покинутой деревне, я на рассвете зажег большой костер, единственно с целью согреться. Но тут меня внезапно поразил человеческий голос, раздавшийся за моей спиной. Оглянувшись, я увидел индейца, идущего с реки, где остался вытащенный на берег челнок «кану».

Я вообще был рад увидеть наконец человека, но тем сильнее была моя радость, что в идущем я узнал старого индейца, которого знал в прошлом году в форте Макферсон. Он говорил довольно хорошо по-английски и скоро познакомил меня с положением вещей.

Дом, в котором я ночевал, принадлежал этому моему знакомому. С наступлением зимы, когда река замерзнет, он собирался вернуться в него со своей семьей. В настоящее время их лагерь находился на расстоянии меньше километра ниже изгиба реки. Если б я вчера остался на плоту, то через несколько минут мог бы увидеть их лагерные огни и заночевать у них с большими удобствами. Теперь мы вместе отправились туда. Индейский челнок «кану» так мал, что два человека не могут в нем поместиться.

Поэтому я опять вернулся к своему плоту и с помощью шеста направил его к поселку индейцев. Благодаря радушному приему, оказанному мне, я скоро забыл о неудобствах прошлой ночи.

Близ деревни стояли маленькие челноки «кану», сделанные из березовой коры. Доказательством тесной связи

между этими индейцами и северными эскимосами могут служить эти маленькие «кану», которые напоминают по своей величине и форме эскимосские «каяки». И те и другие пригодны лишь для одного человека, только «кану» делают с открытым верхом.

Среди стоявших «кану» один оказался почти достаточным для двух, и я спросил моего друга, не отвезет ли он меня в нем в Рэмпэртхоуз. Вначале он отклонил мое предложение, и мы стали обсуждать возможность поехать мне одному в лодке. Но против этого высказались остальные жители деревни. Они хотели сперва построить мне большой плот, так как мое суденышко не могло одолеть порогов. Затем мы опять вернулись к мысли об использовании большого «кану». Так как его борт на пять сантиметров возвышается над водой, то при спокойном течении этого вполне достаточно. Но у порогов, где вода течет быстро, я должен был бы сойти на берег, а миновав их, мой друг снова забрал бы меня в «кану».

Я рассказал индейцам о виденной мною деревянной хижине в лесу, но они ничего о ней не знали. Гораздо больше их заинтересовало мое сообщение о том, что я во время завтрака на берегу оставил немного чая. Хотя это был хороший конец, километров в 65, они быстро снарядили человека за оставленным мною чаем и шелковым платком.

В сравнении с моей скучной поездкой на плоту это путешествие в челноке от устья реки Ольдкроу было стремительно быстрым. Оказалось, что в таком челноке можно так же безопасно проезжать через пороги, если только не перегружать его. Время от времени челнок натывался на скалы и давал течь. Едва не утонув, мы выходили на берег, возились часа три, разводя огонь,

растопливая еловую смолу и заклепывая образовавшуюся дыру в челноке.

Через два дня мы прибыли в Рэмпэртхоуз. В нескольких километрах от этого торгового пункта мы остановились у одного белого по имени Арчи Линклетер, жившего здесь со своей женой-индианкой и детьми. Он же доставил меня на своем плоту в Рэмпэртхоуз. Здесь меня дружески встретил торговец Даниил Кадцов, единственный белый в этом пункте. Я бы охотно погостил у него, но уже было 30 августа, и Гаррисон мог дня через два прибыть в Атабаску, чтобы оттуда распространить по свету ложное известие. Я хотел нанять индейцев, но Кадцов указал мне на Линклетера, который скорее любого индейца мог доставить меня в форт Юкон. Последний выразил свою готовность поехать, и через несколько часов я и вся семья Линклетера отправились на плоскодонке.

Я не встречал еще человека, умеющего так работать, как Линклетер. Это был детина чуть ли не двух метров ростом, крепкого сложения и привыкший к самой тяжелой работе. Не будучи моряком, он мог неустойчиво грести по 16 часов в день.

Течение было медленное, и поэтому мы прибыли в форт Юкон только к вечеру 3 сентября. Большая поспешность была бы бесполезна, так как на телеграфную станцию в Игль-Сити можно было попасть только на пароходе «Анна», который отправлялся в полдень 4 сентября.

Пароход был перегружен главным образом большим количеством мешков овса и потому сидел в воде глубже обыкновенного. А между тем река здесь сильно мелела и возникал вопрос, сумеет ли «Анна» пройти те мелкие места Юкона, где река вместо трех километров разливается на двенадцать и извивается между многими низкими

островками. Тут оставалось только снимать с парохода на время часть груза в особенно мелких местах.

На борту находилось около сотни рабочих, возвращавшихся в Ситтль после работы на золотых россыпях в Аляске. Капитан предлагал им по доллару в час за помощь при разгрузке овса, но людям, очевидно, оплачена была дорога до Ситтль, включая довольствие. Они не были заинтересованы в том, чтобы ускорить поездку, и были утомлены своей прежней работой; кроме того, они были рудокопами, а не грузчиками.

Я и все пассажиры, случайно находившиеся на пароходе, которым надо было поскорее попасть в Даусон, помогали команде в течение двенадцати часов выгружать мешки с овсом.

Несмотря на разгрузку судна, мы двинулись дальше и потратили на все это 15 часов. Вот почему вместо 5 сентября мы приехали в Игль-Сити лишь 7 сентября. Таким образом посланная мною телеграмма попала в газеты с опозданием на 36 часов. При известных обстоятельствах я мог бы выиграть состязание, так как если бы пароход не опоздал, я приехал бы вовремя. Мое известие, следовательно, не предупреждало тех ужасов о новой полярной трагедии, которые уже распространяли газеты, описывавшие героизм погибших и бесполезность таких сумасбродных приключений. Некоторые из родственников этих мнимо умерших были настолько благоразумны, что сразу не поверили этому печальному известию, другие, наоборот, скорбели о своей потере. Но так или иначе, сомнение длилось только 36 часов. Конечно, не проделай я своей торопливой поездки через горы, истина была бы восстановлена на два месяца позже, когда китоловные суда привезли бы уже в Номэ остальных участников экспедиции.

19. ПЕРЕЖИВАНИЯ НА ОХОТЕ

Я учусь охотиться на карибу (дикого северного оленя)

С самого детства я занимался всеми видами охоты на зверей, начиная с кроликов и кончая волками и антилопами, и на птиц от луговых тетеревов до лебедей и аистов. Отправляясь на север, я считал себя хорошим охотником, но скоро в этом разуверился. Полагают вообще, что белый не может быть хорошим охотником, особенно это мнение было распространено на далеком севере. Они не только не убивают зверя, но часто сбиваются с дороги и при этом замерзают или погибают от голода. Эскимосы единодушно придерживались этого мнения. Белые стреляют очень метко в неподвижную мишень, но когда их охватывает охотничья страсть, они могут промахнуться, стреляя даже в северного оленя или другую крупную дичь. Эскимосы относились к белым, как к милым взрослым детям, за которыми всячески приходится ухаживать.

Первый год, прожитый мною среди эскимосов, я провел преимущественно за рыбной ловлей. Мое умение рыбачить их не удивляло; по их мнению, белые умеют обращаться с сетью и гарпуном при ловле сельдей или китов, но тюленей они бить не умеют, для этого нужно быть охотником.

Осенью 1908 г., на втором году моего пребывания на севере, я тоже был того мнения, что белые—не охотники. В сентябре я предпринял со Сторкером-Сторкерсоном, моим неразлучным полярным спутником на протяжении почти 9 лет, путешествие на санях на восток, по северному берегу Аляски.

Нас сопровождали эскимосы Куналюак и мой старый друг Илавинирк со своей женой Мамаюк и маленькой дочкой. Илавинирк был большим почитателем белых. В общем эскимосы думают, что белые богаты и счастливы, но в повседневной жизни неловки и неопытны. Илавинирк придерживался противоположного мнения. Рассказы Куналюака об охотничьих приключениях моряков заставляли нас хохотать. Но все-таки Илавинирк полагал, что некоторые белые являются исключением из общего правила.

Чтобы не дать Куналюаку сбить меня с толку, Илавинирк давал мне подробные советы относительно охоты на северных оленей.

Однажды, когда Куналюак шел во главе нашего каравана, направлявшегося к востоку от реки Кольвиль, он внезапно остановился. Его опытный глаз заметил девять штук карибу, среди которых был один самец с ветвистыми рогами. Для нас было очень важно убить этих животных, не ради их мяса, а ради шкур; мы нуждались в теплой одежде.

Илавинирк предложил мне участвовать в охоте, но этому воспротивился Куналюак, так как боялся, что я испорчу охоту. Однако из любезности, свойственной эскимосам, он уступил. Мамаюк указала на то, что нам нужны шкуры молодых оленей на изготовление нижней одежды, и в то же время желательно иметь и грубую шкуру самца для подошв нашей зимней обуви. Убить этого самца Илавинирк поручил мне. Если мне повезет, это доставит ему большое удовольствие и окончательно разобьет мнение Куналюака, который утверждал, что белые расходуют на оленей сотни выстрелов, но попадают лишь тогда, когда эти животные стоят густым стадом.

С возвышения, на котором мы находились, животные были хорошо нам видны, только освещение становилось для охоты недостаточным. Восемь животных бежали рядом, а самец трусил на некотором расстоянии от них. Куналюак должен был стрелять справа, Илавинирк — слева. Двадцать эскимосских выстрелов уложили шесть штук — двое спаслось. Среди добычи лежал и самец, что очень удивило Куналюака, пока не выяснилось, что удачный выстрел принадлежал мне. Однако он оставался при своем и считал мою удачу только случайной.

Неделю спустя мне удалось совершенно самостоятельно уложить карибу. Мы расположились лагерем на берегу. Стояла прекрасная погода, и вся окрестность была, как на ладони. Я не мог настигнуть нескольких северных оленей, ибо чуткие животные почти за версту слышали мои шаги и спаслись бегством. Возвращаясь назад к берегу, я заметил на расстоянии трех километров движущееся на снегу пятно—это был крупный самец-карибу. Со всех ног я бросился ему наперерез и так запыхался, что с минуту оставался совершенно без дыхания. Покажись он сейчас, я наверное сделал бы промах, но животное несколько задержалось, и я увидел его снова в 200 метрах от себя, когда успел оправиться. Великолепное животное пало от первого выстрела.

С этих пор я шел всегда на охоту за свой страх и риск. Обыкновенно я был руководителем экспедиции и имел, как таковой, право выбора. А так как охота была мне приятнее, чем строительство в лагере или присмотр за собаками, то я большею частью выбирал охоту. Я еще потому это делал, что стал испытанным охотником, благодаря имевшейся у меня практике. Таким я и считался, когда из четырех оленей убивал трех; так же случалось с тюленями

Карибу — северо-американский олень.

и белыми медведями. Вот почему я не проявлял никогда нерешительности, когда предстояло отправиться на сотни и тысячи километров в глубь полярных стран, всецело надеясь на охоту, как на источник пропитания. Во всех рассказах о путешественниках, погибших от голода, лежит в основе или какой-нибудь особенный случай, или отсутствие желания испытать свое счастье на охоте, или отсутствие способности уложить дичь и воспользоваться его мясом.

Существует весьма распространенное заблуждение, что карибу труднее убивать в местностях, заселенных охотниками, чем в области, где охота еще не имела места. Такого различия не бывает, а причина этого заблуждения весьма ясна. У северного оленя есть один большой враг— это волк. В прериях северной Канады и на лежащих на севере островах встречаются много миллионов северных оленей, приблизительно от 10—30 миллионов. Ежегодно рождается от 2—6 миллионов телят, а между тем число убитых людьми животных едва превышает один миллион. Итак, карибу могли бы гигантски размножаться, если бы не было волков, которые истребляют их в значительно большем количестве, чем индейцы, эскимосы и белые вместе. Там, где водятся северные олени, живут и волки, и олень находится в постоянном страхе перед ними, совершенно независимо от того, заселена ли местность или нет.

Земля Исахсена, лежащая на 79° широты и 103° западной долготы, принадлежит к группе мало известных островов северного полушария. Ни один эскимос наверно не видал этого острова, только один человек, Исахсен, посетил его в 1901 г. во время одной поспешной поездки на санях, которая длилась едва ли одну неделю. Он нашел там следы северных оленей, но не предпринял охоты на

этих животных. В 1916 г. этот остров посетила моя экспедиция на санях, но карибу мы там не встретили.

Во время моего второго посещения в 1917 году мы пережили там исключительно опасное приключение. Мы были в 800 километров от ближайших эскимосов. В более чем 150 километрах расстоянии от земли Исахсена серьезно заболели двое из моих трех попутчиков. С большим трудом мы достигли земли. Собаки были совершенно истощены, как скелеты. Я был озабочен поддержанием их жизни, но еще больше меня беспокоила болезнь моих товарищей. Однако восьмилетний опыт подбадривал меня, я был твердо уверен, что в Арктике на твердой земле существовать можно и что ни человек, ни животное не могут здесь погибнуть от голода.

Первый день на земле Исахсена не внушал нам никаких надежд. Я сделал 30 километров по этой стране и должен сказать, что нигде на далеком севере не встречал такого отсутствия растительности, как здесь. Легкий снежный покров не обнаруживал никаких следов жизни. Казалось, что мы попали в бесплодную местность, как обыкновенно представляют себе люди полярные страны. Но я должен был во что бы то ни стало убить какое-нибудь животное, я должен был добыть достаточно мяса для больных товарищей, чтобы они могли в несколько недель основательно окрепнуть.

На другой день мои спутники направились по береговой линии, в то время как я пошел в глубь страны. Скоро я обнаружил следы северных оленей. Если их бывает более десятка, то всегда трудно установить их число, так как олени ступают по следам идущих впереди. Животные бежали довольно спокойно, останавливаясь то тут, то там для еды. За целый день они могли сделать, вероятно,

километров шесть. Но могло случиться, что откуда-нибудь выскочит волк, который обратит их в бегство и загонит километров на 80 вперед.

Спускаясь с одной возвышенности, я потерял стадо из виду; вероятно, оно расположилось на отдых. Я стал медленно зигзагами пробираться к нему и наконец увидел все стадо лежащим на плоском месте, но слишком далеко даже для удачного выстрела. Я был очень осторожен, ибо должен был во что бы то ни стало достать достаточное количество мяса для тринадцати голодных собак и двух больных моих спутников.

Блеск солнца на снегу слепил мои глаза, и я потерял свою уверенность. Я устроился на одном холмике, чтобы уснуть, не для того однако, чтобы лучше провести время, но для того, чтобы дать отдых своим глазам. Я не боялся крепко уснуть, ибо 30 градусов холода — это температура, при которой долго не проспишь. Как только я уснул, температура моего тела понизилась, и мне стало как холодно, что я скоро проснулся.

Через полчаса я был на ногах, но густой туман закрыл все кругом. Я не имел представления, где были олени, и должен был терпеливо выжидать, пока туман не рассеялся. Это длилось еще около двух часов. Животные ушли, и я должен был начать сызнава выслеживать их. Скоро я их нашел опять и стал к ним приближаться.

Но вот снова спустилась густая пелена тумана, а я уже был в 200 метрах от них; очертания животных все еще мерцали сквозь туман. Я сосчитал 21 животное, что могло хватить для пропитания моих спутников и собак на целых три недели. Через час все стадо было перед моими глазами. Я должен здесь сказать несколько слов об одной особенности карибу, с которой очень важно считаться на охоте.

Зимою почва всех холодных стран покрывается трещинами от мороза. Эти трещины при своем образовании издают треск, похожий на выстрел из ружья. Подобные трещины образуются также на небольших озерах. К этому громкому шуму северные олени относятся доверчиво, и аналогичный треск ружья их тоже не пугает, а так как мы употребляли бездымный порох, то олени не видят даже, откуда исходит выстрел. Только свист выстрелов и удар заряда о землю — им незнаком. Инстинктивно все животные убегают от источника испугавшего их шума в середину стада. Отсюда ясно, что вначале надо убить самое дальнее животное. Когда стадо оленей расположено не на выстрел, тогда я стараюсь стрелять в них, взобравшись на холм, чтобы шумом выстрела пригнать их к себе.

На этот раз животное, находящееся на расстоянии 300 метров от меня, пало от выстрела так внезапно, что стадо даже не почувало опасности. Вслед за первым пало и второе, и все олени, убегая, приблизились несколько ко мне. По одиночке я настрелял их множество и мог бы, без особого труда, уложить всех, если бы вдруг не помешали моей охоте.

В то время как два моих больных товарища оставались в лагере на берегу, третий, здоровый эскимос, ушел на охоту. К счастью, он прекратил свою стрельбу в тот момент, когда увидел меня. Северные олени, увидя среди белого безбрежного ландшафта одно черное пятно, могут и не испугаться его, но когда этих пятен окажется уже два и оба они при этом приближаются или удаляются, тогда олени чуют опасность и стремительно убегают. Именно по этой причине я всегда предпочитаю ходить на охоту в одиночестве. Два охотника должны охотиться

в противоположных направлениях, тогда они могут также рассчитывать на добычу вдвойне.

Мы старались во время наших путешествий убивать лишь столько дичи, сколько нам требовалось; на этот же раз нам нужны были все животные, которых, как я уже сказал, было двадцать одно. Вместе с эскимосом я спустился на лед, наполнив дорожный мешок оленьими языками.

Из этого деликатесса был приготовлен для больных вкуснейший обед, какого они уже давно не имели. Собакам пришлось еще долго дожидаться еды, пока мы перенесли наш лагерь на то место, где я убил оленей. Усталые, похуdevшие собаки были сильно возбуждены, чуя запах свежееубитой дичи.

В нашем импровизированном госпитале больные в ближайшие две недели стали быстро поправляться; мало таких госпиталей, которые могут похвастаться подобным успехом. Три недели спустя наши собаки опять стали жирными, а люди совершенно здоровыми.

Как я бью тюленей

Некоторые эскимосы живут исключительно охотой на тюленей. Временами мне приходилось делать то же самое. Тюлень — наиболее полезное животное. Он доставляет все необходимое для жизни на севере.

Эскимосы питаются его мясом и салом и чувствуют себя при этом совершенно здоровыми, многие из них доживают до глубокой старости. Вначале мясо тюленя многим не нравится, но потом к нему постепенно привыкают. Тюлень дает также горючее вещество. Многие тысячи эскимосов не имеют всю зиму ничего другого, кроме

тюленьего жира для освещения своего жилья. Для этого приспособливают каменные лампы, которые при бережном отношении не коптят.

Кроме пищи и горючего вещества, тюлень доставляет также одежду. Летом эскимосы носят непромокаемые сапоги из тюленьей кожи, а зимою — сапоги из кожи карибу с подошвами из тюленьей. Из нее шьют еще дождевые плащи, а также перчатки, употребляемые при выделке сетей. Нижнюю одежду и женские юбки делают из тюленьей кожи лишь в тех случаях, когда имеется мало северных оленей.

В настоящее время, когда китоловы и торговцы далеко проникли во владения эскимосов, последние стали употреблять в Гренландии, Смисзунде и на Аляске палатки из полотна и лишь небольшие группы, которые еще не завязали сношений с белыми, делают свои палатки из тюленьей или оленьей кожи. Тюленьи кожи идут еще для изготовления лодок; из мелких делаются «каяки», из крупных — «умияки».

Я охотно путешествую вместе с эскимосами, но никогда не хотел бы всецело зависеть от них. Беспомощность всегда неприятна. Но для завоевания независимости нет ничего важнее, как умение охотиться на тюленей.

Практика—здесь самый лучший учитель, хотя учение дается чертовски медленно и нелегко. Я попросил эскимосов рассказать мне об охоте на тюленей. Они сделали это очень добросовестно, но слишком расписали ее. Вообще эскимосы—милые, вежливые люди, но очень суеверные, и половину того, что они рассказали мне о тюленьей охоте, надо отнести за счет их суеверий. Охота на тюленей гораздо проще, чем можно ожидать по их рассказам. Поэтому я лучше сам расскажу, как я на них охотился.

Во время моей первой экспедиции (1906—7 гг.) я попал в рыбный район, где ни разу не видел ни северного оленя, ни тюленя. Мою вторую экспедицию (1908—12 гг.) я провел в местности, где изобиловали карибу, и питался главным образом ими. Мои спутники воспитались на оленьей охоте, и лишь один из них, Наткусяк, в молодости занимался охотой на тюленей. Судя по его рассказам, я считал возможным предпринять такую охоту. Но только лишь в мае 1912 г. мне довелось попасть на эту охоту, когда мы с Наткусяком заканчивали длинное путешествие в 1.500 километров по льду. Мы надеялись существовать преимущественно тюленьей охотой. К тому же это время года было самым подходящим для охоты на этих животных.

Вследствие поранения пальца мой спутник не мог пойти на охоту, и я должен был отправиться один, так как мы хотели добраться до мыса Барроу по льду до наступления тепла.

Я хорошо усвоил теорию и чувствовал себя в состоянии уложить первого встречного тюленя.

Основная задача была довольно проста. Предположив, что при встрече с тюленем надо медленно приближаться к нему ползком по льду и вообще подражать его движениям, я должен был изучить его линию поведения. Поведение его довольно просто. Сила зрения тюленя не велика и по ровному месту не превышает 400 метров. Увидав лежащего перед нами на льду тюленя, мы устроили свой лагерь недалеко от него. Я хорошо разглядел животное в подзорную трубу.

Еще раньше мне случалось наблюдать сон тюленей, и я заметил, что они засыпают на 35 секунд, и потом около 5 секунд бодрствуют. Краткость их сна не должна

никого удивлять. Если бы они спали столько минут, сколько они спят секунд, то тюлени давно перевелись бы: они были бы съедены белыми медведями.

Последние являются главным врагом тюленя. Белый медведь — очень ловкий охотник и мало замечен на льду. Поэтому тюленю, чтобы спасти свою жизнь, приходится

Потрошение туши большого бородатого тюленя.

постоянно бодрствовать. После короткого сна тюлень подымает голову на 45 сантиметров и внимательно исследует окрестность, потом снова дремлет.

Наблюдая тюленя в полевой бинокль, я видел, что он едва ли на одну минуту оставался в полном покое. Время от времени он чесал себе бока одним из передних лап. Передние лапы тюленя короткие и неудобные, а задние — длинные и подвижные; ими он может свободно чесать

с себе бедра. Если я хотел изображать тюленя, то мне надо было также извиваться и почесываться, как он.

Покончив с изучением животного, я перешел к охоте на него. Так как тюлень видит не дальше 500 метров, то я начал осторожно к нему приближаться. Некоторые полагают, что белая одежда более подходит для этой охоты. В действительности же это как-раз наоборот, ибо тюлень живет в постоянном страхе перед белым медведем. Все белое кажется ему особенно подозрительным, и он моментально исчезает в своей проруби. Тюлени — серого цвета, а по выходе из воды их скользкие тела кажутся черными. Поэтому охотнику лучше всего одеться в серое или черное платье.

На расстоянии больше 300 метров от зверя можно не соблюдать никакой особенной осторожности. Пока тюлень спит, вы начинаете тихонько ползти на четвереньках, а при его пробуждении ложитесь на землю плашмя и лежите неподвижно. Но, перейдя границу в триста метров, надо уже быть на чеку. Я подполз к тюленю на 160 метров, когда он вдруг заметил меня. Он быстро выпрямился, поднял голову выше обычного и подполз немного ближе к проруби, чтобы легче было нырнуть. Со своей верной, как он думал, позиции он наблюдал меня, но не заметил во мне ничего подозрительного. Оставаясь я несколько минут неподвижным, он обеспокоился бы и сейчас же исчез бы в дыре, так как ни один тюлень не остается долго без движения. Но я через полминуты начал притворяться тюленем. Я поднял голову на полметра над льдом, осмотрелся кругом и пополз по-тюленьи дальше; затем слова опустил голову. Потом я начал игру снова, подгибая колени к туловищу, как делает тюлень, когда почесывается задними лапами.

После 15 минут такой возни я убедил тюленя, что мы с ним — товарищи. Остальное было уже не трудно, и я уже не должен был упустить зверя, зайдя так далеко. На расстоянии 5 метров тюлень не отличает человека от своего собрата по внешнему виду, но хорошо знает разницу их движений, и надо быть очень изощренным, чтобы тюлень не заметил обмана. Я полагаю, что зверь этот подвержен самовнушению. Он воображает, что вы — тюлень, и остается при этом убеждении.

Эскимосы иногда подползают на пять метров к тюленю и тогда бросают в него гарпун; а я знавал и таких, которые хватали тюленя одной рукой за ласт, а другой убивали его. Я обычно подползал к тюленю на 50 метров, ждал, пока он подымет голову, тогда прицеливался в нее внимательно и стрелял. Затем я бросал ружье и бежал к нему со всех ног, чтобы схватить, так как он лежал на скользком склоне недалеко от проруби. Я ловил его за ласт как-раз в тот момент, когда он начинал скользить в воду. Если тюлень, живой или мертвый, попадает в воду, то он для вас уже все равно потерян. Стрелять в него на расстоянии больше 50 метров тоже не рекомендуется, ибо если вы не попадете ему прямо в голову или в позвоночник у самой головы, то тюлень спасется в проруби.

Я говорю о проруби, не дав до сих пор ее описания. Я это сделаю при описании «маутокского» способа охоты, который я изучил в 1910 г., попав в залив Коронации к эскимосам, употреблявшим медное оружие. У западных эскимосов этот способ предан забвению, и они охотятся по вышеописанному мною «ауктокскому» способу.

Обширная ровная поверхность зимних льдов на северном побережье представляет для человека, пришедшего с юга, грустное и мало обещающее в смысле питания

зрелище. В таких местностях, как залив Коронации, лед держится с ноября до июня или июля, в то время как лежащая кругом земля успевает покрыться молодой травой.

Мы жили в деревне, расположенной на гладком льду, в 15 километрах от берега. В ней было 15 снежных хижин и 50 человек населения, из которых 15 были ловкими охотниками. Старики и недостаточно взрослые еще мальчики на охоту не идут и остаются дома.

Посреди зимы мы могли в заливе Коронации охотиться днем в течение шести светлых часов. Обычно на охоту отправляются с рассветом; каждый охотник берет с собой собаку.

Вследствие вязкости морского льда к нему пристаёт слой снега от 15 сантиметров до метра толщины, даже при сильном ветре, когда лед пресных вод бывает, наоборот, сверкающе чистым. Мы шли по льду спокойно, как-будто для удовольствия, и только собака была немного возбуждена, чуя близкий корм. Она металась в разные стороны, настораживалась и фыркала. Внезапно она совсем остановилась перед глубоким сугробом, как бы указывая, что нашла тюленьё отверстие. Внимательно исследовав это место палкой, мы убедились в том, что собака ошиблась.

Пройдя двести метров, собака снова зафыркала. На этот раз после многократных напрасных попыток палка в одном месте погрузилась глубже, чем в других; дыхательное отверстие тюленя было найдено. Охотник вынул из своей охотничьей сумки палочку из слоновой кости, шириною в толстую вязальную спицу и вдвое длиннее ее, с небольшим кружком на одном конце. На другом имелось ушко, в которое он продел нитку длиною в 30 сантиметров, имеющей на своем конце иглку из слоновой кости. Эту

Бостоянную палочку охотник опустил в пробуравленную тюленью дыру так, что конец ее с кружком оказался на несколько сантиметров под поверхностью воды. Затем он обложил палочку снегом, чтобы она не опускалась глубже. Иголку же из слоновой кости он воткнул в снег на расстоянии 30 сантиметров от тюленьей дыры, чтобы легче было находить это место.

Летом тюлени свободно плавают в открытой воде. Но с наступлением первого мороза, когда вода покрывается льдом, тюлень вначале может часто появляться наверху, протыкая тонкий лед своей головой. Он должен в течение часа несколько раз всплыть, чтобы подышать, ибо не имеет жабр, как рыба, и дышит носом, как всякое млекопитающее.

Лед пресных вод прозрачен и плотен как оконное стекло, но морской лед, даже очень тонкий, не бывает прозрачным. Первый, будучи толщиной в $2\frac{1}{2}$ сантиметра, уже выдерживает человека, второй же даже в 7 сантиметров толщины едва выдерживает ребенка. Лишь когда толщина его достигает 15 сантиметров, на нем можно ехать на санях. Эта мягкость морского льда позволяет тюленям продолжать свое плавание подо льдом, пока последний не достигнет 10 сантиметров толщины. Тогда тюлени уже не в состоянии больше продавить лед головой и должны его прогрызть. Зубы у тюленя расположены так, что он может грызть как крыса. Чтобы дышать, он просверливает для ноздрей отверстие в $2\frac{1}{2}$ сантиметра в диаметре.

Теперь уже тюлень привязан к этому месту. Он ныряет иногда на 15 метров в глубину в поисках пищи, но должен часто всплывать к своему отверстию, чтобы подышать. Для удобства он проделывает себе с дюжину таких отверстий для дыхания. По мере того как растет толщина льда, увеличивается и глубина отверстия, прогрызаемого

тюленем. Для своего туловища он прогрызает сигарообразное отвесное логово во льду, на устройство которого затрачивает много времени.

Вскоре после осенних морозов выпадает снег, засыпающий эти дыхательные отверстия. Это-то и нужно тюленю, так как проницаемый зернистый снег пропускает воздух для его дыхания.

Итак, мой друг эскимос нашел одно из таких дыхательных отверстий. Если бы тюлень имел лишь одно такое отверстие, охота была бы очень легка, но именно вследствие большого количества их, можно только случайно застичнуть тюлепя в найденном отверстии. В течение полудня мы безуспешно сторожили его на морозе в 40 градусов. Благодаря нашей одежде мы могли без особого неудобства стоять долгое время неподвижно. Под конец я все-таки почувствовал усталость. Тогда мой друг посоветовал мне отойти на сто метров в сторону, а сам остался стоять с подветренной стороны отверстия с гарпуном в руках. Гарпун как обычно у эскимосов суживался к концу, на котором была привязана крепкая нитка.

Когда мы уже много часов поджидали появления наглого тюленя, к нам подошел другой эскимос, не нашедший еще никакого дыхательного отверстия. Он ходил со своей собакой по кругу в 50 метров, пока она наконец не нашла нового отверстия, сделанного нашим тюленем. Тогда мы привязали обеих собак на расстоянии ста метров от туда, и второй эскимос, как и первый, стал поджидать появления тюленя. Я же должен был ходить взад и вперед, сильно топая по снегу ногами, чтобы отпугнуть тюленя от других отверстий.

Повидимому, я подогнал животное ко второму эскимосу. ибо он внезапно пришел в сильное возбуждение.

Я тихопьюк приблизился к нему на десять метров и стал присматриваться. Приближение тюленя вызывает волнение на воде, заставляющее дрожать палочку из слоновой кости, а когда животное подымается в свою узкую нору, то задевает нижнюю часть этой палочки. Если палочка попадает ему на середину морды, то он подымает ее вверх, а если он задевает ее сбоку, то она глубже скользит в снег. Тогда именно охотник и направляет свой гарпун вдоль этой палочки, служащей указателем, и если он только попадет в отверстие во льду, то попадет и в тюленя, который вплотную прижимает свой нос к отверстию для дыхания.

Охотнику посчастливилось, и он попал в крупного зверя. Пока другой эскимос держал тюленя на веревке, прикрепленной к гарпуну, счастливый охотник расширил отверстие во льду, чтобы можно было вытянуть тюленя наверх. Одним ударом по голове они убили животное и подозвали собак, которые ждали, полные нетерпения.

Добычу прикрепляют веревками к легкой упряжи собаки, которая уже сама тащит его домой, в то время как ее хозяин остается на охоте, чтобы помочь другим охотникам.

Такой способ охоты применяется только там, где спокойная вода примыкает непосредственно к матерiku, как в заливе Коронации или же на расстоянии сотен километров от материка, где течение более медленное и лед зимою расстилается бесконечными ровными полями на протяжении сотен квадратных километров.

Третий способ охоты влечет за собой полную удачу, но он так прост, что его подробно описывать не стоит. Становишься на берег в том месте, где лежащий впереди лед вскрылся, и поджидаешь появления тюленя. Можно, конечно, простоять иногда и целый день, не дождавшись его,

Мне случилось однажды просидеть неделю на берегу, не заметив ни одного тюленя. Но наконец счастье все-таки улыбнулось мне.

В одно прекрасное утро я увидел на расстоянии выстрела десятки тюленей и в несколько минут уложил столько животных, сколько мне хотелось. В пути можно довольствоваться и одним тюленем, но если проживешь всю зиму в лагере на одном месте, то надо позаботиться о необходимом запасе. Охотясь на тюленей в открытом море, надо стараться попасть животному в голову, потому что тогда оно всплывает на поверхность воды. Когда тюлень выглядывает из воды, то так высоко высовывается из нее, что можно бы попасть ему даже в сердце. Но если прострелить ему туловище, а в особенности легкие, то животное быстро исчезает под водой.

В северной части Канады и Аляски существуют две породы тюленей: так называемый обыкновенный тюлень (нерпа) и бородатый тюлень. Самая большая нерпа весит не больше 90 кило, между тем как бородатый тюлень достигает 360 кило весу; поэтому охотники всячески его предпочитают. Охота на бородатого тюленя представляет лишь то неудобство, что при охоте гарпуном на льду он обычно погружается в воду и вследствие большого веса его трудно вытащить оттуда.

Охота на белых медведей

Белый медведь, который втрое больше самого крупного африканского льва, является сильнейшим хищником из всех млекопитающих севера. Белый медведь смысленнее многих других зверей, а благодаря своему белому цвету он едва замечен на фоне снега и льда.

Некоторые утверждают, что медведь с острова Кадиака на юго-западе Аляски крупнее белого медведя. Если это даже и так, то все же этот серый медведь (гризли) менее опасен, так как по преимуществу он питается растительной пищей.

Белые медведи, наоборот, питаются исключительно тюленьями; при случае они могут принять человека за тюленя и напасть на него. Мне довелось убить тринадцать серых медведей, но делал я это лишь с научной целью или когда остро ощущался недостаток в продуктах: вообще же я избегаю убивать этих медведей.

Широко распространен странный взгляд, будто белый медведь питается главным образом рыбой; происходит это потому, что черные и серые медведи тоже не пренебрегают ею.

Этот взгляд укрепился благодаря людям, пишущим книги по географии и зоологии и наблюдавшим белых медведей в неволе, где они действительно едят рыбу. Я убил много десятков белых медведей, а наблюдал их сотнями, но никогда не заметил, чтобы они ели рыбу или пытались охотиться за нею. Эскимосы также ровнехонько ничего не знают об этом.

Когда я в 1906 году жил в Туктуяктоне, то медвежье сало ежедневно дополняло наш рыбный стол. До моего приезда эскимосы убили трех медведей, но потом они больше не появлялись, так что я во время своей первой полярной экспедиции не видел ни одного. Впервые я принял участие в охоте на белых медведей во время моей второй экспедиции, в зиму 1909—1910 гг.

Была середина зимы, когда еще достаточно светло в часы от 9½ утра до 2½ дня. Эскимосы поставили капканы для лисиц и привязали своих собак, в противном

случае последние, убежав, запутались бы сами в капканы. Когда мы завтракали, собаки внезапно подняли сильнейший шум. Все мужчины выскочили на улицу с ружьями в руках. Было еще не совсем светло, но все же уже можно было разглядеть желтоватую фигуру белого медведя, выделявшуюся на белом холме. Он стоял в двухстах метрах от нас и, видимо, раздумывал о том, что обозначал весь этот шум; и вдруг бросился удирать во весь дух.

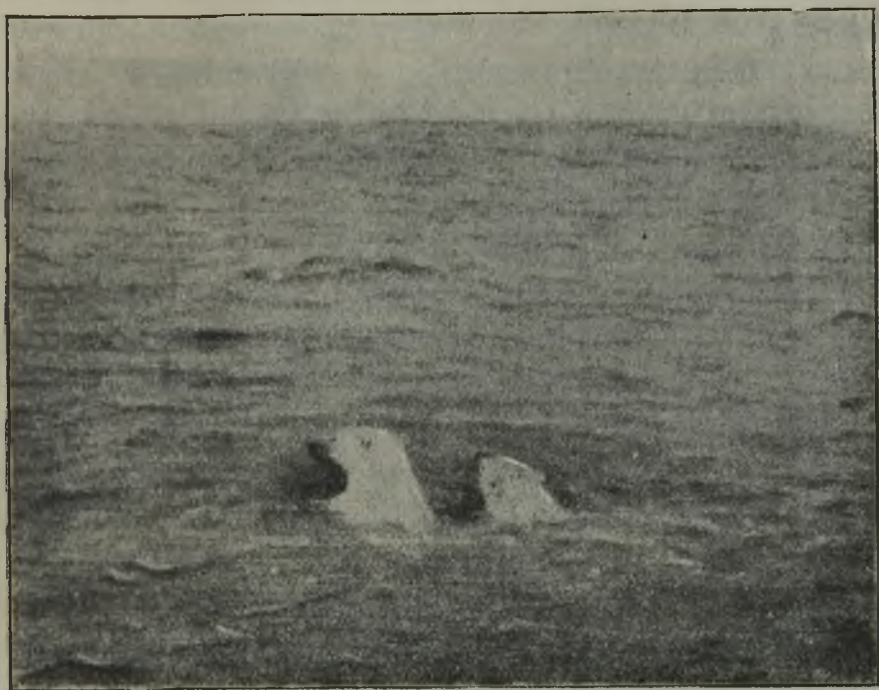
Эскимосы спустили своих собак, которые помчались за медведем стрелой. Медведь бежит быстрее человека, но медленнее собаки, и скоро одна из них догнала беглеца. Медведь обернулся и сделал попытку подмять собаку передней лапой. Скоро подросли другие собаки и стали с воем скакать вокруг медведя.

Если бы в охоте принимал участие лишь один эскимосский охотник, все произошло бы в образцовом порядке, ибо одного медведя должен преследовать всегда только один охотник. Присутствие многих белых на охоте делает ее совершенно невозможной, так как от возбуждения при виде медведя они теряют свою расторопность. С эскимосами, особенно с молодыми, дело обстоит немногим лучше.

В данном случае с нами были десять эскимосов разных возрастов и все они только перекликались и звали своих собак.

Повидимому, медведь понял, что люди для него опаснее собак, и продолжал удирать. Но собаки преследовали его по пятам и заставили его замедлить бег. Охотники приблизились и открыли сильный ружейный огонь. Старейший из эскимосов, опытный охотник, напрасно предупреждал товарищей, чтобы они были осторожны

и не убили собаку. Он хотел подойти к медведю на 15 шагов и прицелившись выстрелить ему прямо в сердце. Но раньше, чем старик успел привести в исполнение свое

Плывущие белые медведи

намерение, одна из лучших собак была убита в этой кутерьме.

Хотя белый медведь много опаснее серого, все же эту опасность для человека часто преувеличивают. Однако последующая история покажет, что белый медведь не всегда бывает безопасен.

Весной 1910 г. я ехал с тремя эскимосами из области Мэкензи на восток. Ежедневно делая по 25 километров, мы устраивались на отдых. После завтрака я обычно удалялся на 5 километров в глубь страны, исследуя ее

в восточном направлении, пока эскимосы собирали лагерные принадлежности и медленно отправлялись в путь. Увидав дичь, я согласно уговору оставлял знак для эскимосов, складывая на холме кучу камней. По этому знаку мои спутники знали, что я хочу поохотиться, и старались по возможности остановиться у этих камней, чтобы на санях увезти потом мясо. Мы выработали также систему сигналов при помощи подзорной трубы, так что эскимосы в любой момент знали, что им надо делать.

До сих пор мы жили охотой на карибу и серых медведей (гриззли), но теперь их больше не видно было. Я взобрался на возвышение, откуда было видно далеко вокруг, и в течение часа внимательно исследовал окрестности при помощи подзорной трубы в надежде увидеть тюленя или белого медведя. Внезапно я заметил на льду в полутора километрах от меня желтое пятно, которое долгое время не шевелилось. Решив, что это пятно не что иное, как лед, я пошел было дальше, но, оглянувшись, больше его не нашел. Стало быть, это все-таки был белый медведь, исчезнувший за ледяным холмом. Больше он не появлялся. Вероятно, он уснул в своем убежище.

Кругом лежали разбросанные в беспорядке глыбы льда, нагроможденные зимними буранами. Ориентировавшись среди них насколько было возможно, я поспешил к тому месту, где предполагал найти медведя, быстро карабкаясь по пути с одного ледяного холма на другой. Внезапно я услышал за собой звук, напоминавший шипенье рассерженного гуся.

В этот момент я как-раз осторожно спускался по наружному склону ледяного хребта, имея ружье в чехле за спиной. Оглянувшись, я увидел почти в шести метрах надо мной белого медведя.

Спустился он последние шесть метров так же спокойно и быстро, как это обычно делают медведи, и этот случай никогда не попал бы в литературу, ибо, как говорится в греческой басне, «львы книг не пишут». Глаза и поза медведя не оставляли никакого сомнения в его намерениях, а его шипенье как бы говорило: «берегись!» До сих пор медведь был верен себе. Да и какое животное должно предупреждать человека, владеющего ружьем?

Следы на снегу свидетельствовали о том, что эта повесть с самого начала трагична. С берега я преувеличил расстояние, отделявшее меня от медведя, и, как теперь оказалось, опередил его на 200 метров с подветренной стороны.

Медведь почуял меня и последовал за мной, я даже не заметил его приближения, так как не оглядывался. Привыкнув охотиться на медведей, я не допускал мысли, что он может охотиться за мной. Но хороший охотник должен предвидеть все возможности.

В марте 1914 года мы путешествовали по сплошным плувучим льдинам к северу от Аляски. Льдины напоминали настоящие острова, отделенные друг от друга водяными пространствами. Они были все время в движении и то-и-дело сталкивались. Лед был толщиной от одного до тридцати метров. Это происходило потому, что льдины ломались, нагромождались одна на другую и так замерзали.

Обыкновенно мы находили места, где можно было перебраться с одной льдины на другую. Лишь в одном месте мы не могли этого сделать, но пространство воды равнялось только 20 метрам, и можно было предположить, что оно еще сузится. Поэтому мы решили выжидать. Мы могли бы себе устроить перевоз, поставив по-эскимосски «лодку на санях», но это доставило бы нам слишком много хлопот, а ледяные глыбы через несколько часов

могли соединиться. Готовые каждую минуту продолжать свой путь, мы не выпрягли собак. На открытом пространстве воды попадалось много тюленей, нескольких я убил и кормил ими собак. Мы зажгли ворвань и на сильном огне сварили себе свежего мяса.

Наши ружья, полевые бинокли и тому подобные вещи мы зимою оставляем под открытым небом, ибо в доме они могут испортиться от сырости. Итак, мы уютно сидели вокруг костра и ели, когда внезапно собаки подняли отчаянный шум.

О дальнейшем развитии этой истории привожу слова моего молодого спутника, Мак Коннеля, еще никогда не видевшего белого медведя и для которого эта встреча была большим событием:

«В марте и апреле 1914 года мы путешествовали с Стефансоном¹ по пловучим льдам к северу. На тринадцатый день пути нас задержало небольшое пространство открытой воды. Руководитель экспедиции и наш спутник Сторкерсон отправились на поиски тюленей и привезли четыре штуки.

Из пустой жестянки Сторкерсон сделал печку, в которой мы зажгли тюленье сало (ворвань), не подумав о том, что запах горящего сала может привлечь к нам в лагерь белого медведя. Так оно и случилось. Когда мы хотели уже сняться с места, среди собак поднялась сильная тревога. Стефансон и другие поспешили к ним, думая, что собаки подрались. Но вдруг Сторкерсон закричал: «медведь».

Мы знали, что наша жизнь зависела от собак, любую из которых медведь мог уложить одним ударом своей

¹ Т. е. с автором настоящей книги.

лапы, и все поспешили на помощь к Стефансону, руководителю экспедиции. Прежде всего нам удалось удержать запряженных собак от того, чтобы они в своем усердии скорее напасть на медведя не бросились бы с санями в воду.

Белое чудовище стояло в семи метрах от бесновавшихся собак и покачивало из стороны в сторону своей тяжелой головой. Очевидно, этот медведь никогда еще не видел собак, а встречал лишь лисиц и тюленей, с которыми очень легко справлялся. Он, видно, принял собак за лисиц и хотел переплыть отделявшее его от них водное пространство, но в этот момент Сторкерсон схватил ружье и выстрелил. Он попал ему в переднюю лапу, и медведь перекувырнулся. Он неоднократно пытался вскарабкаться на лед, но полученные им от Стефансона и Сторкерсона несколько пуль напугали его; широкий кровавый след указывал его путь. Мы все бросились на медведя, который плюхнулся в воду, увидев, что его преследуют. В то время как наши выстрелы причинили ему неопасные раны в мягкие части тела, Стефансон выстрелом в сердце уложил его на месте».

Заканчивая эту книгу, я хочу привести рассказ моего спутника Гарольда Нойса, который сопровождал меня во время двух самых длинных моих путешествий на санях, о нашем последнем приключении с белым медведем. Арктические страны так понравились ему, что по моем возвращении домой в 1918 г. он на несколько лет остался там и до осени 1921 года изучал эскимосов у залива Коронации. Описываемая история случилась весной 1916 г. по пути с острова Мейген к месту нашей стоянки на острове Банка ¹.

¹ В моей книге „Страны будущего“ (2-й т., стр. 232) я вкратце рассказал об этом охотничьем приключении.

Вот как Нойс описывает эту встречу с медведем:

«Встреча с белым медведем была самым волнующим приключением моей охотничьей жизни. Это был первый медведь, которого я увидел под открытым небом. Мы были втроем: Стефансон, Чарли Андерсон и я. Едва мы успели поставить свою палатку, как Чарли увидел на расстоянии 200 метров какую-то движущуюся белую массу. Он подумал сперва, что это кусок плывучего льда, но потом разглядел, что это — белый медведь.

Я выбежал на крик Чарли, Стефансон же был менее возбужден, так как уже достаточно привык к белым медведям.

Мы терпеливо поджидали приближения медведя. Он, видимо, принял спящих рядом собак за тюленей. Наша палатка с санями показали ему грязным снегом и не возбудили его подозрений. Собаки, утомленные работой целого дня, спали, ничего не подозревая. Скоро медведь подошел к нам совсем близко, и в одно мгновение свирепая бестия с свинными глазами и рылом, вооруженным желтыми зубами, очутилась возле нас. Мы с Стефансоном сели на корточки за санями так, что виднелись лишь наши головы.

Медведь быстро направился к Стефансону. Я выстрелил, и он через голову покатился прямо на нас. Я хотел опять выстрелить, но промахнулся. Наконец Стефансон покончил с ним. Чарли высмеял меня за то, что я благодаря овладевшей мною охотничьей лихорадке попал медведю в ногу.

Но я думаю, что нетрудно притти в волнение, увидев, что на тебя надвигается такой огромный зверь; во время этой стрельбы дуло моего ружья описывало, вероятно, достаточно смешные зигзаги. Стефансон охотно предоставил

мне честь считать этого медведя своей добычей, ибо он уже раньше уложил их в достаточном количестве.

Позже, когда я вернулся в лоно цивилизации, мне пришлось услышать от своих друзей страшные рассказы об их приключениях с «гриззли» на Аляске и львами в Африке. Я слышал от них, как лев с ужасным рычанием и широко разинутой пастью бросается в объятия хладнокровного охотника. Может быть, я отнесся к ним с меньшим доверием, чем они того заслуживали, но я невольно вспоминал при этом свою первую встречу с белым медведем. Я хорошо знаю, что мои друзья любят во всех отношениях правду, но все же не могу не отнестись критически к их волнующим рассказам».

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Аляска—1) узкий и длинный полуостров на северо-западе Америки, между Бристольским заливом Берингова моря и Тихим океаном; составляет восточное продолжение Алеутских островов и входит в состав территории Аляски; 2) территория Аляски, бывшие американские владения России, ныне принадлежит С-АСШ, занимают северо-запад Северной Америки. К территории Аляски причисляются также острова Алеутские, Прибылова, остров св. Лаврентия и архипелаг Александра. Площадь Аляски—1.530.800 км² или $\frac{1}{3}$ площади С-АСШ, на востоке граничит с Канадой, на западе—Ледовитое море, Берингов пролив и Берингово море, на юге—Тихий океан.

По устройству поверхности Аляска представляет продолжение западной части Канады и С-АСШ. К берегам Тихого океана примыкает Тихоокеанская горная система, составляющая продолжение берегового хребта Калифорнии, Орегона и т. д. К северу от Тихого океана расположена система центрального плато, расчлененного реками бассейна Юкона и Кукоквима, которая к западу снижается, переходя в низменность.

На севере плато доходит до хребта Эндиноу, принадлежащего к системе Скалистых гор и лежащего на водоразделе к Ледовитому морю; высота до 2.400 м. Арктический склон, представляющий продолжение Великих равнин С-АСШ, покрыт по большей части тундрой. В Аляске развиты почти все осадочные системы, на горах Тихого океана много ледников.

В Аляске добывают золото, на юго-востоке по Юкону, у Нома и в других местах — серебро, медь, олово, свинец, каменный уголь, нефть, гипс, мрамор.

Орошение: В Берингово море впадают Юкон и Кукоквим, в Тихий океан—Сушитна, Медня, Стикин.

В климатическом отношении можно различать в Аляске: 1) побережье Тихого океана и Алеутские острова — с влажным умеренным климатом, 2) прочую часть Аляски с климатом арктическим, бедным

осадками. Морозы внутри страны достигают 60°, но летом бывает сравнительно жарко.

Тихоокеанское побережье на западе, вплоть до Кенайского полуострова, покрыто прекрасным высокоствольным хвойным лесом.

Животный мир. Млекопитающие: северный олень, лось; в горах—горный баран, в лесах—белка, летяга, бобр, суслик, сурок, мускусная крыса, динобраз, заяц, рысь, волк; лисица, росомаха и др.; в море—морской бобр, из птиц—колибри (до берегов Кенайского залива), из рыб—лососевые (нерка, горбуша, кета).

Население. По переписи 1920 г. — 55.036 чел. (1 чел. на 28 кв. км.) (28.000 белых и около 26,5 тыс. индейцев, эскимосов, алеутов). Белые сосредоточиваются преимущественно на южном побережье и в районе рудниковых месторождений.

История открытия. Аляска и Алеутские острова открыты, Чириковым и Берингом в 1741 году.

История колонизации и экономического развития. Первыми европейцами, начавшими заселять Аляску, были русские; объясняется это отдаленностью Аляски от пределов северо-западной колонизации в Америке и соседством с северо-восточной Сибирью.

В 1799 году возникла русско-американская компания, имевшая своей целью эксплуатацию зверовых богатств севера. С течением времени количество морских промысловых животных уменьшилось, и добыча их становилась менее выгодной. О золотых месторождениях ничего не было слышно, и русское правительство начало смотреть на свои американские владения, как на убыточную область, и в конечном итоге переговоров с С-АСШ в 1867 г. продало последним Аляску с Алеутскими островами за 7,2 миллионов долларов. С-АСШ по достоинству оценили природные богатства Аляски, уделяя Аляске большое внимание, и вскоре началось быстрое хозяйственное развитие Аляски. Открытые в конце XIX века золотые месторождения стали давать крупные доходы. С тех пор добыча золота является одной из основных отраслей местной промышленности.

Основу хозяйства Аляски составляют: 1) горная промышленность: кроме золота, добывается медь, каменный уголь, серебро и свинцовая руда, нефть, гипс, мрамор, 2) пушные промыслы, 3) морские промыслы, 4) рыболовство. Земледелие в виду неблагоприятного климата развито слабо.

Транспорт. За последние 25 лет на Аляске построено несколько железных дорог, общей длиною—1.307 км.

Кроме них, важнейшими путями сообщения являются р. Юкон и другие.

Главный город Жюно (3.058 чел. в 1920 г.); кроме него—Кетчикан (2.418 жит.), Ситка (1.175), порт Ном (852) и др.

Амундсен Роальд (р. 1871 г.) — норвежец, известный полярный путешественник. Первое путешествие было совершено в 1903—1905 гг. вдоль берегов Сев. Америки с географическими и научными целями; в 1911—1912 г. обследовал Антарктиду, при чем первоначально, до выхода в море из Буэнос-Айреса, он предпочел идти кругом мыса Горна и через Берингов пролив в Арктическое море, но затем внезапно переменял назначение экспедиции и отправился к ледяному барьеру Росса, хотя туда только-что прибыла британская экспедиция Р. Ф. Скотта, и зимовал восточнее последней у окраины барьера. Отсюда в декабре 1911 года Амундсен достиг южного полюса месяцем раньше Скотта.

По возвращении из Антарктиды Амундсен задумал повторить путь Фр. Нансена через Северо-Ледовитое море. Для этой цели было построено новое судно „Мод“, и летом 1918 года экспедиция вышла из Норвегии, но принуждена была зазимовать около мыса Челюскина; в навигацию экспедиция 1919 года также не могла пройти далеко во льды.

Амундсен возвратился обратно, сдал работы по экспедиции командиру „Мод“, и занялся подготовкою полета к северному полюсу, который и совершил 21 мая 1925 г., вылетев с 7 спутниками на двух самолетах из Шпицбергена. Экспедиция благополучно вернулась.

Но в конце июня 1928 года, вылетев на французском самолете „Латам“ на поиски экспедиции Нобиле, Амундсен пропал без вести.

Все поиски до сих пор не дали никаких результатов.

Арктика—северные полярные страны, лежащие в пределах полярной области северного полушария. Они охватывают Северное Ледовитое море с разбросанными в нем островами, а также примыкающими к нему северными окраинами континента Европы, Азии и Америки. По условиям природы Арктические страны имеют много общего с Антарктикой или южным полушарием.

Атабаска — 1) один из главных истоков реки Мэкензи в Канаде. Начинается в скалистых горах вблизи Маунт-Робсон и Маунт-Колумбия. Длина 1.040 км; течет сначала на восток, затем на север и впадает в озеро Атабаска. На реке между Пуант-Ля-Биш и фортом Мак-Муррей пороги („Grand Rapids“), которые тянутся почти на 140 км, служа препятствием для судоходства.

2) Озеро в Канаде, площадью в 7.700 кв. км, имеет в длину 330 км и в ширину 10—50 км, расположено на высоте 210 м над уровнем моря. В него впадает река Атабаска и др.; истоки озера, сливаясь с Мирной рекой, образуют Большую Невольничью реку, впадающую в Большое Невольничье озеро, откуда вытекает уже Мэкензи. Озеро имеет большое значение в сети водных путей сообщения Канадского Севера.

Антропология—учение о человеке, его распространении по земле, его разновидностях, связи с животным миром, происхождении, расовых, возрастных, половых и др. отличиях. Таким образом антропология в собственном смысле не что иное как естественная история человеческого рода.

Банкса земля—один из островов арктического архипелага в Северной Америке под $71^{\circ} 10'$ — $74^{\circ} 25'$ северной широты. Юго-западная часть острова называется иногда землей Беринга. Открыт в 1819 г. Парри.

Банкса пролив или пролив Мак Клюра — между землей Банкса и островом Мельвиль в северо-американском арктическом архипелаге.

Барроу—1) мыс, открытый Эльсоном в 1826 г. Долгое время он считался самой северной точкой Америки, тогда как в действительности ею является мыс Мерчинсон (под 72° северной широты).

2) Пролив в северо-американском архипелаге, соединяющий проливы Ланкастер и Мервиль. Открыт Парри в 1819 году.

Буксир—канат, на котором одно судно тащит другое судно или барку; буксирный пароход.

Верхнее озеро—в Северной Америке, самое значительное пресноводное на земном шаре внутри материка; длина 600 км, наибольшая ширина 290 км, поверхность 83.600 кв. км, высота над уровнем

моря 191 м, наибольшая глубина 296 м. Принадлежит к бассейну св. Лаврентия; исток реки св. Марии, впадающей в озеро Гурон.

Вигвам—овальная, куполообразная хижина индейцев Северной Америки; остов составляют воткнутые в землю и связанные вместе жерди, а покрывку—сшитые куски пихтовой или березовой коры.

Вигвам стало нарицательным именем для всякого индейского туземного жилища, однако в Северной Америке вигвам встречается лишь на Атлантическом побережье и в области Великих озер.

От вигвама следует отличать, с одной стороны, „длинный дом“, имеющий 4-угольное основание, а с другой—„типи“—конусообразная (а не куполообразная, как вигвам) палатка.

Виктория—обширный, недостаточно исследованный остров в Полярном море Северной Америки, к востоку от земли Банкса; простирается с запада на восток (по 70° северной широты) на 600 км, с севера на юг (по 110 меридиану западной долготы от Гринвича), примерно, на 450 км. Берега большей частью низменные, изрезанные многочисленными заливами.

Южная часть острова, изобилующая озерами—холмистая страна, высшие точки которой достигают 500 м. высоты. Из представителей животного мира водятся олени, мускусные быки и др., охота на которых привлекает сюда эскимосов.

На многих картах остров Виктория остается без общего названия; объясняется это тем, что различные мореплаватели, наталкиваясь на то или иное его побережье, давали ему каждый раз особое название. Так, Ричардсон в 1826 г. дал его юго-западной части название земли Уоллестона; в 1883 г. Симпсон открыл юго-восточную часть и назвал ее землей Виктории. В 1850 г. Мак Клюр дал обширной северной части острова название земли принца Альберта.

На новых американских и английских картах весь остров называется Викторией.

Виннипег—1) столица провинции Манитоба и главный город Западной Канады. Расположен в середине огромной равнины, на пересечении рек Ассинибойн и Красной.

2) Озеро и река Канады. Покрывает площадь в 8.555 кв. миль, находится на высоте 710 ф. над уровнем моря, 260 км длины, от 25 до 60 м ширины; много больших островов, включая Олений остров

(70 кв. м) и Большой остров (60 кв. м). Мелко, нет места глубже 70 фут. Главные притоки: Красная река с юга, Виннипег—с севера.

Ворвань—тюлений жир.

Гага—морская птица из семейства нырков, пластинчатоклювая, с большим клювом; короткие ноги с большими лапами, оперение густое. Живет на севере, питается моллюсками, хорошо ныряет, доставая пищу с 20—25 саженей. Оперение сверху белое, нижняя часть черная, на груди буроватый налет клюв землисто-желтый.

Гарпун—орудие (багор), употребляемое при охоте преимущественно на китов, моржей и тюленей; соединяется веревкой с китоловным судном. Действуют им или вручную, как копьем, или при помощи особых катапульти, выбрасывающих гарпун на далекое расстояние.

Глетчер (ледник)—масса из льда и снега на горных вершинах, в полярной области постоянно движущаяся в долину. Для образования глетчера необходимы в горах известные орографические условия—присутствие котловин и выходов из них.

От размера снижающегося снега в котловинах находится в зависимости и размер выходящих из них глетчеров.

Поверхность глетчера подвергается вообще довольно энергичному таянию, которым вызываются оригинальные образования, получившие название: ледников, колодцев, столов, ручьев и мельниц. Движение льда в глетчерах может представлять и другие интересные стороны: на лед попадают обломки горных пород и, несмотря на их порой очень значительную величину и вес, они сносятся в моря и низменности.

Сползая ниже снеговой линии, начинающие здесь таять глетчеры дают начало горным ручьям и рекам.

Гренландия—самый большой остров на земле, равный почти половине Европейской части СССР; представляя собою высокую каменную глыбу, покрытую вечным снегом и льдом, неблагоприятен для жизни человека. За исключением прибрежных скал, все горы и долины Гренландии покрыты материковым льдом, медленно движущимся по двум склонам: на восток и запад. Берега изрезаны фиор-

дами (ушелями), по которым лед спускается в океан, образуя ледяные горы.

В южной части Гренландии материковый лед растаивает, не доходя до океана и оставляя узкую береговую полосу, покрытую тундрами, в которых обитают туземные жители—эскимосы.

Из европейцев очень немногие, преимущественно с промысловыми судами, приезжают сюда для охоты на тюленей, моржей и китов.

В последнее время в Гренландию стала проникать культура. В одном из селений эскимосов есть даже типография, где печатаются эскимосские газеты и журналы.

Гудзонов залив—в Северной Америке. Внутреннее море, соединенное с Атлантическим океаном Гудзоновым проливом, до 1.500 км длины; наибольшая ширина его до 1000 км. Окружен территорией Канады, с суровым климатом. Плавание возможно только летом, около 3 месяцев в году, остальное же время он наполняется арктическими льдами и замерзает.

Гудзонская компания—общество для импорта в Великобританию мехов и шкур, приобретаемых главным образом путем меновой торговли с индейцами британской Северной Америки. Торговые станции этого общества рассеяны по огромной территории (исключая собственно Канаду и Аляску), ограниченной с востока и запада Атлантическим и Тихим океанами, а с юга и севера—С.-АСШ' и Северным Ледовитым океаном. С этих различных станций меха отправляются частью на складочные пункты компании по Гудзонову заливу и побережью Лабрадора для переотправки на суда Компании в Аглию, частью—пароходами на складочные пункты вдоль железных дорог, откуда идут на Монреаль, Сэйнт Джон и другие атлантические порты для погрузки на суда Общества Тихоокеанской железной дороги или на пороходы других компаний для отправки в Лондон.

Гудзонская компания основана в 1670 году, когда партией короля Карла II предоставлено было „исключительное право“ принцу Руперту и 17 другим „дворянам и джентльменам“ ведение торговли „во всех морях, проливах, реках, озерах, бухтах и водах вообще, в какой бы они ни оказались широте, лежащих в пределах входа в пролив, обычно называющийся Гудзонов пролив, и на всех землях, территориях и побережьях вышеупомянутых морей, проливов и пр.“

Привилегии, предоставленные Компании, были настолько неограничены и настолько неясно определены, что фактически по толкованию Гудзонской компании ее привилегии распространялись на все реки, впадающие в Гудзонов залив.

В начале XVIII века возникли первые поселения на побережьях рек, так как вглубь страны переселенцы не соглашались идти. Всего Компанией было основано в 1700 году 5 фортов с 170 служащими, но компания понесла огромные убытки от действий французских военных судов, предпринимавших экспедиции против английских фортов. Когда же в 1763 году Канада перешла под власть Англии, масса английских купцов, торговавших пушниной, вступила в конкурентную борьбу с Гудзонской компанией. Отдельные торговцы в конце концов объединились в „Монреальское северо-западное общество пушной торговли“. Сразу возникла обостренная конкуренция между обеими компаниями. Стадия первоначального капиталистического накопления, через которую проходила Гудзонская компания, характеризуется насилием над туземцами. Обе компании хозяйничали хищнически на громадной территории. Индейцы деморализовывались огромной массой спиртных напитков, посредством которых конкурирующие компании старались привлечь на свою сторону туземцев. Хищническое хозяйничанье грозило окончательно истощить источник пушнины. Впоследствии обе компании — Монреальское общество и Гудзонская компания — слились в одну „Гудзонскую Компанию“ (Hudson Bay Company), и в 1838 году компания получила от Англии исключительные монопольные права по торговле на 21 год. Но в 1859 году по истечении срока данных привилегий таковые возобновлены вновь не были, и с 1859 года весь край стал „открытым для всех“. Канадское правительство в 1869 г. „за уступку ему привилегий“ вынуждено было уплатить Гудзонской компании сумму в 300.000 английских фунтов; торговые пункты и станции, конечно, остались за компанией, с правом выбора известной полосы плодородной земли вокруг них для приглашаемых компанией переселенцев.

Ныне Гудзонская компания является одним из крупнейших торговых монополистов Канады, и в союзе с обществом тихоокеанской железной дороги составляет мощный транспортно-торговый концерн.

Дакота—1) два самостоятельных штата: Сев. Дакота и Южная Дакота. Граничат на севере с британскими владениями. Площадь

Дакоты — 384.460 кв. км. Население в Северной Дакоте и Южной Дакоте доходит до 1.500 тыс. человек. Дакота — страна прерий. Она весьма удобна для земледелия и скотоводства. Через штаты течет река Миссури и ее притоки; восточная часть изобилует озерами, между которыми особенно замечательно „Озеро Дьявола“, с соленой водой, не имеющее выхода к морю. На востоке лежит весьма плодородная долина (80 км ширины) реки Ред-Ривера (дно исчезнувшего озера Агассиса), текущей на север и впадающей в озеро Виннипег. На западе находятся так называемые Bad Sands — суровая, скалистая местность, замечательная по своей дикой красоте.

2) Дакота (или Джемс Ривер) — река в Северной Америке, приток Миссури, 600 миль длины; орошает северо-восточную и восточную части штатов северной и южной Дакоты.

Дарвин Чарльз Роберт (1809—1882) — величайший биолог всех времен, творец современного эволюционного учения, носящего название дарвинизм.

Из многочисленных трудов Дарвина, его „Происхождение видов путем естественного подбора“ (1859) и „Происхождение человека“ (1871) вызвали коренной переворот в основном складе человеческого мышления, и идея эволюции со времени появления этих трудов стала господствующей, руководящей идеей для всех областей знания.

Даусон или Лаусон-Сити — город на территории Канадского Юкона, при впадении реки Клондайк в Юкон. Даусон-Сити является центром золотоносного района Клондайк; быстро вырос со времени открытия золота по реке Клондайк в 1896 году. Свыше 20 тыс. жителей.

Дельта — отложения в устье рек, образование которых влечет за собой раздел реки на рукава, например, Волга, Нил.

Жировик или тальк — название камня.

Иллинойс — 1) судоходная река Северной Америки, левый приток Миссисипи, берет начало из озера Мичиган, с которым соединена каналом, образуясь из слияния рек Де-Плэн и Канкукки; по пути принимает в себя реки Фукс и Санганон и течет по богатой плодородной долине и холмистой стране на протяжении 853 км. По берегам лежат промышленный город Пеори, Оттава и др.

2) Один из центральных штатов Северной Америки.

Канада - Британская колония в Северной Америке. Занимает всю часть материка к северу от С.-АСШ до Аляски; площадь - 9.659 тысяч кв. км, считая 1.568 тыс. кв. км, покрытых водою.

Устройством поверхности. Береговая линия 18.370 км длины с превосходными гаванями; залив св. Лаврентия закрыт для судоходства в продолжение 5 месяцев, Гудзонов залив—еще долее; остаются Атлантические и Тихоокеанские берега, свободные от льда круглый год.

Страна распадается на 6 областей: 1. Восточная прибрежная область, простирается вверх по реке св. Лаврентия до Квебека, обильно орошена, имеет обширные плодородные пастбища, лежит между густо поросшими лесом горами. 2. Область от Квебека, вдоль реки св. Лаврентия и озеро Онтарио и Эри, до озера Гурон — плоская и волнистая равнина, обильно орошаемая. 3. Озерная равнина, простирается от нижнего течения реки св. Лаврентия, озера Гурон и Верхнего озера до Ледовитого океана, орошается 2 реками и замыкается рядом озер. 4. Между Гудзоновым заливом и Ледовитым океаном, бесплодная, каменистая поверхность. 5. Большая Канадская равнина, от озерной равнины до подошвы Скалистых гор, на юге представляет прерию, а на севере покрыта лесом. 6. В северной части Американских Кордильеров, значительная область, прилегающая к Тихому океану.

Реки и озера чрезвычайно многочисленны: из 5 больших канадских озер только Мичиган не принадлежит Канаде; кроме того, масса больших и малых озер. Реки изобилуют порогами и полгода покрыты льдом. Водоразделы очень низки. Главная река, св. Лаврентия, вытекает из Большого Канадского озера и впадает в Атлантический океан.

К л и м а т. Зима суровая, весна прохладная, лето короткое, но жаркое, осень („индейское лето“) замечательно привлекательная: леса окрашиваются во всевозможные цвета, небо безоблачное, только по ночам морозы. Соседство Ледовитого океана и холодного Гудзонова залива задерживает весну и часто обуславливает холод летом и осенью. В северной части Канадской равнины климат смягчается влажными ветрами, спускающимися со Скалистых гор, так что скот иногда зимует под открытым небом. Наконец по берегу Тихого океана преобладает мягкий, морской климат благодаря течению Куро-Сива.

Флора. На западе простирается Соскачеванская прерия, продолжение американской. В центральной Канаде, покрытой лесом, различают 5 лесных районов: северный, доставляющий ель, тополь, березу, иву, ольху; центральный — около южной границы содержит около 40 различных видов; южный — платаны, грецкий орех каштаны, до тропических видов, как тюльпанное дерево; западная область от озера Виннипег до Скалистых гор — характерные виды: оригинальный клен, дуб, тополь, ясень. Тихий океан обнимает побережье и прибрежные острова; характерные виды: желтый кипарис, белый кедр, Дугласова ель; на севере Канады простирается тундра, производящая замечательно разнообразные лишайники, лододендровые, карликовую иву, березу и ольху, злаки, ситники и мхи.

Фауна. Канада принадлежит одновременно к арктической (полярной) и неарктической области. Особенно важен пушной север, где водятся бобр, различные лисицы, волк, горностай, рысь, куница, медведь, енот, выдра, норка, скунс, выхухоль, росомаха, барсук, дикая кошка, далее северный олень, буйвол, лось, вапити, и другие виды оленей, мускусный бык у Ледовитого океана, антилопа, каменный баран, козел в Скалистых горах; в реках и озерах — рыба: белорыбца, форель, щука, карп; пресмыкающиеся: громадные змеи, ящерицы и земноводные; насекомые: москиты, иногда с юга прилетают стаи саранчи.

Народонаселение Канады разделяется на 7 провинций и 9 дикстриктов, границы между которыми не установлены; 20% населения — иностранные уроженцы; коренное население (индейцы) исчисляется в несколько десятков тысяч человек, постепенно вымирающих.

Сельское хозяйство. Удобной земли — 60.257.331 акров. 72% всей обработанной площади находится в южной части Онтарио и Квебека. Возделываются все европейские хлебные злаки. Пшеница до 62° сев. шир., виноград растет до 52° сев. шир. Лес покрывает 3.232 тыс. кв. км, 31,39% всей площади. Лес ценных древесных пород хищнически истребляется; целый класс народонаселения занят рубкой и сплавом леса.

Рыболовство. Величайшее в мире, в пресных водах и в море.

Охота. Вследствие большого развития охоты количество пушных зверей сильно уменьшается.

Горное дело. Добыча полезных ископаемых — золота, никеля, нефти, меди, серебра, свинца — растет с каждым годом.

Обрабатывающая промышленность сильно возросла. На первом месте из промышленных заведений стоят мельницы, потом лесопильные заводы, фабрики древесной массы, обуви, кожевенные заводы, шерстяное и хлопчатобумажное производство, производство сельхозмашин, стекла, мебели и др.

Главные предметы ввоза: шерстяные изделия, сталь, железо и их изделия, уголь и кокс, мука и съестные припасы, чай и кофе, шерсть хлопок, шелк и его изделия, лен, пенька, джут и их изделия, спирт, вино и золото.

Главные предметы вывоза: скот, мясные продукты, яйца, масло зерновой хлеб, яблоки, рыба, уголь, кожа и изделия из нее.

Пути сообщения. Важнейшую роль играют озера, реки и океаны, связывающие отдельные пункты и местности. Вся система водных путей имеет 5.000 км протяжения; протяжение железной дороги исчисляется несколькими десятками тысяч километров. Важнейшая линия — Тихоокеанская (от Монреаля до порта Ванкувер, 3.070 км).

Управление представляет союзное с Великобританией государство; исполнительная власть осуществляется советом министров, ответственных перед парламентом; законодательная власть в руках парламента, состоящего из двух палат: сената и палаты общин.

История. Первые иностранцы, посетившие Канаду, были венецианцы Джiovани и Себастиан Кабото, пришедшие в 1497 г. на 6 английских судах. В 1806 г. страной завладели французы, назвавшие ее Новой Францией; колонизация Канады началась с 1608 г. Тогда же было положено основание городу Квебек.

Столкновение с соседними поселениями англичан повели к войне, окончившейся парижским миром 1763 г., по которому вся страна перешла в руки англичан, управлявших страной чрезвычайно неудачно, что дало повод к нескольким вооруженным восстаниям, которые чуть не повели к столкновению с Соединенными Штатами, принявшими сторону инсургентов.

Китовый ус.—Так называются находящиеся в пасти кита длинные, вертикально стоящие и тесно следующие одна за другой роговые пластинки вместо зубов. Пластинки эти являются роговыми эпителиальными образованиями. Когда кит закрывает свой рот, они совершенно загораживают снаружи полость глотки, играя таким образом

роль сита, в котором застревают все попадающие вместе с водой животные.

300—360 роговых пластинок, из которых средние достигают 5 метров длины, являются одним из предметов добычи при охоте на кита, давая 1600 кг китового уса.

Клондайк — страна с богатейшими месторождениями золота на границе с Западной Канадой; название получила от притока Юкона того же имени. Обнимает весь район между Юконом и границами Канады и Аляски, горы покрыты лесом: черная и белая пихта, береза, тополь.

Золото добывается большею частью из старых речных наносов, особенно левых притоков реки Клондайк.

Зима чрезвычайно сурова, наблюдалась температура в -62° , земля вечно мерзлая, и золотоносные породы часто приходится искать и оттаивать. Летом жара поднимается до 30° . Страшный бич представляют комары.

Золото впервые было найдено в 1896 году Кормаком. Несмотря на громадные трудности пути в Клондайк, золотоискатели так стремительно нахлынули туда, что добыча стала расти из года в год.

Ковбой — собственно пастух; название верховых наездников наблюдающих за огромными гуртами скота в северо-американских прериях и на равнинах Канады.

Коллинсон — см. Фраклин Дж.

Конквистадоры (испанское слово, означающие завоеватели) — в прежних испанских владениях в Америке завоеватели страны и их потомки, которые получали от двора в награду дворянство и большие поземельные владения; в частности — главные завоеватели Перу, Мексики и других американских владений Испании, как-то Кортес, Пизарро и другие; в литературе — синоним победоносного авантюризма, бесчеловечно жестокого и ненасытно алчного.

Коронации Залив — омывает с юга часть „Северо-Западной территории“ Канады, а с севера — остров Виктории; с запада соединяется через Дельфинов пролив с Бофортским морем и Северным Ледовитым океаном.

Купер Джемс Фенимор — американский писатель. Родился в 1789 году. Детство провел в отцовском поместье на берегу озера Отиго, одном из форпостов цивилизации, где познакомился со всеми типами, потом увековеченными в романах о „Кожаном чулке“. Был отдан в школу, которой не окончил; поступил юнгой на коммерческое судно, потом служил в военном флоте, что дало ему возможность познакомиться с бытом моряков. В 1820 году написал на пари первую повесть, после чего решил посвятить себя литературе и вскоре сделался одним из популярных не только в Америке, но и в Европе писателей; позднее вызвал охлаждение к себе как англичан, так и американцев за сатирическое изображение английской и американской публики.

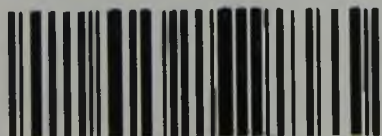
Из написанных им 67 романов не все имеют одинаковую историческую и художественную ценность и значение. Купер дал первые в американской литературе образцы хорошего исторического романа, а в своих романах о „Кожаном чулке“ облек в классическую форму столь популярную потом в литературе для юношества тему о приключениях европейцев в стране индейцев; при чем, в отличие от прежних писателей, изображал индейца не дьяволом и не как идеал, а как живого человека, одаренного положительными и отрицательными качествами. В этих пяти романах („Зверобой“, „Последний могиқан“, „Следопыт“, „Пионеры“ и „Прерии“) изображается на фоне исторических событий и автобиографических воспоминаний постепенное превращение девственного мира в очаг цивилизации. Отличаясь удивительной способностью занимательно нанизывать приключения с большим мастерством в изображении картин природы, Купер „сказал бы последнее слово искусства, если бы также хорошо умел рисовать характеры“ (Бальзак). И однако в лице главного героя, охотника, не желающего мириться с новыми порядками колонистов-собственников, пионеров цивилизации, все дальше уходящего от них вглубь первобытной природы и умирающего среди своих краснокожих друзей, Купер создал образ прекрасный как Ахиллес и типичный как Дон-Кихот“ (Лоуэлл).

Магеллан Фернандо — португальский мореплаватель (1480—1521). В молодости служил в Индии и Африке, по возвращении в Европу перешел в испанское подданство, убедил императора Карла V снабдить его флотилией для отыскания южного прохода из Атлантического

Спасе я даже загрудя нас
вспомню, как пошла по мне В. Седан-
сон, и теперь, надеюсь где-то не ро
в Красноярске, не ро не ДВ, но не ро
у меня изумительная и счастливая
жизнь

Перенесен В. Доволен, он-де мне-
ше из семьи чем в мой библи-
отеке аллюды.

Одна, более удивительная мне про
те аллюды - "Бегущие
Архивы" - ст. о. о. о.

028052008

Государственная библиотека Югры

732

